

НИКТО НЕ ЗАБЫТ, НИЧТО НЕ ЗАБЫТО

Часть 2

Город выжил,
потому что жил...

*Воспоминания жителей Финляндского округа
о войне и блокаде Ленинграда*

Внутригородское муниципальное образование Санкт-Петербурга муниципальный округ Финляндский округ

Книга «Никто не забыт, ничто не забыто», создана из воспоминаний, материалов из личных архивов участников Великой Отечественной войны, блокадников и труженников тыла, проживающих на территории нашего округа. В книге отражены судьбы людей, живущих с нами по соседству, людей, которых мы можем видеть каждый день, но не все мы знаем, что им пришлось пережить во время великого испытания для нашей Родины — Великой Отечественной войны.

Данная книга поможет лучше узнать о людях, порой незаметных и скромных, спасших нашу страну от гибели. К сожалению, с каждым годом их все становится меньше и меньше, а ведь только они способны рассказать нам всю правду о войне и пусть эта книга поможет нам сохранить их воспоминания.

© Муниципальное образование Финляндский округ, 2011

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Нами подготовлена вторая часть Книги памяти «Никто не забыт, ничто не забыто», в которой собраны воспоминания жителей нашего округа о войне и блокаде Ленинграда.

Блокада оставила неизгладимый след в жизни каждой ленинградской семьи и судьбах тысяч людей. Вспоминать те ужасные дни невероятно тяжело. Одни авторы этих воспоминаний пережили 900-дневную блокаду в городе, другие сражались на фронте, третьи — работали на заводах и строительстве укреплений. Каждый из них внес в Победу над врагом свою лепту. Фашисты намеревались стереть город с лица земли. 8 ноября 1941 года, когда замкнулось кольцо блокады вокруг города, Адольф Гитлер заявил: «Ленинград уже поднял

руки. Рано или поздно он падёт. Никто не сможет его освободить. Никто не сможет прорвать кольцо. Ленинград обречён на гибель от голода».

Однако Ленинград стал символом стойкости, мужества и героизма. Ленинградцы верили в Победу и город выжил, потому, что жил.

Нами была организована работа по сбору материала и фотодокументов. В работу включились общественные организации, члены Молодежного совета, школьники и муниципальные служащие. Поисковый отряд «Молодая гвардия» помог нам создать комнату боевой славы, в которой размещены экспонаты, найденные на полях сражений. В комнате боевой славы ветераны войны и блокадники проводят уроки мужества для школьников округа.

Хочу выразить искреннюю благодарность ветеранам Великой Отечественной войны, жителям блокадного Ленинграда, которые поделились своими воспоминаниями, всем тем, кто принял участие в создании книги.

Мы преклоняемся перед теми, кто выстоял, и помним подвиг тех, кто отдал свои жизни, защищая наш любимый город. Вечная им память и слава!

*Глава муниципального образования Финляндский округ
Всеволод Беликов*

**МУНИЦИПАЛЬНЫЙ СОВЕТ И МЕСТНАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ
МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ФИНЛЯНДСКИЙ ОКРУГ
ВЫРАЖАЮТ ИСКРЕННЮЮ БЛАГОДАРНОСТЬ ЗА ПОМОЩЬ В ИЗДАНИИ
КНИГИ ПАМЯТИ «НИКТО НЕ ЗАБЫТ, НИЧТО НЕ ЗАБЫТО»**

**Общественной организации муниципального образования
Финляндский округ «Жители блокадного Ленинграда»**

Председателю: *Куликовой Галине Филипповне.*

Активу: *Алфёровой Марине Фёдоровне, Ильиной Елене Валентиновне, Батехиной Валентине Фёдоровне, Пикоткиной Галине Николаевне, Купцовой Тамаре Петровне, Савельевой Аделаиде Васильевне.*

**Общественной организации муниципального образования
Финляндский округ «Совет ветеранов (пенсионеров) войны, труда, Вооружённых Сил и правоохранительных органов»**

Председателю: *Солину Анатолию Анатольевичу.*

Активу: *Докучаевой Валентине Борисовне, Якуриной Таисии Константиновне, Мухиной Лене Васильевне, Цикиной Лилии Владимировне, Тихоновой Зинаиде Ивановне, Овчинниковой Вере Николаевне.*

**Молодёжному совету
муниципального образования Финляндский округ**

Председателю: *Прокопьеву Сергею.*

Членам совета: *Кузьмицкому Артёму, Князьковой Анне, Красновой Виктории, Кац Полине, Лескову Денису, Манжиной Алёне, Петровской Анастасии, Чистякову Андрею, Янченко Павлу.*

Учащимся школы № 138

Веснину Юрию, Григорьевской Светлане, Ротову Александру.

Галина Ивановна АЛОВА

Война началась в июне 1941 года. Мне тогда было всего 14 лет. Я — коренная ленинградка. Жили мы в доме, который выходил с северной стороны на улицу Лиговка (Московский пр.). Семья наша состояла из 5 человек. Мне, как старшей из детей, приходилось часто ходить за хлебом. Во дворе у нас от зажигательной бомбы сгорела булочная, и я за хлебом ходила по всей Лиговке до Боровой улицы в булочную, чтобы взять хлеб и идти обратно. А в это время часто были обстрелы из дальнобойного орудия. Приходилось часто ходить под обстрелом — страшно! Но шли, что делать.

Уже 12 сентября 1941 года. Горели «Бадаевские» склады с продуктами, что находились на Черниговской улице. Сахар лился, как лава.

Мой братик (ему было тогда 11 лет) говорит маме: «Дай ведро или бидон, я пойду, принесу жженого сахара». Принес, стали чай пить, а там, в этом жженом сахаре, половина земли на зубах скрипела. Ну что мог принести ребенок!

Склады сгорели, настал голод. Вот и начались голодные дни. Варили клей столярный: чтобы отбить запах, добавляли лавровый лист. Доставали жмых, то есть то, чем раньше кормили скот. Еще этот корм называли «дурандой». Был горчичный, подсолнечный, кокосовый корм. А кто его доставал для еды, умирали с криком от боли — после него был заворот кишок.

Самая страшная была зима 1942 года — голод и холод. Мамин брат (мой дядя), работая в войну на Металлическом заводе, сделал нам печку (тогда называли буржуйка или барабанка) и через реку Неву с Выборгской стороны на Московский проспект принес ее нам. Мороз тогда был сильный, транспорт никакой не ходил, и как мой дядя, полуголодный, принес эту печку? А нам-то какая была ра-

дость! В нашу комнату пришли соседи погреться и попить теплого кипяточка. А еще вокруг этой печки сушили свой хлеб — 125 граммов, чтобы сухарики были более споркими. Так мы продляли дни своей жизни, как могли. А как только ближе к весне стал таять снег, ходили на кладбище на могилки и вокруг собирали молодую крапиву, чтобы потом сварить суп, так как у многих началась цинга.

Новодевичье кладбище выходило на Черниговскую улицу — это близко, где мы жили. Оно нас во время войны от голода выручало тем, что там был старый деревянный забор, и мы его доламывали и несли домой топить печь.

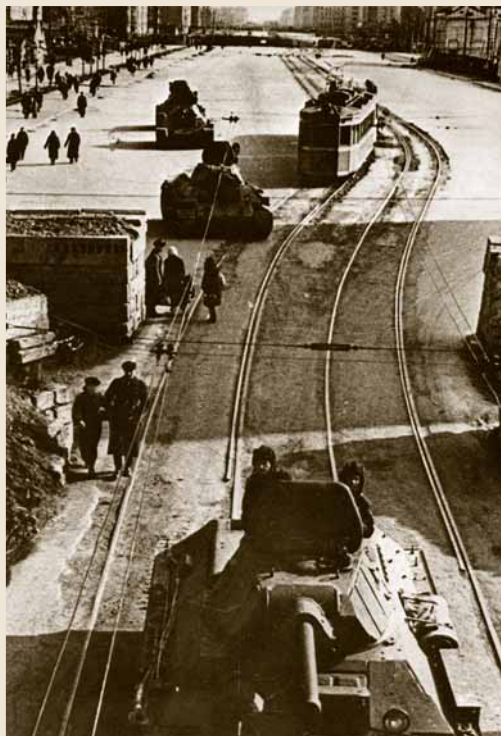
Умер мой папа в сентябре 1941 года, а в июле 1942 от голода умер мой братик, ему было 11 лет. Хоронили не в гробах. Обворачивали в простыню, брали в домохозяйстве тележку и везли на Волковское кладбище, где была вырыта общая яма, туда бросали трупы наших мучеников. И дядя мой, который привез печку, тоже умер в 1942-м, идя на работу на Металлический завод.

В июле 1942 года, нас (то есть маму, меня и сестру) буквально заставили эвакуироваться. Маме сказали: «Если не уедете, карточки на хлеб не получите». Нам пришлось уехать. Увезли в Алтайский край. Ехали в телячьих вагонах долго. По дороге на всех станциях кормили манной кашей, другой не помню. Везде был организован горячий кипяток.

Ну что особенно запомнилось, когда приезжали в город Новосибирск. Это было уже где-то вечером, нам

предложили помыться в бане. Для нас, блокадников, столько времени не мывшихся! А тут баня теплая, и мы были очень рады. Белье у нас забрали и повесили на металлические кольца для прожарки, у кого-то могли быть и вши. Какие мы счастливые вышли из этой бани! Очень было все организовано и продумано и в то же время были заботливые люди. Но приехав в Алтайский край, мы были у хозяев на квартире. Для того чтобы помыться в их бане, мне, 15-летней девочке, приходилось с реки носить воду на коромысле. Воды много носила. Пришлось и в колхозе на прополке работать, со школы ездили. С хозяевами, где жили, ездила сено ворошить, дрова пилила в лесу. Природа там изумительная, разнотравье. Но, как ни хорошо, а дома лучше.

Вот и теперь старость пришла. Мне, блокаднице, 83 года. Живу в своем родном городе. Спасибо социальным работникам, что не забывают, и Обществу блокадников за их заботу о нас.

Архив РИА Новости. #60544
Фото: Чертов | 24.06.1942

Воздушная тревога
Ленинградцы бегут по улицам города в первые дни войны.

Надежда Леонидовна АСАФОВА

22 июня 1942 года в 4 часа утра началась война! Было воскресенье, мы с папой поехали организованно на экскурсию в лес под Зеленогорск. Ехали на грузовике, народу было много. Доехав до станции Лисий нос, мы увидели, что люди заклеивают окна. Нам объяснили пожилые люди, что это — война.

Самолеты кружили над головой, нам тоже сказали — это немецкие «мессершмидты». Настроение было испорчено — вернулись домой.

Нам выдали продуктовые карточки. А когда нас немцы зажали в кольцо, не было доставки продуктов. Только через Ладожское озеро, которое бомбили постоянно. А когда сгорели Бадаевские склады, то продуктов не было никаких. Папа получал хлеба, по моему, 200 г в день, а я — 125 г. Папа работал в Адмиралтействе, находился на казарменном положении и приходил домой только в выходной. Приносил бутылку олифы, но жарить было нечего. Принес как-то клей столярный, я из него варила студень. На рынке продавали отжимки от подсолнечных семечек, называется «дуранда». Кусочек с ноготь стоил

Архив РИА Новости. #888
Фото: Всеволод Тарасевич | 10.09.1941

Помощь раненым после артобстрела в Ленинграде

Санитарки оказывают первую помощь пострадавшим после первого обстрела в Ленинграде на Социалистической улице.

10 рублей. У меня стали выпадать зубы и волосы. Кожа лопалась, как пергаментная бумага.

На углу Ординарной ул. и Большого пр. был огромный репродуктор, куда собирались люди слушать новости с фронта, каждый день в 18.00. Маскировка была, только синяя лампочка горела. Темно, а все равно шли, и, чтобы не наткнуться друг на друга, нам дали деревянные кружки на ниточке, покрытые фосфором. Привязывали на пуговицу: фосфор светится, значит, человек идет. Вот так общались и были в курсе военных событий. Я ходила, но опасно было возвращаться.

Водопровод не работал, канализация — тоже, все замерзло. На детских саночках ездили к Петропавловской крепости за водой. Если утром пойдем, то приходили, когда темно. Ноги подводили.

А однажды папа слег, дали больничный лист на 10 дней. Срок кончился, я пошла в поликлинику — продлить еще на 10 дней. Лекарства никакого не было, нужна была еда. Выходя из поликлиники, я увидела в сугробе женщину. Она протягивала всем руку, чтобы ее подняли на ноги. Но никто к ней не подошел. Тогда я подошла и подала ей руку. Оказалось, что она стояла только на одной ноге. На правой могла стоять только на коленке. Я согласилась ее проводить, она крепко за меня уцепилась и не хотела уходить: оказалось, глухонемая. Я показала ей больничный лист, сказала, что папа один дома болеет. Она расплакалась. Потасила ее до ул. Рентгена, до дома. Вернулась, на улице уже было темно. Дома соседи волновались, а папа сказал, что я правильно сделала, что не бросила женщину одну, вечером, зимой.

На второй день пошла на рынок — менять папиросы на хлеб. Случайно встретила одноклассницу, которая держала в руках кусочек хлеба (от солнца он уже высох как сухарь), она меняла хлебешек свой на дрова. Уставшая и замерзшая, я не могла ни с чем вернуться домой. Я ее привела к себе в свой сарай и показала, где лежат наши дрова, показала, как открыть замок. В ее семье было трое детей. Я не могла иначе поступить.

Через неделю я пришла за дровами и обнаружила, что дрова березовые уменьшаются. Значит, Оля Коротеева там бывает. Мне было очень приятно, что Господь нас так свел. И я обогрела детей. Она была старшая.

На Саблинской улице была столовая, где можно было купить одну поварешку горохового супа. Из карточек вырезали 5 г жира и 5 г крупы. Я тоже пошла. Была очередь, подходя, все просили погуще. Раздатчица плакала, так как не было густо, плавало три горошины. Я не понесла домой, а выпила суп из баночки. Подходя к дому, увидела сидящего на ступеньках нашей парадной парня лет 16. Он сидел молча, обняв солдатский котелок, опустив голову.

Когда я подошла, он крепче к груди прижал котелок. Боялся, что отниму. Мне никогда его не забыть. У меня было чувство, что он замерзает, но кому-то бережет свой суп гороховый.

Я вошла в парадную, поднялась домой, хотела вскипятить кипятку, но что-то помешало. Утром, выходя

на улицу, обнаружила парня внутри парадной, лежащего животом вниз: котелка нет, шапки нет, рукавичек тоже нет. Брюки синие были спущены до колен, а левая ягодица полностью вырезана. Крови почему-то не было. Ужасно. Хотя бы адрес спросила. Боялась, что темно. Страшно. Все помню, будто бы вчера. И прошу прощения.

Когда было холодно после того, как снаряд попал в наш дом и были выбиты стекла, вставили фанеру. Мы зажигали керосиновые фитильки, и было спокойнее. Я таскала у папы папиросы и курила, пока его не было дома — чуть-чуть было теплее.

Архив РИА Новости. #244
Фото: Озерский | 01.02.1942

Истощенные голодом люди

Бабушка везет на санках истощенного от голода подростка. Ленинград в дни блокады.

В хозяйстве были руководители по МПВО, они регулярно молодежь вызывали на работу: скалывать лес ломом, красить перекрытия на чердаках огнеупорной краской, дежурить по ночам на чердаках, обезвреживая зажигательные бомбы песком и водой. Транспорт никакой не ходил. Люди ходили пешком кому куда было надо. Ходили на пепе-

Архив РИА Новости. #907
Фото: Борис Кудяров | 01.12.1941

Жители Ленинграда в очереди за водой

Жители блокадного Ленинграда набирают воду, появившуюся после артобстрела в пробойнах в асфальте.

лице Бадаевских складов за горелым сахаром (это черная угольная сладкая земля). Люди заливали эту землю водой, размешивали и пили. Я пробовала 0,5 стакана.

Легче стало моему папе, и он произнес: «Надо ехать, еще успеем». Стали собираться в эвакуацию. Ехали на поезде до станции Борисова Грива. Нас поместили в разрушенной церкви до утра. Ночью у женщины плакал маленький ребенок. Молока у нее не было, она проколола себе грудь и приложила к ней ребенка, но он был мертв. Мать лишилась рассудка и бегала с криком по церкви.

Утром подали грузовики, и нас всех разместили. Переправлялись через Ладожское озеро. Лед уже был покрыт водой. Колеса машины были наполовину в воде. Ехали медленно, встречая на пути девушек-регулировщиц.

Дверь в кабину у водителя была постоянно открыта: это для того, чтобы водитель мог выпрыгнуть, если машина будет тонуть. Неожиданно показалась голова из кабины водителя: он объяснил, что прибор показывает перегрузку, надо всем по возможности выбросить некоторые узлы с вещами на дно озера. Но никто и не подумал слушаться, пока водитель не объяснил, что перед нами машина с людьми пошла ко дну. И обратился к моему папе: «Вы, мужчина, убедите женщин, чтобы не было беды, и покажите им пример». Тогда папа согнал меня с узла, и, подняв узел вверх, бросил его в воду, а за ним и второй узел. Я просила оставить один узел с бельем и постелью. Но он сказал: «Если доедем, набьем наволочки сеном». После того как папа показал такой «пример», все женщины стали бросать в озеро кто что мог. Водитель крикнул: «Хватит», прибор был в норме, и мы поехали дальше, если я не ошибаюсь, до станции Кабона. Нас высадили и поместили в товарный вагон, очень огромный. В вагоне было две буржуйки. Дрова добывали сами. Ехали 30 дней. Не раздевались. В нашем вагоне было 89 человек. А до места доехали 42 человека. С нами ехали папин друг Ефим Платонович, его жена Анна и две их дочери — Галина и Валентина (они и по сей день живы).

Когда надо было пропускать по железной дороге военные эшелоны, то нас загоняли в тупик и пропускали их, иногда стояли по двое суток. Конечно без еды. А потом доехали до Вологды, и нам сказали, что можно получить хлеб — 800 г, а хлеб был горячий. Папин друг Ефим сам пошел за пайком, получил хлеб и дорогой ел. А когда в вагон пришел, ему стало плохо, а помощи никакой — он съел весь хлеб. Вскоре скончался. Зашили в одеяло и сдали в Борисоглебске. Тетя Аня слегла. На станции Тихорецкая ее сдали в больницу. Две их дочери поехали с нами дальше, до станции Мостовая. А через неделю получили из больницы телеграмму, что скончалась Анна. Девочки остались одни. Три года жили на Кубани. Работали. И наконец вернулись в свой родной город. Но еще шла война.

Мы попали на военный завод. Жили там три года, потом, по случаю приглашения администрации «Арсенала» уехали в Ленинград — я и папа.

Архив РИА Новости. #594303
Фото: Анатолий Гаранин | 09.10.1942

Расчет сержанта Федора Коноплева ведет огонь по самолетам в Ленинграде.

Софья Яковлевна АТЛАСОВА

Софья Яковлевна Атласова родилась 1 сентября 1912 года в селе Новинки Невельского района Псковской области в большой крестьянской семье, где, кроме отца и матери, было еще семеро детей. Жить в деревне было трудно, приходилось помогать родителям зарабатывать деньги.

В 1937 году, имея два неполных класса образования за плечами, Софья Яковлевна перебралась в Ленинград. Брат матери помог ей устроиться работать на завод «Коминтерн» на Васильевском острове. Жить было непросто — не было ленинградской прописки (за такое правонарушение можно было попасть на принудительные работы), нужно было отправлять деньги семье в деревню.

В этом же году произошло важное событие — 26 ноября Софья Яковлевна вышла замуж за Якова Ильича Атласова и переехала на Каменноостровский проспект, дом 61, в большую коммунальную квартиру. В этой квартире ей и предстояло вместе с сестрой Лилей и трехлетней дочерью Сталиной пережить блокаду.

Почти сразу после начала войны муж ушел добровольцем на фронт, а Софья Яковлевна устроилась работать в детскую больницу имени Филатова на должность санитары.

Вскоре начались бомбежки, немецкие войска окружили город, нормы выдаваемых по карточкам продуктов стали уменьшаться. Софью Яковлевну перевели на работу курьером. Так как трамваи не ходили, ей приходилось ежедневно ходить пешком по замерзающему, голодному городу (которого она толком-то и не знала на тот момент!), под бомбежками и артобстрелами относить различные документы.

Однажды, перейдя Троицкий мост, она попала под бомбежку. Несколько бомб упали на Марсово поле, убив множество людей, а одна угодила в воду совсем рядом с тем местом, где стояла Софья Яковлевна. Очнулась она уже, когда ее поднимал милиционер. Документы были на месте, а вот продовольственные карточки исчезли.

Достать еду становилось все труднее. Приходилось рвать вокруг огородов лебеду, чтобы сварить из нее суп. Но вскоре и лебеда закончилась. Тогда кто-то разворошил яму с отходами возле пищевого комбината на Пискаревке, и люди начали есть черные, почти перегнившие остатки картофеля. Софья Яковлевна пекла из них лепешки и носила их мужу в госпиталь. Яков Ильич вернулся с фронта раненый. Свой паек он не съедал, а отдавал для дочери Сталины. Изредка Сталину подкармливала сестра, работавшая на пищевом комбинате, она имела возможность принести домой парутройку маленьких картофелин.

Водопровод в блокадном Ленинграде не работал. И зимой и летом за водой приходилось ходить на Неву. Зимой было особенно тяжело — к единственной лунке выстраивалась длинная очередь. Сил пробить еще одну прорубь во льду ни у кого не было. Приходилось кружкой набирать ведро и на санках везти его домой.

Дома воду обязательно кипятили на буржуйке. Те, кто пил сырую воду, очень часто умирали. Перед войной муж Софьи Яковлевны купил машину дров, и поэтому проблем с отоплением не было. Буржуйка давала и тепло, и свет, позволяла готовить скудную пищу.

Архив РИА Новости. #594317
Фото: Анатолий Гаранин | 09.10.1941

Всевобуч (всеобщее военное обучение) в Ленинграде.

равно очень многое еще напоминало об ужасах войны.

В родной деревне Софьи Яковлевны — Новинках, где всю войну жила ее мать с тремя детьми, побывали немецкие войска. Пока стояли там, они заставляли местное население работать, но и кормили, а как ушли — все дома и хлеба сожгли дотла. Софья Яковлевна смогла чудом найти пепелище своего дома по стоявшей рядом с ним рябине, которую сама когда-то посадила вместе с сестрой.

Война закончилась, и нужно было жить дальше. В 1944 году в семье Софьи Яковлевны и Якова Ильича родился второй ребенок, в 1947-м — двое сыновей. И Софья Яковлевна, конечно же, посвятила себя воспитанию детей.

Сейчас Софья Яковлевна Атласова проживает в нашем муниципальном округе на Полюстровском проспекте. Желаем уважаемому ветерану крепкого здоровья.

Но даже в такое трудное, непростое, военное время случилось что-то хорошее. Однажды ночью в дверь коммуналки постучался незнакомый старик, сказал, что он принес посылку от Якова Ильича. Это было странно, так как Яков Ильич лежал в госпитале. Но старик не обманул и передал посылку, которую собрали сослуживцы Якова Ильича: буханку хлеба, водку и сахар — целое богатство по тем временам!

Самым большим праздником стал естественно День Победы. На улицах играла музыка, а вечером был салют. Жить становилось лучше, нормы выдаваемого хлеба по карточкам увеличили, но все

1967 г.

Валентина Федоровна БАТЕХИНА

Воспоминание о войне из уст мамы

Моя мама и старшая сестра Александра рассказывали мне о том, что они видели и пережили в военное время, какая это была страшная и тяжёлая пора. Мама уже давно нет с нами. Она умерла в январе 1988 года. Но все её рассказы о войне мы хорошо помним. Сестра живёт в Санкт-Петербурге. Она 1929 года рождения. Ежегодно 8 сентября в день рождения мамы мы собираемся все вместе, вспоминая годы блокады и рассказывая о том времени своим детям, внукам и внучкам.

Я родилась 11 февраля 1939 года в Слуцком районе Ленинградской области. Завод имени Свердлова.

С сентября 1940 по ноябрь 1941 года вместе с папой, мамой, сестрой и братом проживали в городе Ленинграде, Мед-стан, дом 2-1, кв 1, а после смерти двоюродного брата мамы переехали жить на улицу Кабанина (ныне улица Челябинская), где проживали с ноября 1941 по июль 1942 года.

Мои родители, мама и папа, работали на Ржевском полигоне, на военном заводе «Краснознамёнец». Папа работал мастером на ведомственной железной дороге военного завода и имел «бронь» от войны. Зачастую он на-

ходил на казарменном положении, потому что занимался отправкой военной продукции на фронт. Мама работала на заводе у станка.

Фашисты очень часто обстреливали Ржевку, особенно военный полигон. Мне запомнился грохот от разрывающихся снарядов, их оглушительный свист и вой. Они осыпали всё вокруг своими осколками и кусками битых кирпичей.

Из рассказов мамы особенно запомнился такой эпизод моей жизни.

Рядом с домом находился детский сад, куда я ходила. После очередной бомбёжки здание детского

сада было превращено в развалины. Много детей и сотрудников детского сада были ранены и убиты. Всех оставшихся в живых детей перевели в полуподвальное помещение одного здания, расположенного рядом с детским садом на этой же улице. Когда мама и сестра пришли в детский сад за мной, то им сказали: «Ищите своего ребёнка среди живых». Однако поиски были тщетны, меня они не нашли. Тогда их попросили поискать среди погибших. Сейчас я хорошо себе представляю состояние моих родных. Среди погибших меня тоже не оказалось. И когда они уже собрались уходить домой, санитарка услышала в развалинах одного из помещений плачь ребёнка. Это была я. Время было очень тяжёлое — в городе свирепствовали голод и холод. Все думали о еде и о тепле домашнего очага.

Не могу не вспомнить ещё один эпизод из своей жизни. В те голодные годы были добрые и мужественные люди, готовые прийти на помощь. На улице Кабанова жил сапожник с женой, у которых не было детей. В то время у мамы нас было трое: я, моя старшая сестра Александра и сын Василий — самый старший. Эти соседи очень жалели мою

маму и меня. Каждый день приносили мне маленький кусочек хлеба. Они давали мне вторую жизнь. Прошло 65 лет со дня окончания войны, но память об этих людях я буду хранить до конца своей жизни.

В январе 1942 года нашу семью постигла беда — внезапно умер мой папа, который был захоронен на Пискарёвском кладбище. ИСС Книга памяти, г. Санкт-Петербург. Дата смерти: январь 1942 года. Архив: район Калининский, карточка 401455. Через некоторое время умирает мой старший брат Василий, который ушёл из дома рыть окопы и не вернулся. В это же время заболела мама. Она не вставала с постели. Но помогли нашей беде опять хорошие люди. Они принесли стаканчик пшена, и мама встала на ноги.

В августе 1942 года по приказу директора завода военного полигона «Ржевка» часть завода, в том числе и семьи, были загружены в железнодорожный состав из товарных вагонов и отправлены в Сибирь.

На новом месте мама устроилась на завод, я пошла в детский сад, а сестра в школу.

В 1945 году мы вернулись в Ленинград. Город был весь разрушен. Нас поселили в коммунальную квартиру на 5-й Советской улице, дом 33, квартира 6.

Немецким захватчикам не удалось сломить дух русского народа. Мы должны гордиться подвигом ленинградцев и брать пример со старшего поколения как любить свой город и в целом всю Родину.

Семья, 1972 г.

Зоя Дмитриевна БЕЗЛЮДНАЯ

• *Ветеран Великой Отечественной войны, блокадница.*

★ *Награждена 14 медалями.*

Мои воспоминания о том, что пришлось пережить за 900 дней блокады Ленинграда и о чём нельзя забыть до конца жизни. Даже не верится, что прошло 67 лет с того страшного дня, когда 8 сентября 1941 года началась блокада Ленинграда.

8 сентября 1941 года я вышла на Фонтанку (мы всю блокаду жили на Моховой улице дом № 41 напротив цирка) и увидела чёрное небо. Это горели Бадаевские склады, в которых хранился продовольственный запас города. Склады разбомбили, и с этого дня началась блокада города.

22 июня началась война, а 23 июня мне исполнилось 14 лет. Школа прекратила работать. Управхоз нашего дома попросила меня помогать ей по дому на общественных началах. Я дежурила у телефона, выходила во двор подавать сигнал о тревоге, потому что не у всех дома были радиотарелки. По радио звучал голос диктора: «Воздушная тревога, воздушная тревога!», потом для оповещения включался метроном. Люди бежали в бомбоубежище или укрывались под лестничными маршами. Дежурила на крышах и даже однажды в одну из бомбёжек погасила зажигательную бомбу. Для этого на чердаках домов

ставили вёдра с песком и водой. Привлекалась на оборонительные работы для рытья окопов, ходила в 20/12 эвакогоспиталь на Фонтанке, дом 36 помогать раненым. Я в составе группы общественных домов ходила по квартирам выявлять умерших. Было очень страшно.

В 15 лет у меня ещё не было паспорта, поэтому штамп о работе ставили в метрику. Работать я пошла в 28-е почтовое отделение на Литейном проспекте, дом 29, чтобы получать рабочую карточку, по которой норма хлеба была не 125 граммов, а 250. Дома у меня была больная мама и младшая сестра, которая родилась 5 декабря 1940 года. Папа и мой брат были на фронте. Брат был танкистом и погиб в 1943 году в танковом сражении на Курской дуге. Папа, слава богу, остался в живых и вернулся с фронта.

Ночами при морозе минус 30—40 градусов я занимала очередь в магазин, чтобы отоварить карточки, так как не всегда хватало продуктов. Также я ходила на Неву за водой, весной собирала лебеду, которую мы жарили на олифе. Папа собирался летом делать ремонт, поэтому дома была олифа и столярный клей. Всё это мы съели. Я была единственной опорой в доме.

На почте я выполняла любую работу: и сортировщика, и контролёра. Носила выручку в кожаной сумке с пистолетом на узел связи, что на Владимирском проспекте. Однажды попала под артиллерийский обстрел. Взрывной волной разорвавшегося артиллерийского снаряда меня отбросило в арку дома на углу Невского проспекта и Владимирского, где гастроном. Кроме сильного удара, который я получила, никаких ранений не было. Главное, что я осталась жива.

Весною выходила на уборку дворов от нечистот, которые падали в виде сосуллек. Ничего ведь не работало: ни водопровод, ни канализация. Люди всё выливали в окна. Чтобы спасти город от эпидемии, проводили уборку дворов и улиц.

Город бомбили часто, в одно и то же время раздавался непрерывный гул немецких самолётов и звук падающих бомб. Затем слышался стук зениток, которые стояли на Инженерном (Михайловском) замке. Однажды бомба попала в другой дом на Моховой, напротив 41-го дома. У нас в квартире от взрыва всё затряслось, и мы поняли, что это где-

то рядом. Вышли во двор, а он весь освещён светом от пожара, так как бомба была с нефтью. Всё было объято пламенем, бомба пробила даже бомбоубежище. В бомбоубежище погибло много людей, мы видели, как их тела потом вывозили.

Хочется написать о жителях блокадного Ленинграда, которые, несмотря на то что были или дистрофиками, или с водянкой, помогали городу как могли. Поэтому город выстоял.

Мне хорошо запомнился день 18 января 1944 года. Мне выделили билет на оперетту «Раскинулось море широко» в театр Музыкальной комедии. Он всю блокаду был в Ленинграде и давал спектакли в Пушкинском театре — Александринке. Артисты театра шефствовали над госпиталем, в котором я ухаживала за ранеными. Когда был первый антракт, задержали продолжение спектакля. Зрители не могли понять причину, хотя из-за тревог такое случалось часто. На этот раз бомбёжки не было. Вдруг на сцену выходят все артисты и нам объявляют, что блокада Ленинграда прорвана!

Трудно себе представить, что началось в зрительном зале. Нам предложили выйти на улицу и посмотреть

на фейерверк. Мы чуть не ослепли от ярких огней в Екатерининском садике. Стреляли из ракетниц с крыши театра и вокруг. После постоянной светомаскировки города — это было чудо! Потом мы вернулись в помещение театра и досмотрели спектакль до конца.

Ещё одно запоминающееся событие — это 7 симфония Чайковского, исполненная в филармонии. На фоне этого страшного времени было и чуточку радости. За каждой строчкой написанного столько испытано трудностей, горя и страха. Чтобы это понять, нужно хотя бы сотую долю этого прочувствовать.

Вспоминая все это, мне не верится, что я, будучи подростком (с 14 до 18 лет), дистрофиком смогла все это вынести и остаться в живых, спасти маму и сестру. Наверное, кроме любви к своим близким, надо еще очень любить свой город. И венец этому моё награждение в 16 лет, в 1943 году, медалью «За оборону Ленинграда». Там, в госпитале, где я оказывала помощь раненым, говорили: «Как этот подросток могла заменить многих взрослых?»

*Да будет сердце счастьем озаряться
У каждого, кому проговорят:
Ты любишь так, как любят ленинградцы,
Да будет мерой чести Ленинград!*

Галина Ивановна БЕСПРОЗВАННЫХ

Воспоминания о блокадном детстве

Во время войны мы жили на Московском проспекте рядом с заводом «Электросила». Дом стоял за железнодорожной насыпью, это нас спасало от обстрелов, а бомбёжки и артобстрелы были очень частыми, так как немцы старались уничтожить завод. Во время бомбёжки на наш дом падали зажигалки. Мы бегали на чердак тушить их. На чердаке были баки с водой, ящики с песком, лопатки, щипцы. Мы хватали шипящие зажигалки щипцами, бросали их в воду и засыпали песком.

Моя сестра Валечка родилась в 1936 году, и тогда ей было пять лет. При артобстреле мы с ней прятались под кроватью, так как нам было очень страшно. В наш дом никогда не попадал снаряд, так как он был защищён насыпью, а вот Московский райсовет, который находился рядом с нашим домом, был разбомблен и от него досталось нашему дому — осколками были выбиты окна, двери, стены тоже были побиты осколками.

В 1941 году 5 декабря в день «Сталинской конституции» погиб мой отец Иван Антонович Шалыгин во

Архив РИА Новости. #604176
Фото: Борис Кудояров | 01.11.1942

Рабочие Кировского завода идут на фронт

Рабочие Кировского завода идут на фронт. В блокадном Ленинграде. Великая Отечественная война 1941–1945 годов.

время сильной бомбёжки станции Пятой ГЭС, где он работал. Мой брат, Юрий Шалыгин, которому тогда было 15 лет, долго его искал, разгребая завалы, но нигде не нашел. Так и пропал отец без вести.

В конце 1941 года загорелись Бадаевские продовольственные склады, в основном там были запасы сахарного песка. Мой брат принимал участие в тушении пожара. Он был добровольцем службы НПВО и во время тушения сильно обгорел. Он умер в начале 1942 года.

Никогда не забыть о сладкой земле, пропитанной жженым расплавленным сахаром. Землю разрезали на мелкие кусочки и продавали их. Мы пили воду, ведь чая не было, с этой сладкой землёй, пропитанной не только сахаром, но и кровью людей, погибших на пожаре.

В 1942 году мы остались втроём: мать — Мария Шалыгина, я — Галя Шалыгина и сестра Валечка. Ещё была бабушка, которая жила на станции Всеволожск, — Агриппина Фёдоровна Васильева, ей было 64 года. О ней я расскажу позже.

Валечка была очень плохая, распухшая, вся как стекло: лицо, живот. Я была чуть покрепче. Мать работала дворником (хоть и имела высшее образование), принимала активное участие в очистке города от грязи, обледенения. Были на улицах и трупы замёрзшие, их приходилось отвозить на саночках к кирпичному заводу, там был крематорий. Теперь это территория Парка Победы. Туда же мы отвезли моего брата Юру. Я помогала матери, так как и она была очень слабая. В 1942 году мою маму наградили медалью «За оборону Ленинграда» и грамотами Исполнительного комитета Ленинградского городского совета № 68 и № 78 за подписью Попкова, Пономарёва, а потом в 1948—1949 годах она была осуждена по Ленинградскому делу на 25 лет с конфискацией имущества, без права переписки на 5 лет. Конфисковывать у нас было нечего, а медаль забрали, которую, я считаю, с мамой зарабатывала и я. С Валечкой мы остались одни, к этому времени у нас никого уже не было, и после перенесенной блокады остались врагами народа! Мать вернулась в 1955 году после смерти Сталина и была реабилитирована. Трудно рассказывать...

В 1942 году матери была выделена грядка земли возле дома Советов по Московскому проспекту, тогда там не было застроек. Были противотанковые рвы, надолбы вплоть до Пулковских высот, то есть это была передовая линия.

Туда мы с мамой ходили сажать капусту и турнепс, потом ходили полоть. Ходить, казалось, очень далеко, но потом это было большим подспорьем в питании. Обстрелы были очень частыми, снаряды пролетали с большим и жутким воем над головами, и мы, а народа было много, прятались между грядками, лежа на земле.

Помнится, зимой 1941 года, а зима была очень холодной, мы с мамой оказались у Московского вокзала. Был вечер. И вдруг воздушная тревога. Все люди побежали в бомбоубежище в доме, где сейчас гостиница «Октябрьская». В подвале я запомнила молодую женщину с грудным

Архив РИА Новости. #348
Фото: Всеволод Тарасевич | 01.01.1942

В дни блокады

Женщины на заводе льют металл. Блокада Ленинграда.

ребёнком. Ребёнок был почти голенький, очень плакал. Наверно, воздушная тревога застала их врасплох. Были дети, старики, много людей... И вдруг страшный вой, грохот. Всем показалось, что в этот дом попала бомба. Нас действительно долго вызволяли. Была заклинена дверь, выход засыпан. Но когда мы вышли, увидели, что вся площадь и Невский проспект были залиты водой. Оказалось, разбомбили водонапорную башню где-то возле вокзала. Все люди шли в потоках воды, я была в валенках, промокла до колен и сильно тогда заболела. Болела долго, лекарств не было. Не помню, как болела, помню, что хотелось хлебушка, но его было только 125 грамм...

До войны мы жила на даче у бабушки летом. У нее был домик застройки 1928 года. Бабушка жила одна и, помню, ей помогал мой отец. В 1938 году я даже пошла там в школу. Тогда в школу начинали ходить с 8 лет.

Очень хорошо помню 22 июня 1941 года. Это был солнечный день, и около 10 часов утра собралось много народа на улице. У всех были обеспокоенные лица, и слышались слова: «Война... война...» Помню, как мы с ребятами играли в лапту, и до нас не очень доходило, что это такое, что за трагедия произошла. Но уже на следующий день все дачники уехали, и стало пусто и тихо.

В начале августа появились беженцы, в основном женщины с детьми. Лошади с повозками были забиты тюками, коровы, козы — все расположились на участках, домов тогда было очень мало. Потом кое-кто распределился в опустевших домах, бабушка приютила две семьи, но потом всё же они уехали куда-то. Беженцы были, кажется, из Тихвина. Их было очень много. Как-то быстро начался голод, введены были карточки, и меня забрали в город, так как карточки давали по прописке, а прописана я была в городе. Бабушка жила одна, и я ездила к ней. Ездить уже было трудно. Поезда с Финляндского вокзала ходили, но нужен был специальный пропуск. Мне иногда удавалось проехать, а один раз меня высадили на Ржевке, и я пошла пешком на Всеволожск, к кому-то пристроилась. Было очень страшно, уже встречались трупы. Пришла я ночью, бабушка топила печку, и я

увидела, что она опаливает большую крысу. Я поняла, зачем она это делает, и стала плакать, просить, чтобы она выбросила её. Она обещала. Очень трудно это вспоминать.

Карточки городские во Всеволожске не отоваривались, и мне приходилось ходить на Ржевку за хлебом, там давали только на два дня. Другой раз, бывало, повезет, и дадут на три дня. Ходить было очень страшно и опасно, могли убить, отобрать хлеб, но мы собирались несколько человек, а иногда от Мельничьих Ручьев на товарных поездах доезжали до Ржевки, а там всегда останавливались поезда. Иногда мы и от Ржевки ездили, но тогда только до Мельничьих Ручьев, так как это был железнодорожный узел. Кстати, его очень часто бомбили, мы видели эти воздушные бои. Бывало, фашистские самолёты пролетали очень низко и бросали листовки. Правда, содержание этих листовок я уже не помню.

Бабушка была очень плохая, и за хлебом для неё ездила я на лыжах в Рябовское сельпо. Ездить надо было мимо кладбища, а там штабелями, как дрова, были уложены трупы, и почему-то голые, все замёрзшие. Господи, как было страшно, но другой дороги не было.

Осенью 1941 года бабушка с папой закопали в яму картофель для посадки на следующий год, как всегда они делали. Но весной 1942 года бабушка обнаружила, что яма была вскопана, и все украдено. Бабушка очень плакала. Видно, кто-то знал про нашу яму. Казалось, сажать было уже нечего, но весной всё же удалось что-то посадить, да и в городе, как я писала, была одна грядка, и она, надо сказать, оказала нам большую помощь и спасла от голодной смерти. Летом уже пекли лепёшки из лебеды, варили суп из крапивы, отвары из еловых шишек, но тем не менее у меня почти целый год гнили косточки на голенях. До сих пор остались напоминания — ноги часто болят.

В 1941—1942 годах в школу я почти не ходила, а в 1942—1943 уже ходила, правда, с частыми прогулами. К началу 1943 года стало как-то лучше — в школе начали давать кашку. Это был настоящий праздник!

В январе был прорыв блокады. Во всех вселилась надежда на лучшее будущее. Мы, школьники, разгружали дрова на Мельничьих Ручьях с вагонов, оказывали

помощь в госпиталях, устраивали самодеятельные концерты под руководством преподавателей, читали стихи, танцевали, пели. Летом мы работали на торфоразработках в Ириновке. Машинами резали торф, а мы переворачивали его.

Училась я в начальной школе в 1942–1943 годах, которая находилась на Колтушском шоссе. Со мной в одном классе учились дети маршала Говорова, их всегда привозили и увозили на машине — машина черная «эмка». Жили они на Ждановской даче. Надо сказать, что вели себя они очень хорошо, а точнее, просто тихо. Дружили они с одной девочкой, Лидой Мешковой, очень красивая она была. Кажется, в 1942 году зимой у неё погиб отец, он был военный, полковник. Хоронили его со всеми военными почестями. Мы всем классом присутствовали на кладбище.

В 1985 году мне мои знакомые сообщили, что по радио было обращение, если кто-то знает, помнит детей, которые учились во Всеволожской школе — Степулева Женя, Шалыгина Галя, Корсакова Таня и другие, которые собирали травы для лекарств, разгружали дрова и прочее, просьба срочно сообщить.

Алексей Иванович БРОВКИН

- *Участник финской и Великой Отечественной войн*

★ *Награжден:*

- *Орден Красной Звезды*
- *Два ордена Отечественной войны I-й степени*
- *Медаль «За отвагу»*
- *Медаль «За оборону Ленинграда»*
- *Медаль «За Победу над Германией»*
- *Юбилейные медали (более 20)*

Начало войны

Меня призвали в армию раньше положенного срока — в 18 лет. Таких же, как я, ранних новобранцев тогда было много. В 1939 году по приказу Ворошилова вооруженные ряды Красной Армии пополнили студенты начальных курсов всех учебных заведений, а также все юноши, не достигшие двадцатилетнего возраста.

Не прошло и месяца службы в армии, как наши войска были переведены на Финский фронт. Попал я в 8-ю отдельную стрелковую бригаду.

Рядовой Бровкин А.И. (справа) с комсоргом батальона Зотовым Николаем

Прошел через Финскую войну, отметинку получил — до сих пор остался шрам под левым глазом. Но с окончанием советско-финской войны военная жизнь для меня, как и для многих однополчан, не закончилась. К тому времени у Финляндии Россия выторговала военно-морскую базу на полуострове Ханко, которую необходимо было укреплять и охранять. Готовились к другой войне. Находясь в Фин-

ляндии, мы знали, что война будет вот-вот. Мы были на особом положении, потому что находились за границей. Были оторваны от родины. От нас, солдат, ничего не скрывали. Открывали глаза на все. Ведь мы пришли туда, потому что ожидали войну. Советскому правительству было важно иметь сильную военно-морскую базу на полуострове Ханко для защиты Кронштадта, следовательно, и самого Ленинграда, в случае нападения противника с моря.

Когда немцы брали Париж, начальник политотдела нашей бригады Романов был приглашен немцами как представитель дружественной армии, в качестве наблюдателя. Вернувшись в часть, он сказал, что немцев бить можно, и мы будем их бить:

— Они нахальные, вооружены хорошо, но мы их одолеем. У нас больше импровизации. Но главное, что нам надо готовиться к войне.

А потом, позже (после взятия Парижа), В.М. Молотов встречался с Гитлером и просил его, чтобы из Финляндии вывели войска. Три вопроса ставил он перед Гитлером, но ни один не был удовлетворен. Приехав, Молотов сказал, что на уступки немцы не идут, будет война. В июне к нам приехал посол в Финляндии Изотов и сказал:

— Готовьтесь.

Тогда мы были подчинены военно-морскому флоту. Ждали нападения. Нарком Кузнецов 19 июня получил весточку и дал команду № 1 — полная боевая готовность. К тому времени мы уже три дня были в окопах.

Рядовой А. И. Бровкин (справа) с командиром отделения И.А. Внученко на полуострове Ханко

К декабрю 1941 года все задачи, поставленные перед 8-й отдельной стрелковой бригадой, — ни одного корабля противника не подпустить в Финский залив — были выполнены. Наше соединение было единственным, которое не сдало ни метра земли. Мы насмерть стояли пять с половиной месяцев, 164 дня.

После успешной операции нашим войскам оставалось только уйти, по возможности, без потерь личного и командного состава.

К уходу из Ханко командование подошло творчески. Ушли из Финляндии мы хитро! Ушли у немцев из-под носа так, что они даже не поняли сразу. Было это так. В один из дней наше командование приказало нам сделать вид, что нас нет: не топить кухню, не показываться в траншеях, на стрельбу со стороны врага не отвечать, сидеть тихо, как говорится, ни чихнуть, ни ахнуть. Так мы просидели трое суток. На первые сутки немцы интереса на такое наше поведение не проявили, на вторые стали выглядывать — что-то русских не видно, на третьи — нахально пошли в нашу сторону, и вот тут раздалась команда: «Со всех видов оружия, что есть — огонь!» И такой огонь дали! Через неделю командование опять приказало трое суток не высовываться. То же проделали потом еще три раза.

Когда наша бригада покинула Ханко, враг не сразу в это поверил. Какое-то время думали, что это очередная уловка.

Архив РИА Новости. #1000
Фото: Всеволод Тарасевич | 01.10.1941

Бойцы несут на плечах носилки

*Бойцы несут на плечах носилки с лежащим на них солдатом.
Ленинградский фронт. Начало операции на Невской Дубровке.*

2 декабря мы отправились в порт, пешком прошли 20 км. Я на всю жизнь запомнил время ухода — в 2 часа 40 минут я о камень ударил большой будильник, сделанный из лодочного таксомотора (потом об этом пожалел, надо было оставить на память). Из порта мы должны были отправиться в Кронштадт. Шесть тысяч наших бойцов разместились на турбоэлектроходе «Иосиф Сталин». Корабль уже вышел на рейд, как произошел взрыв — попали на мины. Спасти с берега оставшихся в живых было невозможно. Чтоб выйти в море на помощь пострадавшим, не было техники. Все было перегружено продуктами, оружием, людьми. Потом нам стало известно, что через три дня немцы взяли на буксир останки корабля и потащили в Таллин — около 3 тысяч наших попали в плен. И все же, по меркам командования, такая операция прошла удачно: из 27 тысяч 24 тысячи удалось сохранить.

В Кронштадт мы приехали ночью. Отправиться сразу в Ленинград не было возможности — лед, по которому пришлось идти, оказался слишком тонким. Поэтому несколько дней отсиживались на месте. Ночью 14 декабря мы перешли в Лисий Нос. Нам подогнали поезд и отправили на Финляндский вокзал. Мы приехали в Ленинград: темно, снаряды, стрельба кругом, всполохи идут повсюду. Куда мы попали?! Кругом немцы стреляли. Когда уезжали с Ханко, нам говорили: «Берите продукты, кто сколько может». Я набрал столько, сколько солдат смог бы взять в свой рюкзак: два котелка сахару кускового, сухарей килограмма три, тушенки банки четыре—пять... Так, пока с Финляндского вокзала шли до Международного (Московского) проспекта, мы все раздали голодным...

По дороге гробы везут! Голод страшнейший. А мы об этом там, на полуострове, не знали, нам об этом не говорили, связи не было, газет не было, радио слушали редко. Знали мало что. Мы не знали, например, что полностью блокирован город, что немцы под Москвой.

Мы со свежими силами, здоровые, со всем вооружением, стали опорой для города. Заняли позиции. Командование нам говорило: «Только на вас надежда», потому что мы все обстрелянные, опытные, финскую войну уже прошли. Изнуренные солдаты в Ленинграде увидели нас, обрадовались:

«Ханковцы приехали!»

Немцы нас там, на Ханко, бандитами называли.

Перед блокадой

На Ханко я был минометчиком, а когда приехал в Ленинград, добровольно ушел в разведку. Был организован лыжный батальон при нашей дивизии, я стал командиром отделения разведки. В мае, когда лыжи не были нужны, нас расформировывали в разведроту. Был секретарем комсомольской организации роты. Потом стал замкомвзвода, а затем командиром взвода. Присвоили звание сержанта, через год звание младшего лейтенанта, а за-

тем лейтенанта. После каждого боя я на каблучок становился выше.

...Прорыв блокады осуществлялся много раз. Когда немцы заняли Шлиссельбург, вышли к Неве, в 1941 году осенью пытались прорвать блокаду. Высадили десант на Невском пятачке, заняли его, всю зиму там провели, но в апреле почти все там же погибли. Оставили его...

В августе—сентябре 1942-го решили повторить. Высадилась дивизия за Невой. Октябрь, ноябрь, декабрь — в это время серьезно готовились к прорыву. Форсировали Неву в районе Рыбацкого. Подготовку к прорыву контролировал Ворошилов.

Разведка выходила обычно на полмесяца раньше боя, и по ее данным готовилась операция. Мы должны были выяснить все огневые точки: пулеметные, артиллерийские, куда ведется огонь, как враг перемещается.

Разведчики наши наблюдение вели в Марьино и часто видели женщин. «Бегают по траншее женщины» — записали в вахтенный журнал. Приехал командир дивизии генерал Симоняк, читает и говорит: «Какие бабы? Вам все бабы снятся!» Он объяснил нам, что эти бабы не кто иной, как немцы: «Нужно отличать зимнего фрица от баб! Посмотри, они надевают на себя и платки и все, что есть, лишь бы согреться».

...Прорыв блокады начали под звуки Интернационала. У нас был дивизионный оркестр. После сигнала зеленой ракеткой пошли солдаты с музыкой.

Тяжелые были бои. Враг был очень силен. Хорошо вооружен, снабжен, экипирован. У немцев были хорошо оборудованные землянки. Они сопротивлялись сильно. Но через 6 дней мы встретились с Волховским фронтом. Нашим командиром был участник Гражданской войны генерал Николай Павлович Симоняк. Он со мной, как с сыном, обращался. Мы его «батькой» звали. За прорыв блокады ему присвоено звание Героя Советского Союза.

Архив РИА Новости. #2675
Фото: Б. Вдовенко | 01.11.1942

Связисты прокладывают телефонный кабель в лесу

В 1942 году было много слабых людей, голодных, потерявших веру в победу. Они уходили к немцам.

15—16 января 1943 года меня отправили на задание в рабочий синявинский поселок, который немцы использовали как опорные пункты. Он должен был стать местом встречи Волховского фронта и нашего. Его никак не могли взять. Поэтому Симоняк послал нас туда в разведку. Я отправился с группой. Связался с командиром роты Михайловым, чтоб предварительно узнать обстановку. Выяснил, что немцы стреляют постоянно. Подползли, слышу русскую речь. Что такое? Михайлов говорил, что я первый иду с ротой. А тут слышна русская речь. Я кричу: «Братья, славяне!» В ответ тишина. «Скажите пропуск», — попросил я их. В ответ после небольшого молчания раздалась пулеметная очередь. «Прекратите стрелять! Славяне! Мы — ленинградцы!» Стрельба не прекратилась. Одного бойца ранило. Прорваться и завязать бой у меня не было возможности. Я тогда

пробрался к Михайлову и спрашиваю: «Слушай, что ты говоришь, что там нет русских?!»

Он отвечает:

— Что ты такое говоришь! Я знаю точно, что русских там нет, потому что я первый, кто туда идет уже пять дней!

— Ну, как же нет русских, когда я слышал родную речь! — не успокаивался я.

— Какие русские!? Слышал — стреляли из немецкого оружия?

Я вернулся к ребятам, ни с чем мы пришли в штаб. Симоняку рассказал обо всем, он не поверил даже сразу. Понять все никак не мог. Думал, что я заблудился, на своих наткнулся. Дураком меня обозвал. Но я же геодезист, для меня это невозможно.

18-го наши взяли штурмом поселок и в плен человек 70 наших, русских солдат, вооруженных немецким оружием, одетых в немецкую форму. Один из них оказался разведчиком, сапером, из нашего полка. «Ах ты, сволочь! Мы думали, что ты погиб, а ты!!!» — и его, конечно, тут же расстреляли...

На войне хватало предателей, изменников, просто трусов. По-человечески я понимал их: они хотели жить, любили свою семью, свою родину, но не выдерживали. У меня были два разведчика, которые прошли через всю войну без единой царапины. Но два раза и один и другой струсили. Срывались с места, хотели бежать. Я им кричал: «Стой, куда!» Они возвращались, но дорогое для операции время было уже потеряно. У меня была возможность их расстрелять. Но я не смог этого сделать. Они потом исправились.

В разведке после боя пополнение молодыми солдатами — обычное дело. Получаю как-то тяжелое задание и выбираю с собой молодых ребят. А рядом старый разведчик стоит, смотрит на них и не выдерживает:

— Слушай лейтенант, задача трудная. Петя не годится, молодой. Пойду я.

А задание на самом деле было такое, что бойцы могли не вернуться. Старый разведчик увидел, что этот — молодой, неопытный — заменил его. И это случай не

Архив РИА Новости. #286
Фото: Всеволод Тарасевич | 01.11.1941

Бойцы везут замаскированную военную технику

Бойцы везут замаскированную военную технику по размытым дорогам. Ленинградский фронт.

единственный, когда опытный разведчик шел на смерть за молодого мальчика.

8 октября 1943 года пришло Решение Военного Совета Ленинградского фронта снять блокаду в районе Пулковских высот и Ораниенбаумского Пятачка. Я 11 октября получил задание идти на Пулковскую высоту с группой и вести разведку противника в расположение 42-й армии.

В группу входили сержант Егоров, сержант Сергей Шапитко, Павел Костоглот, Иван Коныш, Савинский Ленья. Вначале нами командовал замначальника разведки капитан Александр Николаевич Русанов. Нам предоставили наблюдательный пункт № 1 42-й армии и хорошую землянку. Когда Русанова отозвали, за него начальником группы остался я. По-

сколько у нас опыт разведки уже был, мы прикинули, что наступать будем 7-го ноября. День и ночь слушали, смотрели, изучали ходы противника, поведение, режим. Нам казалось, что узнали все лучше некуда. А когда пришли в расположение части, взяли прежнюю схему и данные о противнике, то поняли, что на этот раз от нее придется отказаться: из штаба армии мы получили карту, в которой было допущено множество неточностей и ошибок. Решили начать все с нуля. Как будто никаких данных нет. Мы начали работать и половину указанных огневых точек в итоге не нашли — их просто не оказалось. Нам пришлось лишний раз рисковать, выползая к немецким заграждениям, всё выяснять. Карта из штаба армии содержала данные, сделанные на основе простых фотографий. Огневые точки указывали даже там, где видели одного автоматчика. Но мы исправили все неточности, и поэтому наше командование знало о немцах все досконально.

Просто повезло

15 января 1944-го года во время боя я находился рядом с командиром 63-й гвардейской дивизии Седловым, молодым полковником. Было ему всего 32 года. Сидели в траншее. Он постоянно высовывался, пытался все рассмотреть. Специально для него была сделана насыпь, бортик. Он стоял на нем, я справа. Наблюдали за боем. Через несколько минут немцы дали ответный огонь прямо по нашему командному пункту. Один снаряд врезался в брус перед нами, но не взорвался. Мы — в разные стороны. Седлову удалось сразу выскочить в дверь и спуститься в землянку, а мне никак — на ногу завалилась большая мерзлая глыба. «Бровкин!» — кричит командир. Я собрал всю волю в кулак, без паники отвечаю: «Все в порядке, сейчас ногу вытащу». Вытащил из валенка ногу — и скорей в землянку. Из нее уже не выходили. Это видели несколько разведчиков и радист, и тогда нашему везению никто из них не удивился, приняли как должное. А у Седлова в тот день к тому же был день рождения. Повара заранее приготовили пирог для него, но до пирога ли было! Главный подарок уже был сделан.

Этот момент мы скрыли. Потому что было неловко рассказывать, что нам просто повезло.

Про любовь

В феврале 1943 года я был ранен в Красном Бору. Во время операции мы наткнулись на танк, зарытый в снегу, который не смогли обнаружить. Вот с него-то из пулемета в нас и стреляли. Двоих убило, меня ранило в ногу. Отбиваясь от немцев, три километра мои товарищи меня несли на руках. По дороге потерял много крови.

Попал в госпиталь. Там пролежал два месяца. Познакомился с будущей женой Валентиной — знакомство было «в кальсонах». Произошло это в феврале 1943-го, а поженились мы в ноябре — проверяли друг друга. У нас говорили, что женятся во время войны только дураки. Но мы все-таки расписались. Было это так. Я пришел с Пулковской высоты, где вели разведку. Мы с Валентиной пошли погулять по Садовой. Идем, смотрим, на углу Садовой и Майорова здание с надписью ЗАГС. «Пойдем!?» — вместе сказали, взглянув друг на друга. Зашли. Там женщина-милиционер записала нас, и мы пошли на службу: она на дежурство, а я на Пулковскую высоту. Так мы стали мужем и женой.

В тот момент я ничего не понимал, а Валя почувствовала себя настоящей женой, обрадовалась. Это было по ее лицу видно.

Победа и жизнь после войны

Победу я встретил с горькими слезами. На тот момент полтора года лежал в больнице. В 1944 году 8 марта в районе Нарвы я получил ранение в позвоночник, в спинной мозг, задеты были 3—4 шейные позвонки. Был полностью парализован, мог крутить только головой.

В Мечниковской больнице, в которой я лечился, моей жене сказали, что я не жилец, от силы протяну месяца два.

Но несмотря на предсказания врачей я встал на ноги. Ни работать, ни учиться, правда, не мог. Лекции высидеть было невозможно из-за болей в позвоночнике. И все же сумел на даче и дом построить самостоятельно, и грядки копать, и выращивать овощи. Много пешком ходил. Двух сыновей вырастил. Отдушиной для меня стала общественная ра-

бота. Входил в состав домового комитета, работал в товарищеском суде, организовывал с детьми красные уголки. Был секретарем партийной организации 19-й жилконторы. В Любашинском парке не одно дерево посадил.

67 лет имею I группу инвалидности.

Записала С. Титова

ИЗ МЕМУАРОВ А.И. БРОВКИНА

Минометный взвод 335-го стрелкового полка на полуострове Ханко

Наш минометный взвод полка прибыл на полуостров Ханко 24-го апреля 1940 года, т. е. первым эшелонном. В городе Ханко и порту патрулировали красноармейцы 6-й роты, которые прибыли сюда неделю назад на транспортных самолетах — комроты Андрей Солтан.

Начальник артиллерии полка старший лейтенант И.О. Бондаренко отдал первый приказ на полуострове:

— Жить будем на хуторе Синда, что в десяти километрах от города. В домах нар не делать, в стены гвоздей не забивать, соблюдать чистоту и порядок.

Мы расположились на даче шведского посла в Финляндии. Конец апреля и весь май нам был предоставлен отдых после трудной войны с финнами. 1-го июня мы перешли на лагерную жизнь: 10—12 часов учебных занятий, приближенных к военным условиям, работы по оборудованию огневых позиций основательно выматывали наши силы. Но мы, прошедшие суровую школу зимней кампании 1939—1940 годов, переносили легко, без нытья — хлюпиков среди нас не было.

Зимовали мы в казарме, которую сделали своими руками совместно с батареей полковой артиллерии.

Лето 1940 года. Наша часть находилась на полуострове Ханко. Красноармеец, артиллерийский разведчик Михаил Дудин читает нам стихи собственного сочинения. Из Иваново прислали первую книгу стихов «Ливень».

В это же время в «Звезде» были напечатаны стихи о Карельском перешейке. Дудин одинаково хорошо читает как свои, так и чужие стихи.

1941 год. Началась война. Дудина взяли в редакцию газеты «Защитник Родины» — эта газета издавалась политотделом 8-й стрелковой бригады на полуострове Ханко. На Ханко издавалась газета «Красный Гангут». Когда не стало бумаги, решено было выпускать одну газету, и Дудин до последнего номера работал в ней. И почти в каждом номере печатались его стихи, в которых звучали слова уверенности, что мы выстоим и победим.

Мы жили для своего народа

Ускоренно постукивают колеса товарного вагона, пронзительно гудит паровозный гудок. Посредине вагона висит фонарь «летучая мышь», справа и слева от входа стоят по четыре лошади, лениво жуя пересохшее сено. Удобно устроившись на тюке сена, я читаю томик стихов В. Маяковского, который купил в военоторговской лавке накануне отъезда на фронт. Да, мы едем туда, где в заснеженных лесах Карельского перешейка идет война.

Только сейчас я по-настоящему понимаю Маяковского и как поэта, и как гражданина, и как агитатора «трибуна главаря». На уроках в школе, в техникуме он

оставался для меня мало понятен, не доходил до моего сердца его ладноскроенный, крепкоприглаженный стих.

...Перед отъездом нашу школу расформировали, меня перевели в минометный взвод полка. Михаила Дудина — в полковую артиллерию, разведчиком. Мы едем на фронт. Нам говорили, что наша задача — готовить себя к освободительной миссии: освободить Бессарабию, насильственно захваченную румынскими боярами. Теперь наш эшелон идет из Котовска в Ленинград.

Я дневальный по конюшне. В мои обязанности входит уборка станков, давать по норме сено и овес, на остановках вместе с ездо-выми поить лошадей.

Орлик — любимец наш — темно-бурый мерин, все время тянется, пытается своими зубами стащить с моей головы шлем-буденовку, а потом, «догадавшись», что мне холодно, уткнул свою морду за воротник шинели, и его теплое дыхание полилось плотной струйкой по моей спине. Я еще не раз буду подставлять свою спину под губы Орлика в февральскую 45-градусную стужу.

Скоро Гомель. Там ужин из походной кухни и смена дневальных. К лошадям придет Саша Рединов, а я пойду в теплушку. Там посреди вагона стоит печка-буржуйка, вокруг которой тесно сидят минометчики и рассказывают о своих похождениях на гражданке.

Все наше подразделение поместилось в одном вагоне-теплушке. Нас всего 48 человек — 4 расчета по 10 человек, 5 красноармейцев связистов, писарь, помкомвзвода и командир взвода младший лейтенант Гудыменко. Гудыменко старается поближе узнать каждого бойца, ведь он командовать нами стал только перед отъездом на фронт.

Командиров отделений или, как у нас говорили, командиров минометных расчетов Чухраева Михаила, Третьякова Семена, Внученко Ивана, Волощинко Ивана комвзвода хорошо знал, так как целый год учил их в полковой школе военному делу. Остальные красноармейцы в армию пришли в последних числах ноября 1939 года. Нам было по 20 лет. Мы понимали нашего взводного: ему нами командовать, вести нас в бой, ему за нас отвечать, а у нас ни опыта, ни военных знаний и никакого понятия о войне, на которую едем. Надежда была на те знания, которые приобрели в Осоавиахиме. В этой военно-патриотической организации мы научились стрелять по-ворошиловски, изучили химическую защиту и санитарное дело. Мы были патриотами своей Социалистической Родины, преданы нашей Ленинской партии коммунистов, мы были готовы сделать все, что нужно на войне.

Январь 1944 года. Бой за Воронью Гору

Я исполнял обязанности командира 66-й отдельной гвардейской разведроты. 17 января 1944 года во второй половине дня комдив полковник А. Ф. Щеглов приказал мне с ротой быстро идти на помощь к командиру роты автоматчиков капитану В. Масальскому, который якобы дерется на Вороньей Горе.

За деревней Николаевкой мы узнали, что капитан тяжело ранен не дойдя до Вороньей Горы.

Было еще светло, но вечерние сумерки нависли над горизонтом. Мы установили, что у подножия горы кругом траншеи полного профиля, где установлено несколько немецких пулеметов. В донесении, посланном командиру дивизии, я написал, что он дезориентирован, что Масальский с ротой не дошел до Вороньей Горы двух километров, был

ранен. Связной принес приказ комдива, в котором говорилось, чтобы я нашел командира 188-го гвардейского стрелкового полка полковника Шерстнева и получил от него задание. Командира полка я встретил в большом лагере. Он поставил мне задачу: взять деревню Горская и штурмовать Воронью Гору. Для усиления роты разведчиков дал взвод пулеметчиков с двумя ручными пулеметами и два противотанковых ружья с шестью бойцами.

Я решил брать деревню до утра, так как разведчики ночью действуют лучше, чем днем. Первым взводом командовал старший сержант Василий Забавин, вторым — старший сержант Павел Бескровный, группой усиления — парторг роты Иван Железнов. Перед тем как дать сигнал к атаке, артиллерист Василий Скапин из батареи ПА прямой наводкой уничтожил немецкий пулемет и вел огонь по фашистскому 75-миллиметровому орудью.

Отделение сержанта Александра Егорова, благодаря артиллеристам, первым ворвалось в деревню Горская.

Под домом в хорошо оборудованной землянке спали более 10 гитлеровцев. Гранатами и автоматным огнем Иван Коныш и Сергей Шепитко уничтожили 10 фашистов.

Командир группы «охотников» Порван перебил расчет 75-миллиметрового орудия немцев, которое вело огонь прямой наводкой, дал возможность взводу Бескровного выйти в конец деревни. Я Лобачева нашел убитого около оружия вместе с двумя фашистами. Видимо, драка была врукопашную. Павел Бескровный с взводом очищал от немцев северную окраину деревни.

Сержант Митрофан Порошин с отделением разведчиков устремился на Воронью Гору. С ходу ему удалось взобраться на ее вершину, но гранаты и патроны были израсходованы, отбивать контратаку немцев нечем. Пришлось спускаться, а если точнее, то скатиться... (там очень круто).

При освобождении деревни Горская погиб любимец всей роты командир взвода старший сержант Василий Забавин, погибли сержант Александр Борисов, Иван Коныш. Рядом с разведчиками на Воронью Гору не раз забирался с группой смельчаков младший лейтенант из батальона капитана Прошина. Я спросил у него его фамилию, на что он мне ответил: «А это сейчас главное?»

В отделении бронбойщиков были отец и сын. Как они хорошо били из своих противотанковых ружей, но не по танкам (их не было), а по пулеметным установкам и даже по отдельным фашистам.

В течение дня 18 января мы предприняли несколько попыток овладеть Вороньей Горой, половину занимали. Но удержаться не могли.

Самоотверженно дрались в этом бою комсорг роты Иванищев, парторг роты Иван Железнов, старшина Григорий Гниловщенко, Иван Порван, Тищенко, Кондрокос и многие другие.

Гвардейцы 188-го гвардейского стрелкового полка под командованием подполковника Шерстнева штурмом овладели станцией Дудергоф и частью города. В этом бою особо отличился своей храбростью, умением руководить боем комбат капитан Трошин. С горсткой храбрецов он сумел выполнить приказ своего командира полка.

А.И. Бровкин

Исай Израйлевич БУНИН

Родился 6 марта 1932 года. Когда началась блокада, мне было 9 лет. Я жил с мамой и бабушкой на Мытнинской улице в большой коммунальной квартире. Во время войны тяжело было всем, но люди друг друга поддерживали. Мы жили на 5-м этаже. Когда начались бомбёжки, сначала на ночь меня отводили к соседям на 1-й этаж. Позже все стали ходить в бомбоубежище.

Во время блокады большинство школ закрылись, но мне повезло. Наша школа № 161, которая находилась на Кирилловской улице, работала и в блокаду. Мы учились в нормальных классах, но уроки все время прерывались сигналами тревоги о воздушном налёте или об артобстреле. Тогда наша учительница Нина Ивановна уводила нас в бомбоубежище, где уроки продолжались дальше. Чернила, которые мы носили в чернильницах-непроливайках, замерзали от мороза. Писали мы в старых тетрадях между строчек или на газетной бумаге, так как тетрадей совсем не было.

Даже в голод о детях не забывали. В школе нас кормили супом, который варили так: сначала варили нормальный суп, потом жидкость давали нам. Гущу от супа разбавляли и кормили потом девушек-дружинниц МПВО. Девушки были чуть старше нас. Они постоянно дежурили на объектах, тушили зажигалки, собирали по квартирам детей, оставшихся

без взрослых. Ребята из старших классов ездили на рытье окопов и укреплений.

Мне запомнился праздник встречи Нового года в 1943 году. Нас повели в школу № 137. Не раздеваясь, мы вошли в зал, где были накрыты праздничные столы. На них лежали для каждого по кусочку хлеба и котлете. Об этом я буду помнить до конца жизни.

В самое голодное время бабушка старалась отдать мне свой хлеб, говорила, что не хочет есть. Она умерла в 1943 году. До войны у нас был велосипед. Мы променяли его на крупу. Помню, что мы даже варили столярный клей, делали из него студень.

В нашем классе учился мальчик, отец которого из старых автомобильных камер клеил галоши. За эти галоши с ним расплачивались «дурандой». Один раз он меня угостил кусочком «дуранды», и я долго считал, что нет на свете ничего вкуснее. Моя мама работала бухгалтером. От истощения она попала в больницу. Там ее поддерживали лекарствами, немного подкормили. Когда она вышла из больницы, а это уже было летом, я сварил для нее суп из мокрицы. Когда она его ела, то плакала.

Мама пережила войну. Она была награждена медалями «За доблестный труд», «За оборону Ленинграда».

После снятия блокады больных и ослабленных детей отправили в Лесную школу. Я был в числе этих детей. Школа называлась Лесной, но находилась она в городе на берегу Невы. Я прожил в Лесной школе около года, а потом вернулся в свою школу.

Нина Николаевна ВАСИЛЬЕВА

- *жительница блокадного Ленинграда*
- *заслуженная артистка РФ,*
- *ветеран труда, инвалид 2-й группы,*
- *дочь офицера, погибшего под Ленинградом в 1941 году.*

Воспоминания о блокаде

Когда началась война, мне было 4 года. Отец-офицер ушел на фронт и погиб под Ленинградом. Моя мать с двумя детьми — у меня брат на 2 года младше — осталась одна в осажденном городе. Нас пытались вывезти в эвакуацию, но безуспешно, один раз раздолбило пароход, другой раз машина чуть не ушла под лед — мы чудом остались живы. В третий раз, когда уже была прибавка хлеба, нас весной вывезли в Сибирь, там мы посадили огород, поправились от дистрофии, а потом вернулись в Ленинград. В 1944-м я уже пошла в школу.

Я помню, как мама водила нас в детский сад. Мы шли от Сенной площади по Садовой улице до Никольского собора. На углу Садовой и переулка, там, где на левой стороне и сейчас есть завод, был этот детский сад: вход в парад-

ную с Садовой улицы, на втором этаже, — по-моему, он там есть и сейчас. Мама оставляла нас там может быть на месяц, а сама шла на этот завод, он назывался «Металлист- Кооператор». До войны на нем делали кастрюли, а во время войны боеприпасы. А когда ей давали выходной, она забирала нас, и мы по Садовой шли до Сенной площади. Мы жили на ул. Петра Алексеева, д. 4, кв. 18 (теперь у нее старое название — Спасский переулок).

Братика мама несла на руках, так как у него отнялись ноги, я держалась за мамину юбку, помню, что мы не отходили от мамы ни на шаг, так как нам говорили, что пропадают дети. Дома по Садовой улице и на Сенной площади многие были разрушены бомбами. В оставшихся мы видели обломки комнат, на стене что-то висело, остатки от кроватей и мебели. Пока мы шли, мы смотрели на это. Иногда по дороге попадались лежащие тела. Не знаю, на сколько дней маме давали выходной, но мы рано утром шли в Филиппову булочную, ту, что на углу Гороховой и канала Грибоедова, и долго стояли в очереди, пока привезут хлеб. Люди были закутаны во что попало, и я видела, как по платку у впереди стоящей ползут вши.

Баня работала на Гороховой. Пока мы мылись, одежде нашей делали санитарную обработку горячим способом. Я помню, как в какой-то из выходных дней маме, опухшей от голода, стало совсем плохо, а мы ползали возле нее, плакали и обещали, что мы больше никогда не будем просить есть. На счастье пришла ее сестра, молодая женщина 20 лет. Она принесла кусочек сахара, жмых, немного столярного клея и это маму спасло. Она опять повела нас в детский сад, а сама пошла опять на работу — делать снаряды и гранаты.

В детском саду мы переболели всеми детскими болезнями: корью, краснухой, ветрянкой, уж как мы остались живы — не знаю, а потом нас эвакуировали.

Мы жили в коммунальной квартире. Умерли все, кроме нас и соседки тети Таси. Мужчины умирали труднее, чем женщины, они оказывались более слабыми. А соседка тетя Тася ночью вставала и уходила на работу, она шла через весь город (трамваи не ходили) за Финляндский вокзал на завод Карла Либкнехта, там тоже делали боеприпасы. Она могла бы не работать, так как была в возрасте, но надо было делать

Архив РИА Новости. #5634
Фото: Давид Трахтенберг | 01.10.1941

Зенитчики на страже Ленинградского неба

все, ради Победы. Так она проработала всю войну; это она дала нам вызов в Сибирь, и мы вернулись домой еще до окончания войны.

Очень хорошо помню военные тревоги: ревела сирена и все бежали в бомбоубежище. С 4 сентября по 30 ноября 1941 года Ленинград был обстрелян 272 раза. Обстрелы длились 430 часов. 19 сентября 1941 года на Ленинград было сброшено 528 фугасных, 1435 зажигательных бомб, выпущено 497 снарядов (из статистики).

Я помню, как мы сидели в бомбоубежище и смотрели, как по стенам сползает слизь: людей очень много, женщины с детьми... Помню, как мы ходили за водой на саночках, с бидоном. Ходили к проруби на Неву по Гороховой улице и обратно до канала Грибоедова, а там направо на нашу улицу Петра Алексеева. Конечно, в детском возрасте не все запоминается. Мама спасла нас в блокаду, она умерла уже в 1988 году. Мне 74 года, брату 72, и мы пока еще живы, слава богу.

Ираида Алексеевна **ВАСИЛЬЕВА**

Меня зовут Ираида Алексеевна Васильева, в девичестве Трофимова. Я родилась 15 июня 1937 года. Мама, Мария Григорьевна Трофимова, приехала с нашим отцом, Алексеем Александровичем, из Псковской области в Ленинград в 1926 году и через 13 лет (1939 год) стала работать на заводе «КИНАП» сборщицей динамиков. Отец был машинистом, работал на заводе № 7 «Арсенал». Нас, детей, в семье было четверо: я, сестра Нина и братья Володя и Толя. Когда началась война, мне было четыре года, моей сестре — девять, а братьям — пятнадцать и одиннадцать.

Мама боялась, что покинув город, мы все растеряемся, и поэтому отказалась от эвакуации. Всю блокаду мы пережили в Ленинграде.

Во время войны сестра Нина выступала в доме пионеров имени Жданова: пела, танцевала, читала стихи перед ранеными. Володя продолжал учиться в училище. 3 сентября 1942 года мама пошла в военную часть № 81148-Б, чтобы устроиться работать в прачечную. Помню, я всегда помогала маме, развешивала белье. Там стояли деревянные сушилки, около которых было очень тепло. Мне удавалось погреться, ведь холод преследовал всегда. Перестала работать мама только в 1945 году.

Я ходила в детский сад. Странно, говорят, дети мало запоминают, но я помню все до дрожи отчетливо.

Ираида Алексеевна, примерно 6 лет

Весь ужас, который происходил вокруг, охватывал всех и каждого. Однажды во время прогулки в детском саду начался обстрел. В панике у меня оторвалась резинка от чулочек, я закричала воспитательнице:

– Верандочка, расстегнулось!

– Что расстегнулось? Ложись, бомбят!

Есть было нечего.

Дома мы ели жареные дрожжи с дурандой. А в садике меня кормили супом; сестру кормили на выступлениях, брата – в училище. Еды катастрофически не хватало. Как-то у брата в училище давали суп. Все тогда отравились.

Помню, постоянно бомбили. Садик, в который я ходила, через некоторое время перевели на улицу Жукова. А вместо детского сада открылась поликлиника, в которой работала детский врач, Александра Степановна Британ, и ей мы многим обязаны и благодарны. Жили мы на Кондратьевском проспекте, дом 40, корпус 6. У нас в квартире было три комнаты, но жили мы все в одной, в 16 метрах. Бомбоубежищем нам служил подвал. Правда, мы редко в него спускались – не было сил и желания прятаться. Окна заклеивали белой бумагой, и, конечно, была буржуйка. Из мебели были только диван и кровать. За домом немцы строили ТЭЦ № 17, ходили всегда в колодках, громко стучали.

31 января 1942 года не стало Володи, ему было всего 16 лет. 11 февраля умер Толя в возрасте 12 лет. 18 февраля умер папа на 35-м году жизни от сердечной недостаточности, он так и не воевал.

Вот так за 19 дней мы потеряли самых дорогих людей. Остались троим: я, Нина и мама. В таких жестких условиях воспитывались самые лучшие качества. Мы научились делиться друг с другом самым последним. Ведь мама всегда отдавала последний кусок нам.

В 1945 году я пошла в школу № 147 на улице Жукова, с января 1965 года посещала курсы проектировщиков. С 16 лет (1953 год) я работала на металлическом заводе имени Сталина. Еще я всегда любила танцевать. И как-то раз пришло письмо с приглашением на танцевальный конкурс. В письме было указано, что надо иметь при себе, но у меня не было танцевальных тапочек. Так я на конкурс и не поехала.

*Женщины — работницы прачечной ВЧ №81148-Б с детьми.
Ираида с мамой (мама в белом платье)*

После войны я поехала в санаторий «Чайка» в поселке Ушково. Там мы наконец-таки отъелись и отогрелись. Это было нашей общей победой! Мы снова начинали жить!

6 января 1962 года умерла сестра: не выдержала сердечная артерия.

25 октября 1961 года у меня родился сын Алексей, а 27 августа 1964 года — Владимир.

В 1965 году мы переехали на улицу Ключевую.

Война наложила неизгладимый след на каждого из нас. Это время мы никогда не забудем и пронесем память через многие поколения. Я всегда буду гордиться своими родителями, прошедшими через столько испытаний и мучений ради нас, детей. Теперь уже спустя столько лет мой любимый внук Артур интересуется тем временем и всегда дарит мне к 9 мая замечательные рисунки, которые я храню и безумно ценю как дань уважения к нашей истории.

Сестра Нина, мама (Марья Григорьевна Трофимова), Ираида

1943 г.

Лидия Пантелеймоновна ВАСИНА

- Участница Великой Отечественной войны
- Служила командиром отделения взвода наблюдения и разведки Штаба местной противовоздушной обороны (МПВО).

★ Награды:

- Орден Отечественной войны II-й степени
- Медаль «За оборону Ленинграда»
- Медаль «За Победу над Германией»
- Медаль Жукова
- Юбилейные медали (всего 19)

Когда началась война, летняя сессия была в самом разгаре. Тогда я заканчивала первый курс ЛЭТИ. Часть экзаменов я уже сдала, в конце июня оставался только марксизм. 22-го прозвучала речь Молотова. В первые дни войны нас, студентов, от комитета комсомола отправили рыть окопы.

Первые окопы были между Выборгом и Кексгольмом (Приозерском). Две тысячи студентов и молодых женщин копали противотанковые рвы. У нас были только лопаты. Мальчики, девочки — все работали. Спали мы на чердаке деревянного дома, в тренировочных костюмах. Кто-то из студентов взял с собой книжку «12 стульев», которую мы чи-

тали вслух ночью. Хохот стоял! Жили так до тех пор, пока немцы не захватили нашу станцию. Просыпаемся как-то — кругом огонь. Как начали бабы, работавшие с нами, рыдать — ведь у них маленькие дети в Ленинграде!

Стали нас выводить. Идти пришлось пешком пятьдесят километров. И то лишь ночью, чтоб немцы нас не заметили. Днем мы отсиживались в болоте, подложив под себя рюкзаки. Тогда я поняла, что значит, зуб на зуб не попадает. Что мы ели — я не помню, где-то картошку брошенную копали. Нас вывели к соседней, еще свободной станции. В теплушках привезли в Ленинград. В вагоны загружали только женщин. Говорили, что за мужчинами приедут потом, но мне неизвестно, вывезли их или нет. Так мы вернулись в Ленинград.

Тут же наш комитет комсомола опять дал повестку на работы в Песочное. Туда с нами отправили преподавателя физики. Копали окопы для одиночного бойца — узенькие с загибом. Осенью это было. Сапог резиновых не было. А мы гордились, что голые-босые, по колено в воде! Потом и оттуда нас выгнали немцы.

Вернулись в Ленинград и снова получили повестку для работ в Горелово. Меня назначили главной от комсомола ЛЭТИ. В поселке находился военный штаб, который давал нам задание. Как-то в один день мы чистили картошку для завтрака, вдруг вбегают двое солдат:

— Девочки, мы последние наши солдаты! Что вы тут сидите?

Отвечаем:

— А что? Чистим картошку. Поедим сейчас.

— Уходите!

Я — в штаб, его нет — сбежал. Получается, если бы эти солдаты не забежали попить к нам на кухню, мы бы попали к немцам.

К тому времени одна девочка у меня заболела. Я хотела для нее молока у местных купить. Но было не до этого. Пришлось уходить, и мы пошли. Когда вышли на дорогу, увидели страшную картину: по бокам дороги на Ленинград были вырыты канавы, сама дорога вся забита брошенной военной техникой. Выйти на нее было просто невозможно! Нам пришлось по канаве где идти, где ползти, когда немец налетал. В

Архив РИА Новости. #393
Фото: Борис Кудояров | 01.05.1943

Новые родители ребенка – моряки Балтфлота

Моряки Балтийского флота с маленькой девочкой Люсей, родители которой умерли в блокаду.

этом Горелове был аэродром. Мы видели, как только наш самолет поднимался — немец его сбивал. Нам — расстройство полное.

Добрались мы до Ленинграда. Город с каждым нашим возвращением становился все более военизированным — к боям готовился. Все заводы в то время были заминированы. Наш институт эвакуировался в Ташкент. А у моей мамы — кровавый понос от голода. Как я ее брошу? Осталась в Ленинграде. Жили на Кировском проспекте. Родственник устроил меня работать в Штаб МПВО.

Сначала с нами работало много мужчин, среди которых были и директора магазинов, культурные люди. Когда немец совсем близко подошел к Ленинграду, из нас сделали армию. Те мужчины, которые ушли на Ленинградский фронт, выживали чаще — их подкармливали.

А что происходило с ними в блокаду, представить себе трудно! Они от голода с ума сходили! Как они себя вели! Женщины же старались все отдавать родным. В столовой я получала литровую кружку супа, но не ела его. Сама голодная несла эту кружку отцу, когда меня отпускали домой. Без света ночью ходила четыре остановки: две — по Большому проспекту, две — по Кировскому. Я в маминых суконных ботах иду, несу кружку, упаду, а руку держу — надо отцу дать. Ему было очень тяжело в блокаду! Брат мой — молодец. Через 10 дней после начала войны с беременной женой к нам приехал из Улан-Удэ, где до этого работал начальником радиостанции. Приехал защищать Ленинград...

У нас было две комнаты: маленькая и большая — 34 метра, с камином, в который была выведена буржуйка.

В этой большой комнате в блокаду всего стояло коек десять: все жильцы от первого до шестого, последнего, этажа жили у нас — боялись бомбежки. Каждый тащил свою раскладушку, карточки хранили под подушкой. Еще с довоенного времени у нас жила наша домработница, которую мы звали бабушкой. Она за всеми ухаживала, всех отоваривала. Добрейшей души человеком была. А потом коммерческий директор фанерного завода, на котором работала мама, составил список бабушек, которые одни дома бывают. Наша в этом списке оказалась первая. Он пришел и убил ее. Обчистил все кровати, собрал все карточки, водку, которую меняли у военных на крупу, папины носовые платки царского времени с вышитыми инициалами. Мама переживала сильно — осталась без близкого человека и главной помощницы. Хозяйством в доме стала заниматься я.

Когда маме дали очную ставку с убийцей, он рассказал, как это сделал: голову засунул в туалет. Мама от этих слов завалилась под стол. Стало плохо. Придя в себя, она спросила:

— Зачем же ты ее убил?

— Марья Ивановна, вы стали ко мне хуже относиться.

— Не говори глупостей! Я поздно хожу по Обводному, часто задерживаюсь на работе. Ты мог меня убить.

Маме я убитую бабушку не показывала, тело помыла и завернула сама. Помню, ее ужасом искореженное лицо, седые волосы, залитые кровью. Руки мои этой кровью пахли, наверное, неделю...

Вскоре маму взяли жить в казарму на завод — так было безопасней, чем добираться домой.

Я тоже жила в казарме МПВО. В нашем батальоне было человек 530—540, роты: медико-санитарная, дегазационная, пожарная, управления, где я работала, саперная. Было много девочек. Чем нам только не приходилось заниматься. Когда погнали немцев, освободили Петродворец и Пушкин, местных комсомольцев хотели отправить на разминирования. А они сказали:

— Мы не пойдем на мины. Скоро война кончится — мы не пойдем.

И послали наших девочек, целый взвод в марте в палатках жил. Наша командир взвода была очень умная женщина, звали ее Галиной: она рано вставала, сама обходила территорию, ставила таблички, размечала, где надо разминировать, и только потом будила девочек. Поэтому никто из наших и не подорвался!

А сколько было работы, когда прибывали поезда с ранеными! Разгружали их тоже девочки: вдвоем брали носилки и носили из вагона в двухэтажный автобус. Обедать не пускали, потому что поезда приходили друг за другом.

Когда стали брать Кингисепп, нам пришлось делать насыпь. Все были настолько уставшими, что для

поднятия боевого настроения нам прислали военный оркестр. Так, под музыку девочки чуть ли не сутки работали. Надо было срочно наступать.

Всякое было на войне: и смелость, и предательство, и малодушие. Например, при налете немцев находились люди, которые пускали сигнальные ракеты, показывая фашистам главную цель. Их милиция потом бегала, искала по квартирам.

Однажды наши девчонки женщину раненую нашли, а милиционер вместо того, чтоб помочь, у нее карточки отобрал. И тут же ранило его. Девочки жалеть его не стали, сказали только: «Теперь мы к тебе не подойдем».

А сколько крыс я в блокаду видела! Идешь и видишь, как они следуют друг за другом, и стоишь, ждешь, когда эта вереница закончится.

Невозможно было смотреть, как выкладывали у помойки маленькие белые свертки — трупки грудных детей. Младенцы умирали от голода, когда матери прекращали их кормить.

У нас в квартире жила маленькая девочка, лет двух. Помню, как она делила 125-граммовый хлеб: на завтрак, обед и ужин. Со стороны казалось, что она играет. Но это было не так.

Когда война закончилась, все силы были брошены на восстановление города. Меня даже не сразу отпустили учиться в институт, только через суд. Но все равно я работала на стройке, потом бежала на занятия. Все студенты на лекциях сидят, зевают, а я все думаю, как такое возможно, ведь интересно же! Мне очень хотелось учиться. Я делала это днем и ночью...

Первое время после победы на стройках города работали пленные немцы, в свободное время они делали игрушки и меняли на хлеб. А бабы наши, которые пережили все ужасы блокадного Ленинграда, кормили их, даже жалели. Моя мама все удивлялась этому.

Послевоенный Ленинград был пустым. Когда я шла по проспекту, мои каблучки так и стучали между домами...

Подготовила С. Титова

Зоя Алексеевна ВИНОГРАДОВА

- С 15 сентября 1939 года по 15 мая 1940 года принимала участие в советско-финской войне.
- С 26 июня 1941 года по 4 мая 1945 года — военфельдшер стрелкового батальона 8-го стрелкового полка 20-й дивизии НКВД, Невский пятачок.
- 1 ноября 1941 года — первое тяжелое ранение.
- В бою 4 октября 1942 года — второе тяжелое ранение.
- 1944 год — старший фельдшер приемно-сортировочного отделения медсанбата 120-й стрелковой Гатчинской Краснознаменной дивизии.
- 1945—1946 годов — военфельдшер рабочего батальона.
- 1946 год — демобилизована.

★ Награждена:

- Медаль «За боевые заслуги» — финская война
- Орден Красной Звезды
- Орден «Отечественной войны» I-й степени
- Медали «За оборону Ленинграда», «За Победу над Германией» и другие (14 медалей)

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ РОДИНА

Как это было — исповедь души фронтовички Виноградовой Зои Алексеевны, старшего лейтенанта медицинской службы. 1939–1940 и 1941–1946 годов.

Детство

Виноградова Зоя Алексеевна родилась в 1921 году в городе Тихвине Ленинградской области.

Отец — Виноградов Алексей Алексеевич, родом из Череповца, из крестьянской семьи. Работал на железной дороге кондуктором товарных поездов.

Мать — Виноградова Александра Никитична, домохозяйка.

В школу пошла с восьми лет, окончила 7 классов. Любила рисование, физкультуру, участвовала во всех соревнованиях (бег, прыжки в высоту, плавание, лыжи, коньки), играла на гитаре и балалайке в школьном оркестре и участвовала в самодеятельности. Жили бедно. Отец с мамой сами построили дом, имели огород 12 соток, где мы все активно работали. Ухаживали за животными: поросенком, коровой, курами. Две сестры окончили раньше меня трехгодичные техникумы, уехали по месту назначения на работу. Одна зоотехник, другая — фельдшер. Нас, детей, осталось трое. Нашими идеалами были Павка Корчагин, Чапаев, Анка-пулеметчица. Играть в козны, лапту, казаки-разбойники, устраивали во дворе спектакли по сказкам, где собирались и взрослые. Дрались между собой из-за коньков (были одни «снегурочки»). Решалось тем, что брат Борис катался на одном коньке, привязанном к валенку, а я на другом. Бориса убили в Великую Отечественную войну под городом Белая Церковь. Он был пулеметчиком, на фронт пошел добровольцем из 10 класса — несмотря на близорукость рвался на передовую. Был способный мальчик, говорил: «Зойка воюет, а я что?!» — и ушел, невзирая на слезы матери.

Когда учились в школе, тетрадей у нас не было. Мы делали их сами из оберточной бумаги. Новых книг тоже не было, учились, как придется.

Время было голодное, хлеб давали по карточкам, выручали овощи, которые выращивали в огороде. Летом я ходила в колхоз на заработки полоть грядки. За один километр прополотой грядки давали один рубль. Этого хватало на кружку молока и кусок хлеба. Руки болели от разрезывания осоки. Иногда мама меня лечила: натолчет горячей картошки — и туда мои руки. Держу их минут тридцать, и становится легче.

В шестом классе мне было совсем плохо: отец запил с горя — мама заболела воспалением легких. Мне пришлось кое-как доить корову, отправлять братьев в школу, а сама опаздывала на уроки. Учительница спросит:

— Виноградова, почему опоздала?

Отвечу:

— Мама болеет, корову доила.

Одежда была худая. Мама перешивала нам из старого «новое». Чаще мне доставались обноски от старших сестер. Я научилась шить из маминых старых юбок себе «новое платье». Мама выкроит, а я шью на зингеровской ручной машинке, а потом переокрасим в один цвет. Да еще свяжу воротничок и манжеты — и получается «выходное платье».

Архив РИА Новости. #58228
Фото: Всеволод Тарасевич | 01.09.1941

Солдаты Ленинградского фронта сидят в окопах перед началом наступления

Архив РИА Новости. #62126
Фото: Борис Кудояров | 01.03.1942

Разведчики во время Великой Отечественной войны
Советские разведчики на Пулковских высотах во время Великой Отечественной войны.

В 1936 году «с горем пополам» окончила 7 классов! Надо было уезжать на «свои лепешки». Отец обижал мать, и за это я его не любила. И нам от него доставалось...

Я уехала в Волховстрой на трехмесячные курсы ясельных сестер-заведующих. Поступила, училась отлично. Давали стипендию 25 рублей, из которых я маме посылала 5 рублей на чай.

Выдали документы об окончании, направили на работу недалеко от Тихвина, в поселок Цвелёво в детские ясли. По этому случаю из полотенечного ситца с синей каемочкой я сшила себе костюм, юбку модную с разрезом на боку. Белые резиновые туфли начистила зубным порошком. С портфелем важно так вышла из поезда. Эти детские ясли находились в маленьком деревенском домике, окна с марлевыми занавесками и роем мух, которые не могли вылететь на улицу. Встретила старушка, я вошла — в кухне на плите варился рыбный суп, в другой комнате — кровати, покрытые одеялами из разных лоскутов.

Тут же играли дети — ползунки и ходячие, другие плакали в кроватке. Я спросила:

— Где заведующая? И сколько всего сотрудников?

Старушка ответила:

— Заведующую посадили за растрату, а я тут за всех!

Меня как кто-то по голове стукнул — «уходи!». Я сказала: «Здесь работать не буду», — и ушла. Поезда обратно долго ждать. Я подумала: 30 километров до Тихвина дойду пешком! И пошла по шпалам. Надо было переходить речку через мост, а я боялась смотреть вниз. И тут увидела на берегу голых парней — купались. Один из них сделал вид, что направляется ко мне! Я с испуга перебежала мост и мчалась дальше по шпалам без оглядки. Запыхавшись, остановилась, огляделась, а за мной никто не бежит. Спокойно пошла. У семафора притормозил товарный поезд. Машинист кричит в окно:

— Ты чья? Куда?

Я ответила:

— Виноградова, в Тихвин надо!

— А, это Алексея дочка?

— Да.

— Беги в задний вагон, там тебе кондуктор поможет.

Кондуктор схватил меня за руку и втащил в тамбур вагона. Везли уголь. Я вся измазалась, разорвала юбку, но доехала и как огородное чучело явилась домой. Мама ахнула:

— Что случилось?

Я заплакала и все рассказала. Она успокоила:

— Ну, ничего, все обойдется.

Отец приехал, грозно спросил:

— Опять на мою шею сядешь?

Мама заступилась за меня.

Что делать?

В 8-й класс я опоздала, да и нельзя. Направление свое я разорвала и решила, что в Горздраве меня не найдут. Увидела на заборе объявление о приеме в двухго-

Архив РИА Новости. #178610
Фото: Борис Кудояров | 07.12.1941

Московский проспект в Ленинграде в дни Великой Отечественной войны – дорога на фронт

Отряд бойцов идет по Московскому проспекту в Ленинграде, который в дни Великой Отечественной войны был дорогой на фронт. Декабрь 1941 года.

дичную школу медсестер в городе Сясьстрой. Прибежала домой – «мама, я поеду учиться на медсестру, дай мне на дорогу пять рублей». Мама собрала яиц, хлеба, дала пять рублей: «И вот тебе еще пять рублей, чтобы ты больше не ходила пешком». Я уехала, поступила, жила в общежитии в комнате на 10 человек. Питались коммуной. Жили дружно, учились хорошо. Директор школы был врач-хирург, большой души человек, мы его звали доктор Милов, он преподавал анатомию. Училась со мною Лида, тоже Виноградова, из деревни. Нас доктор Милов вызывал по имени: «Иди, Лида» или «Иди, Зоя».

В конце года вызывает меня директор в кабинет, там сидит незнакомый молодой мужчина. Доктор Милов спрашивает:

— Скажи, Зоя, ты раньше где-нибудь училась?

Я покраснела и все рассказала, как на духу, и заплакала...

— Не отсылайте меня обратно.

Доктор Милов и говорит этому мужчине:

— Видите, это еще ребенок, способная девочка, пусть учится дальше.

И меня оставили! Это была радость. Второй курс закончила с отличием. Меня наградили книгами и бесплатной путевкой в дом отдыха на станции Вырица. Директор в напутствие сказал:

— Учись и дальше, Зоя. Ты должна стать врачом.

*Слева направо: Зоя Галашина,
Зоя Виноградова, Вера Младенцева.
1939 год. Финская война*

Работа

В распределительной комиссии я просила меня направить на границу! Направили в Кингисеппский район, в Волосово. Сначала устроили в поликлинике, в кабинете, где я ночевала. Меня там обокрали, все лучшее из чемодана вытащили. Милиция сразу нашла вора — это была санитарка, с которой я делилась и показывала свои наряды. Часть вещей она успела продать, а кое-что мне вернули. На постоянную работу направили недалеко от Волосово — на станцию Извара. В 1939 году меня вызвали в военкомат и направили на сборы, выдали военную форму, учили на операционных сестер в городе Сестрорецке. Началась финская война.

На фронт!

На сборах подружилась с двумя девочками-однолетками — Зоя Галашина и Вера Младенцева. Мы не расставались. Узнали, что в списке, который должны отправить на фронт, нас нет. Но мы решили, что все равно уедем. Сядем в любую свободную машину. Дежурили, чтобы не прозевать. День настал, к вечеру стали грузиться в машины, мы забралась в машину с аптечным оборудованием и притихли. Думаем, переедем границу, а там нас уже и не высадят. Немного не доезжая, эшелон остановился — проверка. Бежит комиссар и всех спрашивает: «Лишних нет?» Дошла очередь до нашей машины. Мы высунулись и так жалобно:

— Товарищ комиссар, не высаживайте нас, мы хотим на фронт, будем хорошо работать.

Он промолчал:

— Ну, ладно, девочки, возьму вас.

В Финляндии, война

Прикомандировали нас во вторую хирургическую группу усиления. Работали в местах наибольшего скопления раненых, не спали по трое суток.

На хуторе нас с винтовками посылали патрулировать лесные проезжие дороги — один километр. Туда и обратно, обычно двоих. Сходились — «пароль — отзыв», и расходились. Нас инструктировали, как и что надо делать, а после давали отоспаться. Были случаи, когда финны пробирались в расположение наших частей и вырезали наших спящих бойцов.

Потом нас прикрепили к госпиталю в Териоки (Зеленогорск). Зою Галашину в терапевтическое отделение, Веру Младенцеву — в эвакуотделение, меня — в операционную. Одна операционная сестра со стерильного стола подавала трем хирургам на три стола. Еле успевала! Раненых было много и обмороженных. Среди них были эстонцы. Мы научились говорить некоторые слова и считать «один, два, три — юкс, какс, нелли» и т. д.

Архив РИА Новости. #2153
 Фото: Борис Кудояров | 10.12.1942

После бомбежки

Жители Ленинграда покидают свои дома, разрушенные фашистскими бомбежками.

В промежутке между наплывом раненых нам удавалось подремать, кто где устроится. Меня однажды нашли в кладовке на мешках с ватой. Нас прозвали «спящая тройца».

В положенное для отдыха время мы ходили в брошенные финнами дома. Там в подвалах было варенье из черники. Мы набирали, лакомились. Об этом узнал комиссар и отругал:

— Все дома минированные, даже детские игрушки!

А мы:

— Товарищ комиссар, так мы же с лыжными палками ходим, сначала постучим — не взрывается, тогда входим.

Глаза его смеялись, но сказал он строго:

— Накажу!

Тогда мы повадились кататься на финских санях по заливу в свободное от работы время. Вдруг с берега кричит комиссар:

— Вернитесь! Немедленно вернитесь!

Мы вернулись и получили нагоняй:

— Весь залив минирован! Марш отсюда. Катайтесь по дорогам!

Несмотря на бессонные ночи, мы все время были в движении. Однажды подговорили санитаря с винтовкой пойти с нами в один сарай, посмотреть, что там. Пошли, открыли двери — а там сено и солома. Кто-то в соломе зашевелился, санитар стянул винтовку, крикнул: «Выходи, стрелять буду!» Вылетел гусь. Его прихватил санитар:

— Приходите, девочки, на угощение!

Начальник госпиталя, хирург доктор Фрадкин, доктор Збарж (стоматолог) любили нас за безотказную доброту. Доктор Збарж научил меня выгибать шины из алюминиевой проволоки для челюстно-лицевых раненых. Мы не унывали, пели нашу любимую песню «Три танкиста». Мне дали в нагрузку оформлять боевой листок. Редактором был снабженец — лейтенант. Однажды я с обидой ему выпалила:

— Своей Клабочке новенький полушубок выдали, а нам все б/у. Он усмехнулся:

— Приходи со своими девчонками на склад — выберите сами, что понравится.

Мы и приоделись в новенькое...

Кончились бои

Нас перевели в Шувалово, в бывший дворец на берегу озера. Принесли газеты. На страницах мы нашли свои фамилии в списке награжденных медалями «За боевые заслуги». Тогда это было большой редкостью. За медаль платили по 5 рублей в месяц и льготы: бесплатный проезд в транспорте.

1940 год. Демобилизация. Я вернулась на мою прежнюю работу. Меня вызвали в военкомат, выдали документы на проезд в Москву, в Кремль, за получением награды. Сначала все тщательно проверяли, затем в Кремль. По этому случаю я себе сшила из толстого сукна черный костюм. В чужих лаковых лодочках, в прекрасном зеркальном зале я скользила как корова на льду.

В зале было много награжденных. Я все смотрела, откуда выйдет М.И. Калинин. Но так и не поняла, из

каких дверей он появился — так внезапно оказался в президиуме. Сначала вручал ордена, а потом медали. Меня вызвали — все заплотировали, а Калинин левой рукой вручил коробочку с медалью, а правой пожал руку, поздравил. Я покраснела, выпалила: «Служу Советскому Союзу!». Потом вместе фотографировались, но от незнания я заказала эту фотокарточку и не оставила адрес, а Зоя Га-лашина получала раньше меня и получила фото с Калининим.

1941 год. Снова учеба, подготовка в институт. Поступила в трехгодичный техникум, так как из него легче было поступать в институт. Временно меня устроил в общежитие на курсах усовершенствования врачей комиссар Митюшин. Он знал меня по финской войне. Потом директор техникума сказал: «Ты нужна в общежитии у нас» — я была комсоргом группы. Утром — учеба, вечером — работа патронажной сестрой при детской консультации.

Опять война!

22 июня 1941 года фашисты развязали эту кровопролитную страшную войну. 26 июня меня вызвали в военкомат и направили в 166-й полк по охране особо важных предприятий. Там познакомились с Ниной Ивановной Дмитриевой (ныне Енишевой). Стали неразлучными подругами. Неоднократно ходили в штаб нашей 20-й дивизии НКВД, просили, чтобы нас направили на самый передний край! Наконец, мы, вероятно, надоели начальнику штаба майору Толкачеву и нас направили в самое пекло — Нину в полковую санчасть 8-го стрелкового полка, меня — в 1-й стрелковый батальон этого же полка. Я отвечала за всю санитарную службу батальона. В моем подчинении были один санинструктор и четыре санитарноносильщика. В каждой роте — то же самое. Учила их оказывать первую помощь, взаимопомощь, вытаскивать раненых на плащпалатке, на себе и как придется, шинировать при переломах подсобным материалом, в крайнем случае — винтовкой.

*Зоя Виноградова (слева) и
Нина Енишева*

Переправа на Невский пятачок

Батальон переправлялся под сильным огнем. Многие остались на этом берегу, другие утонули посреди Невы. Вода в Неве как бы кипела от взрывов снарядов.

Я переправлялась с отделением пулеметчиков. Воины, молодые мальчишки, никак не могли затащить пулемет «максим» в лодку — как на грех он зацепился за борт. Нервничали, но никто и вида не подал, что страшно. А бояться было чего...

Я молила Бога, чтобы скорее достигнуть другого берега. Он весь был в воронках, рывтинах, а вода кровавая...

Первый бой. В атаку! Взять деревню Арбузово!

Перед боем комбат вызвал всех командиров рот и начальников служб, в том числе и меня. Всем поставил задачу: кто, где и как должен действовать. Мне сказал: «Если хоть один раненый останется на поле боя, ты знаешь, что бывает за невыполнение приказа». Мы знали, что означает эта жестокая требовательность.

Рано утром взвилась зеленая ракета — это всем приготовиться, занять исходное положение. Затем — красная. Командир крикнул: «За Родину! За Сталина!» И громкое «ура!» подхватили и цепями пошли. И я вместе с ними. Повалились раненые и убитые. Началось такое светопреставление — в трех метрах ничего не было видно! Земля дрожала. Кругом ухало, стонало, рвалось. Трудно описать, как было страшно от летящих мин и снарядов. На бегу мы перевязывали раненых, оттащивали в укрытия тяжело раненых — кого на себе, кого на плащ-палатке, легко раненым указывали, куда отползть в укрытия

на берегу. Каждый переживал все страшное в себе, не давая места горю, отчаянию. Весь день перед нами кровь бойцов и смерть, руки мои были по локоть в крови. Вынесла комбата, его заменил другой. Не разбирая, кто откуда, тащили к берегу в укрытие и так до темна. Атака окончена. Арбузово не взяли...

Остатки батальона остановились недалеко от немецких траншей. Там оказался раненый. Мне пришлось с бойцами выносить его к берегу. Затем в траншее нашла санинструктора раненого — он стонал под трупом бойца. Недосчиталась санитаров. На берегу доставала дырявые лодки, переправляла на другой берег раненых из укрытия.

Был такой выступ на берегу Невы, и немцы, заметив переправу, били из минометов, а я, как замороженная, про себя сказала: «Бей, сатана, все равно с места не уйду!» Смотрела в бинокль, как доплывет лодка. Затем вторая атака — все повторилось. Первого ноября — третья атака. Для меня она стала последней. Командовал батальоном уже командир роты Калинин. Я подошла к нему: «Дайте помощника». Он ответил: «Нет у меня лишних бойцов. Зоя, ты справишься». Опять все повторилось. Я перевязала раненого в голову. Сзади в это время разорвался снаряд — раненого убило, а меня тяжело ранило: в грудь, живот, руку. Я потеряла сознание. Уже в сумерках кто-то наступил мне на руку, от боли я застонала, сказала: «Пить». Надо мной склонилось четыре моряка. Один сказал: «Тебе нельзя пить» — и снегом провел по губам. Другой: «Перевяжи ее». А тот ответил: «Да она тут вся в крови». Спросили: «Куда тебя отнести?» Ответила: «Под мост». Там была наша полковая санчасть. Меня положили на плащ-палатку и вчетвером отнесли в санчасть. Там меня перевязали и на носилках в лодке переправили на другой берег. Начался обстрел. Лодка долго не могла причалить к берегу. Ткнется и обратно, был снежок. Говорю: «Вот же черная земля» — встала, шагнула за борт — и с головой в Неву! Меня вытащили, обругали и мокрую отвели в землянку к понтонщикам. Там дежурные предложили мне переодеться, но я заявила: «Буду я еще перед вами раздеваться!» Подошла грузовая машина, выгрузили снаряды и затолкали меня в кабину, отвезли в

госпиталь 2222 (больница имени Мечникова). Я «очухалась» уже в палате, перевязанная заново.

Началась блокада

Меня навестила Нинина сестра — Клавдия Ивановна Сомкина. Она жила на Малой Посадской улице с двумя сестрами. Оказалось, что Нину на Пятачке контузило, и ее отправили в академию, где она раньше работала. Сотрудники госпиталя истощенные еле-еле ходили. Нам выдавали баланду с парой бобов и сухарь в день. Раны мои не заживали, появилась ужасная слабость. Я решила отсюда сбежать в свою дивизию. Штаб ее находился на улице Герцена, д. 67. Свою заячью шапку я хранила под подушкой. Меня повели на рентген в другой корпус. На обратном пути я сопровождающей сестре сказала: «Вы идите, а я потом потихоньку приду». Она поверила и ушла, а я — в дырку в заборе и пошла в чем была. Долго-долго шла, попала под обстрел и снова шла. В штабе меня встретил начальник штаба майор Толкачев и ахнул: «Ты жива, Виноградова?!» Развел руками и быстро позвал начальника санитарной дивизии майора Скрибника. Тот вышел и удивленно сказал: «Виноградова, ты жива? А мы твоей матери послали похоронку. Нам принесли твои документы. Ну, значит, долго жить будешь! Теперь мы из тебя сделаем артиллериста». Я попросила позвонить в госпиталь, сказать, что я не дезертир.

— Не волнуйся, все уладим.

Меня переодели, принесли котелок такой вкусной пшенной каши, какой я давно не ела. Согрелась, на душе потеплело — у своих! Привели двух офицеров, сказали им:

— Вам по пути, отвезете эту девушку в Сертолово, артполк там формируется.

До Финляндского вокзала дошли пешком. Сели в вагон «кукушки» (этот паровозик ходил до Парголово), немного проехали, остановились, идет машинист:

— Товарищи, кто может, пойдёмте заготовим дрова для топки, дальше ехать не можем.

Постояли, пока несли дрова, доехали до Парголово, а там опять пешком до Сертолово. Несколько раз останавливались отдыхать и снова шли. Я совсем ослабла:

— Ребята, я больше не могу, оставьте меня.

Они пристрожили, потянули под руки. Подошли в Сертолово к красной казарме — санчасть. Открыли дверь, оставили меня, я шагнула через порог и упала...

Меня укололи, дали «горячего чая» — воду с солью, перевязали. Здесь состоялась встреча с моей фронтовой подругой Ниной. После войны она рассказала мне, что когда меня привели в Сертолово, в ране под лопаткой у меня были белые черви.

Я пришла в штаб артполка, меня направили в артдивизион, где пробыла недолго. Это была 23-я армия, смеялись, — «невоюющая». С Ниной жили в одном общежитии в комнате для девушек.

Блокада, голод, бойцы многие не поднимались, истощенные, держались за стенки, еле ходили. Дистрофия, кровавые поносы, авитаминоз. Не многие могли дойти

до туалета, поэтому мочились прямо за дверь, умирали на нарах. Медработники, тоже истощенные, тянули жребий из спичек, кому идти на прием. Перед нами стояли живые еще мощи, кости, обтянутые кожей.

Доктор спросит:

— Что болит?

Ответ:

— Мочи нет, ослаб, дизентерия.

Это они так называли дистрофию. Из лекарств у нас была сода, мед, бинты. Соду по вечерам мы расфасовывали по 0,5 и давали всем от всех болезней:

— Прими, милый, будет полегче. Попей теплой соленой водички.

В столовой у нас стоял бачок с настоем хвои, которым мы поили всех, чтобы как-то спасти этими витаминами. В общежитие девушек нам приносили сухари — на день по одной штуке. Мы делали ровные порции: один отворачивался, другой брал порцию, спрашивал: «Кому?» — и так мы делили без обиды. Иногда кто-то доставал кусочек дуранды — жмыхи. Мы разогревали их на буржуйке и называли это «Наполеон». Ели с кипятком.

Командировка

Меня вызвал в штаб артполка комиссар Леппик Владимир Михайлович — большой души человек, заботливый, добрый. Он знал всех по именам, как отец нам был. Говорит:

— Зоя, надо отвезти в госпиталь в Осиновую Рощу два трупа бойцов. Дадим тебе лошадку.

Поехала. Лошадка, тоже истощенная, кости торчат, сани — на них двое мертвых и сена немного. Истории болезни у меня на руках. Проехали километр — лошадка стала. Я взяла сено в руку — лошадь за сеном пошла. Прошли полдороги — сено кончилось, лошадь стала. Мне пришлось рвать старую траву в канавах по колено в снегу и таким образом идти с лошадкой до Осиновой Рощи. Утром вышли — вечером пришли. В приемном покое врач мертвых не принял — нет бирок

у них на руках! Пришлось идти к главному врачу, которому я все «ласково» объяснила. Он сразу же приказал принять с историями болезни. Выгрузили. Думаю, теперь налегке лошадка меня довезет. Но, увы! Все повторилось, и мы только утром, уже на другой день, вернулись с лошадкой.

Лошади тоже падали от голода, бойцы умудрялись что-нибудь от них отрезать и съесть. Варили какой-то клей из сыромятных ремней и все-таки умирали.

Однажды мы с Ниной скопили свои пайки, собрались на попутной машине отвезти их сестре Клавдии Ивановне, спасая ее от голода. Рюкзаки сложили в машину. Тут из окна казармы наш знакомый офицер крикнул:

— Девчонки, идите к нам «Наполеон» есть!

Зашли и видим: машина с нашими рюкзаками пошла! Выскочили, кричали, кричали, но никто нас не услышал. Мы догоняли ее пешком, она должна была

остановиться во дворе штаба 20-й СД. Зашли к Клаве, рассказали, она нас отругала: «Разини, я пойду теперь с вами». Во дворе штаба нашли шофера, он оказался честным молодцом — сохранил наше добро. Мы обрадовались. В то страшное и тяжелое время воровства среди нас не было. Наоборот, мы делились своим. Был такой девиз: «Сам погибай — товарища выручай!» Это крепкая фронтовая дружба. Благодаря высокому патриотизму и любви к своей Родине, мы выстояли и победили фашизм. Это был массовый героизм.

Новый год в 1942 году

Новый год встречали в Сертолово. Достали спирта, выпили по столовой ложке, закусили, чем было, пели свои любимые песни. Был с нами майор Шадрин, начальник артиллерии, часто нас выручал. Жив ли он сейчас? Даже в то трудное время политработники своими силами устраивали концерты, бойцы наряжались в женские платки — было очень смешно, и пели сатирические частушки. Я запомнила две:

В санитарной части нашей
Лечат таким родом:
Голова болит у вас —
Пятки мажут йодом.
На стене часы висели,
Тараканы стрелки съели.
Мухи гири оборвали,
И часы ходить не стали.

Пели сатирические частушки, как драпал Гитлер.

Сформировался артдивизион, один раз участвовал в бою — брали высотку финнов, но отошли. Я была на прямой наводке орудий. Тогда потерпевших было мало, несколько раненых я перевязала. Был там и комиссар артполка, поднимал всем настроение, с большой заботой относился ко всем. В конце 1942 года меня снова направили в пехоту по моей просьбе, в 11-ю стрелковую бригаду, 4-й истребительный батальон,

где командиром полка был капитан Герман — умный, грамотный командир.

Октябрь, переправа на Невский пяточок. А до этого всю ночь бойцы, замаскированные, подтягивали лодки к берегу. Я ходила по верх траншей — должна была присутствовать, мало ли кого ранит шальная пуля. Вдруг ко мне навстречу незнакомый офицер и так грозно:

— Что ты тут маячишь, немцев привлекаешь?

И наставил пистолет, а я сдуру расстегнула шинель и сгоряча крикнула:

— Стреляй!

В это время сзади него оказались замполит и начштаба, выбили у него пистолет, меня оттолкнули, скрутили ему руки и увели. Оказалось — он не в своем уме, «тронулся», в овраге уже застрелил одного солдата. Я только потом испугалась, когда узнала: «Вот дура-то!» В то время были

такие случаи — у некоторых нервы не выдерживали, их отправляли в больницу.

В боях на Пятачке все снова для меня повторилось — второй раз тяжело ранило: в грудь проникающее, перелом кости, в плечо — была такая большая рана до кости, черная. Я сказала хирургу:

— Если руку отнимите — жить не буду!

Переправили через Неву на дырявой лодке, довели до медсанбата. Оперировать нельзя — шок. Десять дней лежала в шоковой палатке, переливали кровь в вену на ноге, так как на руках их не было видно, а потом отправили в госпиталь на Васильевский остров (институт Отта). В перевязочной подошел ко мне врач с большим шприцем и длинной толстой иглой. Спрашиваю:

— Что будете делать?

Он ответил:

— У вас кровь до второго ребра сдавила легкое — оно не дышит (пневмоторакс), надо откачать кровь.

Я ответила:

— Не надо.

Он:

— Вы умрете!

— Не умру, отвезите меня в палату, — сказала я.

Меня отвезли. Клавдии Ивановне я послала записку: привези побольше мне сульфидина — тогда это была панацея от всех болезней.

Она привезла, я держала лекарство под подушкой и принимала большие дозы три раза в день по схеме, как положено. Когда меня снова взяли в перевязочную, сделали рентген, профессор удивился:

— А ведь у нее лучше стало — рассасывается.

Через месяц меня выписали в свою часть по моей просьбе. В своей медсанроте я долечивалась. Заглянула в зеркало и ахнула — седина на виске!

12 января 1943 года при прорыве блокады на Синявинских болотах тяжело ранило нашего командира батальо-

на капитана Германа, замполита и начальника штаба. Германа привезли в санроту, он еще был в сознании, сказал мне:

— Если любишь — сделай укол, чтобы мне было не больно.

У меня шприц выпал из рук! Сделала укол моя подруга. Я попросила начсандива, чтобы мне разрешили его сопровождать в медсанбат. Он ответил:

— Нет, ты нужна здесь раненым.

Я заплакала и осталась. На третий день зашел начсандив, сказал мне:

— Сейчас можешь ехать, отпускаю, на сколько потребуется.

Было затишье. Поехала. Подошла к хирургической палатке, вышел врач Цыбульский. Я спросила:

— Как капитан Герман?

Он ответил:

— Экзотировал. (Умер.)

От такого известия села на камни, потом ушла к «бабушке» Полюткину — это был командир медсанбата, он с пониманием относился ко мне, жалел. Я уткнулась

ему в плечо и ревела от бессилья. Как мог, он успокоил, дал лекарство, отпустил на три дня похоронить по-человечески. С помощью хозяйственников все сделали как надо, гроб, надели новый его мундир, я вылила целый флакон духов «Белая сирень» — он любил их. Не спала, не отходила от него, мне не верилось, казалось — откроет глаза, скажет:

— Рыжик, сделай укол.

Гроб везли на санях лошадки, могилы уже были приготовлены в Манушкино, на высотке, для троих — рядом полковник Харитонов, погиб в бою, и еще один капитан. Когда стали опускать гроб, я упала без чувств. Меня куда-то отвели в домик, оказалось, это была прокуратура. Меня заботливо поддерживала лейтенант Нина Ирхина — жена прокурора, как выяснилось потом. После этого «батяка» взял меня к себе в медсанбат — после двух тяжелых ранений я уже не могла вытаскивать раненых и была назначена старшим фельдшером приемно-сортировочного отделения, где командиром был капитан Глазман Аншель Михай-

лович, врач. Чудесный, добрый, отзывчивый человек, он понимал меня без слов, с ним легко было работать. Был дружный, спаянный коллектив. Работали и бессонными ночами, особенно при наплыве раненых. Моими помощниками были Надя Абакумова — фельдшер, Аня Светличная — санитар и санитар Печенин, быстрый умелец на все руки. При переезде наше отделение быстрее всех устанавливало большую палатку.

Однажды при сильном обстреле прямым попаданием в землянку доктору Радзивиловскому повредило ногу, другой отделался легким ранением. Сортировочную палатку так «тряхнуло», что фонарь «летучая мышь» упал и потух, а за столом сидела Надя, заполняла карту раненого. Она, как ни в чем не бывало, задает вопрос раненому:

— Как ваше имя и отчество?

Тут уж все раненые расхохотались в темноте.

Мы их принимаем, даем по 100 граммов фронтowych, кормим, потчуем чаем, легкораненых оставляем в медсанбате в терапевтическом отделении, тяжелых — в операционную, остальных после перевязок — в госпиталь. Когда нет работы в сортировке, я шла помогать хирургам.

После боев в Синявино из остатков 11-й и 142-й бригады сформировалась 120-я стрелковая дивизия, которая освобождала Красное Село, Тайцы, Гатчину, Рождествено, Лугу, Нарву, Эстонию.

Лугу сходу взять не удалось, остановились в Толмачево. Тогда командиром медсанбата был назначен врач Жданович, а Полюткина («батьку») перевели с повышением — начсанслужбы дивизии. Новый командир медсанбата Жданович поставил впереди стрелковых батальонов в кольце наших батарей медсанбат. Артиллеристы несколько раз постреляли, а фашисты, хорошо укрепленные, как стали пристреливаться — да все по медсанбату! Вывели из строя эвакуопалатку, там погибли несколько человек легкораненых, только уцелел военфельдшер Новиков. В операционной убили медсестру Марусю Бутневу. Нам срочно был дан приказ переехать в тыл за стрелковые батальоны.

Из Эстонии меня перевели в рабочий батальон. Пользуясь близостью к городу, я сдала экстерном

экзамены за трехгодичный техникум с отличием и мечтала поступить в институт. С этой целью в 1946 году демобилизовалась, хотя не хотели отпускать, но я настаивала, что мне надо доучиться. Поступила в Московский медицинский стоматологический институт.

Перед боем в 1942 году в землянке меня принимали в партию по комсомольской путевке. Готовилась к этому важному тогда событию. Перечитала все газеты, волновалась — какой вопрос мне зададут члены партийной комиссии. Полковник С.Г. Рохленко из политотдела спросил:

— Что будет с партбилетом, если попадешь в плен?

Не задумываясь, сходу ответила:

— Я не попаду!

Все улыбнулись и больше ни одного вопроса не задали.

В 1974 году в Якутии мне обменяли старый партбилет на новый. Мне не хотелось отдавать тот билет, с которым я не раз встречалась в бою со смертью, когда она, злодейка, ходила рядом.

З.А. Виноградова

З.А. Виноградова (слева). 9 мая 2009 года

Тамара Александровна ВЫНОСОВА

Осенью 1942 года я пришла во второй класс средней школы № 194 имени Н.А. Некрасова. Это старинное здание с очень светлыми классами, широкими лестницами, с актовым и спортивным залами.

Директор школы Е. Кейтлих, по происхождению немка, прожила всю блокаду в школе, в своем кабинете. В школе работали учителя, медицинская сестра, работал буфет. Все были единомышленники. Кругом царил порядок. Очень часто наши занятия прерывались тревогой, и мы все спускались в бомбоубежище, где занятия продолжались.

Особенно мне хотелось рассказать об учителях школы. В младших классах, а их было два, работали две выпускницы педагогического училища — очень молоденькие девушки в светлых блузках.

Учителя старших классов — очень эрудированные, образованные люди, одетые в строгие костюмы, блузки с жабо, с брошами и очень красивыми прическами. Впоследствии некоторые из них стали работать в РОНО, директорами школ, преподавателями ЛГУ.

Предоставленные сами себе, так как отцы были на фронте, а матери с утра до вечера на работе, — мы учились в школе, убирались дома, ходили в магазин, носили до-

Архив РИА Новости. #310
Фото: Борис Кудояров | 01.09.1942

Продовольствие для Ленинграда

Доставка продовольствия по Ладожскому озеру на барже в осажденный Ленинград. Блокада Ленинграда.

мой воду и что-то готовили себе из еды. Пололи турнепс в нашем Таврическом саду.

В школе всегда была атмосфера уюта и доброжелательности. К сожалению, это оцениваешь только со временем.

Ученики нашей школы даже при тройках в аттестате, все, кто хотел, поступали в институты. Таков был уровень знаний учеников.

Сейчас женской средней школы № 194 имени Н.А. Некрасова — нет. Этот номер носит бывшая мужская средняя школа № 200.

В её здании в дни блокады размещался военный госпиталь.

18 лет

Татьяна Ивановна ГАЙДАМОВИЧ

- Почетный пропуск на завод «Красный Выборжец»
- Медаль «Ветеран труда»
- Удостоверение «Житель блокадного Ленинграда»

Родилась Татьяна Ивановна 21 января 1921 года в Ленинграде. Перед войной окончила 8 классов и в 16 лет пошла работать парикмахером. В 1937 году вышла замуж. В период финской войны привлекалась на работу в больницу им. И.И. Мечникова в качестве санитарки.

Вышла замуж за Фельсина Семена Львовича, у них родилась дочь. Началась Великая Отечественная война. Мужа в первые дни войны призвали в армию. А Татьяна Ивановна работала на строительстве оборонительных сооружений и в больнице им. Мечникова санитаркой. Муж погиб на фронте в 1942 году.

В феврале 1942 года от истощения умирает отец Татьяны Ивановны, Иван Антонович, работник завода «Красный Выборжец». Их семью, вместе с семьями работников завода, вывозят по Дороге Жизни из осажденного Ленинграда в Свердловскую область. Там Татьяна Ивановна поступает на работу на завод № 519 оператором прокатного стана.

В 1946 году их семья возвращается в Ленинград. С 1946 года Татьяна Ивановна работала на заводе «Красный Выборжец» до выхода на пенсию 30.06.1994 года.

Борис Васильевич ГРИГОРЬЕВ

Родился в Ленинграде 23 июня 1932 года по адресу: Гаванская улица, дом 64, квартира 17. Война началась 22 июня 1941 года, а в сентябре пошёл в школу — в первый класс. Сначала наш класс перевели в подвал, потом, когда началась блокада, мы и вовсе перестали учиться.

Отец ушёл на фронт — на Ладугу.

Мать работала токарем (стахановка была) на заводе имени М.И. Калинина. Впоследствии её перевели на электроаппарат, на котором она вязала противолодочные заградительные сетки. Я иногда заходил в цех и помогал ей подтаскивать к станку проволоку.

Голод. Холод. Часто ходили нюхать запах хлеба к пекарне, располагавшейся на 22-й линии Васильевского острова.

Домашним хозяйством занимался я, потому что мать много работала. Ходил за продуктами, которые выдавали по карточкам, носил питьевую воду. У нас была круглая печка. Я её топил, так как морозы в первую блокадную зиму были страшные. Спали мы одетые. Ухаживал за матерью, когда она болела. Хлеб получал по детской карточке — 125 граммов и по рабочей 250 граммов. Как бы сильно мать не болела, она всегда старалась выходить на производство.

Во время бомбежки и артиллерийских обстрелов мы поначалу прятались в сараях. Потом, когда погиб в

цирке слон, прятаться перестали. Были моменты — помогали прохожим, которые шли на работу и вдруг садились на землю, прислонившись к чему-нибудь. Нам, детям, было объявлено: «Если увидите, что человек сел на землю, то постарайтесь не дать ему заснуть, иначе он замерзнет и умрет».

Помогали с ребятами взрослым, как могли. Тушили на крышах зажигательные бомбы («зажигалки»). Крыши у нас были толевые, поэтому «зажигалки» прошивали их насквозь. Гасили их песком под руководством того, кто был дежурным во время тревоги. Вой этих сирен я помню до сих пор.

Один раз под руководством дворника я участвовал в поимке вражеского ракетчика. Напротив нашего дома стоял детский дом. Мы заметили, что с чердака детского дома пускают сигнальные ракеты в тот момент, когда начинается налёт фашистских самолетов. Дворник провел с нами инструктаж, как действовать при захвате ракетчика. Мы должны были подобраться к нему и прыгнуть в ноги, а дворник его тогда бы скрутил. При моем участии это и произошло. Мы его поймали.

Был такой случай. Мы жили на втором этаже, и я пошел за водой. Как только вышел — рядом со мной упал железный прут.

Я обернулся и пошел дальше с безразличием. В те времена к смерти относились намного спокойнее.

До войны мой отец работал плотником, а также умел шить сапоги. У него в мастерской остались кое-какие запасы столярного клея и других материалов. Все это

мы употребляли в пищу — варили. Пекли лепешки из горчицы.

С рынка мы ничего не покупали и не ели. Один раз обменяли кожаное пальто отца на 1 килограмм овса. Этому были очень рады.

Соседи старались не афишировать до 1-го числа, если у них кто-то умер, так как 1-го числа выдавали карточки. Если у кого-то пропадали карточки или их украли, то считалось, что этот человек погибнет. Я ни разу не ел довески хлеба из магазина, когда ходил туда без матери. Ни разу, и этим я горжусь. Один раз, на Шкиперской протоке, у меня пытались выхватить хлеб. Но у меня он был в двух сетках, намотанных на руке.

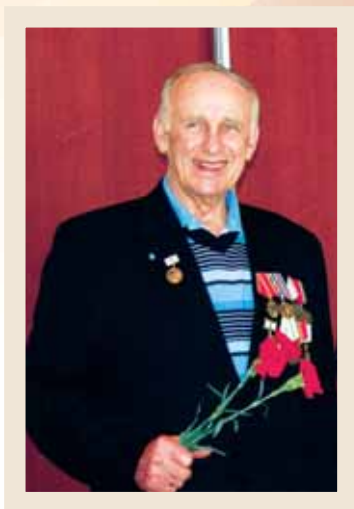
Люди умирали на ходу. Ни дай Бог такое пережить. Мой дядя умер от голода. Он работал токарем на Кировском заводе. Увезли мы его на санках и похоронили на Серафимовском кладбище.

После войны учился. С 1948 года — работал. Служил в армии, был спортсменом. После окончания службы в армии работал и учился в вечерней школе. Был тренером. Закончил работать только в 2010 году, в июле месяце.

Имею одиннадцать различных наград. В свое время должен был получить медаль «За оборону Ленинграда», но в районе перепутали отчество. Ну да ладно...

Отработал в двух предприятиях города: завод «Пневматик» и производство ОАО «Авангард». Общий стаж работы 62 года.

Воспитал дочь и сына. Имею двух внуков, одну внучку, а также правнучку.

Борис Николаевич ДРУГАНОВ

- *генерал-майор в отставке*
- ★ *Награжден*
- *кавалер орденов Суворова, Александра Невского и других*

ДОРОГА НА БЕРЛИН

Это было 60 лет тому назад. Вглядываясь в день сегодняшний, невольно возникает вопрос: а сколько же нам было лет в ту страшную пору? Совсем немного, чуть больше двадцати, а командовали мы уже тогда ротами и батареями, батальонами, дивизионами и даже полками. Родина доверила нам это.

Апрель сорок пятого года выдался теплым и светлым. Это была необычная весна, она была, и все это ощущали, предвестником Победы. Тогда уже не только Красная Армия, но и войска союзников вели боевые действия на территории Германии в ста километрах от Берлина. Приближался день окончания войны, день, о котором мечтал весь советский народ и воины нашей Красной Армии с момента вероломного нападения фашистской Германии на Советский Союз.

В то время я, в воинском звании «гвардии майор» (присвоено в мае 1944 года), командовал 1-м дивизионом 79-го гвардейского минометного полка 1-й гвардейской танковой армии 1-го Белорусского фронта. На вооружении полка находились боевые машины реактивной артиллерии БМ-13 на шасси автомобиля высокой проходимости «Студебеккер» с шестнадцатью направляющими в пакете. Для ведения огня применялись реактивные снаряды 132-мм калибра М-13УК (улучшенной кучности) с дальностью стрельбы 7900 м и М-20 (повышенного могущества) с дальностью стрельбы 5000 м. Стрельба последними велась только с верхних направляющих. При вводе в сражение танковой армии дивизион обычно назначался на поддержку танковой или механизированной бригады, находящихся либо в передовом отряде, либо в составе первого эшелона главных сил армии.

До сих пор забываем день 16 апреля 1945 года, когда перед рассветом залпы 45 тысяч орудий, минометов и боевых машин РА разорвали тишину, возвестив о начале Берлинской операции. Дивизион в составе полка принял участие в артиллерийской подготовке атаки тремя залпами: в начале ее, примерно в середине и в завершающем ее залпе перед атакой. Израсходовав около 500 тысяч снарядов и мин, артиллерия нанесла немецко-фашистским войскам значительный урон, надежно подавив оборону противника в главной полосе.

С окончанием артиллерийской подготовки в центре и на флангах армий, действовавших на направлении главного удара фронта, возникли три вертикальных луча — сигнал, по которому были включены 143 прожектора, направившие на противника свои лучи. Началась артиллерийская поддержка атаки методом огневого вала. Применение в ночной атаке прожекторов дало возможность атакующей пехоте и танкам видеть свой путь, оказало моральное воздействие на врага, исключило применение им ночных прицелов. Дивизион с началом артиллерийской поддержки атаки снялся с боевого порядка, выстроился в походную колонну в готовности занять свое место в боевом порядке поддерживаемой танковой бригады.

Пехота успешно прорвала первую полосу обороны противника в районе Зееловских высот, завязала бои за вторую полосу. Здесь враг оказал ожесточенное сопротивление, и продвижение застыло. Под угрозой срыва оказалась вся наступательная операция фронта. Командующий фронтом Маршал Советского Союза Г. К. Жуков принял решение на ввод в сражение 1-й гвардейской танковой армии (командующий — генерал М. Е. Катуков) с задачей совместно с частями 8-й гвардейской армии (командующий — генерал В. И. Чуйков) завершить прорыв тактической зоны обороны противника и выполнить ранее поставленные задачи. Тяжело давалось армии решение этой задачи, нарушился временной график ведения операции, сопротивление врага было невероятным, и только благодаря успеху войск правого фланга фронта бригады армии прогрызли оборону фашистских войск.

Так были взяты Зееловские высоты — ключ всей системы обороны немцев на Берлинском направлении.

Но путь этот, как никогда, был тяжелым. В большинстве ранее проведенных наступательных операций с прорывом тактической полосы в обороне противника образовывалась брешь, и действия 1-й гвардейской танковой армии носили оперативный характер в оперативной глубине обороны противника. Под Берлином обстановка сложилась иначе. Несколько оборонительных рубежей немцев, а также лесистая местность, большое количество рек, каналов, озер и дефиле, множество населенных пунктов с каменными и кирпичными зданиями, приспособленными к круговой обороне, сильно затрудняли продвижение бригад нашей армии, сковывали их маневр, и наконец враг оказывал еще упорное сопротивление. По этим и некоторым другим причинам танковые и механизированные бригады 1-й гвардейской танковой армии до самого выхода к Берлину не могли практически оторваться от стрелковых дивизий 8-й гвардейской армии на столь нужный для танкистов оперативный простор и все время вели боевые действия совместно с ними. Только в отдельные дни и на некоторых направлениях нам удавалось оторваться от них на 8—10 км.

С вводом в сражение армии, дивизион переключился на поддержку своими залпами бригад армии. Активно ведя разведку обороняющегося противника, с ходу занимая огневые позиции, батареи дивизиона успешно выполняли огневые задачи, расчищая путь танкам и пехоте.

После прорыва Одер-Нейсенского оборонительного рубежа противника войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов при содействии войск 2-го Белорусского фронта в период с 19 по 25 апреля окружили и одновременно расчленили группировку немецко-фашистских войск, сосредоточенную на Берлинском направлении. Приближался последний штурм. Уже 20 апреля дальнобойная артиллерия фронта начала вести огонь на поражение военных объектов в Берлине.

Здесь хочется сделать небольшое отступление от хода боевых действий. Мне вспоминается, как за неделю до начала Берлинской наступательной операции ко-

мандующий 1-й гвардейской танковой армией на макете местности в полосе ее боевых действий проводил взаимодействие. На организацию взаимодействия были приглашены командиры батальонов, дивизионов, полков, бригад и корпусов армии вместе со своими начальниками штабов. Командарм объявлял оперативное время, называл и показывал достигнутый в ходе операции рубеж и приглашал к докладу соответствующего командира или его начальника штаба. Мне и моему начальнику штаба гвардии капитану Аземшину несколько раз довелось докладывать о задачах, решаемых дивизионом, о его обеспеченности боеприпасами и другими материальными запасами, о мерах боевого обеспечения. Я думаю, что успех этой операции армии был получен благодаря умелому планированию операции, хорошей организации взаимодействия, мужеству и героизму воинов.

Остался в памяти день 22 апреля, когда по радио я получил от командующего артиллерией 1-й гвардейской танковой армии генерала И. Ф. Фролова огневую задачу на поражение сосредоточения танков и пехоты противника в районе Лихтенберг-Силезского вокзала. Расчеты огневых взводов быстро справились с задачей, даже успели на снарядах сделать надписи: «получай Берлин от гвардейцев!». В 11.45 128 снарядов рванулись навстречу с целью, и вскоре мы услышали гул разрывов. К небу взметнулось пламя и черный дым пожарища. Этот залп дивизиона был зафиксирован как один из первых залпов реактивной артиллерии по Берлину.

Ничто не могло поколебать наступательный дух нашего солдата. Напрасно гитлеровцы разбрасывали с самолетов листовки, пытались как-то утратить нас. Так, в одной из листовок говорилось: «От Берлина вы недалеко. Но вы не будете в нашей столице. В Берлине до 600 тысяч домов, и каждый — это крепость, которая будет для вас могилой». Но вражеские листовки разлетались по ветру, и с каждым днем таяла под мощными ударами советских войск пресловутая неприступность последних берлинских рубежей.

Сколько нас, фронтовиков, мечтало дойти до Берлина!
Скольких мечта не осуществилась! И вот она столица рейха — до нее рукой подать. Теперь уж не встре-

тишь указателей «До Берлина 1000... 70... 50 км». На одном из перекрестков читаю надпись, сделанную торопливо мелом: «До рейхстага — 15 км». Но какие это были километры, какая это была дорога!

В Берлине имелось свыше 400 железобетонных дотов. Самые крупные из них — бункеры. Они имели гарнизоны численностью от 300 до 1000 человек. Толщина верхних перекрытий этих сооружений, выполненных из железобетона, достигала 1,5—3,5 м, стен 2—2,5 м. Высота — до 30 м. Прикрывались бункеры батареями 128-мм зенитных пушек, расположенных на крыше, на важнейших направлениях эти орудия устанавливались в бронебашнях. По существу нашим войскам предстояло взять крепость с гарнизоном свыше 300 тысяч защитников.

В ночь на 24 апреля все части 1-й гвардейской танковой и 8-й гвардейской армий, в том числе и наш дивизион, переправились через реку Шпрее и вышли в район Адлерсхоф-Бондсхоф для дальнейшего наступления к центру Берлина с юго-востока. Итак, начались берлинские

уличные бои. Командующий фронтом по просьбе командарма назначил нашей танковой армии самостоятельную полосу наступления в Берлине, ось которой проходила по Вильгельмштрассе на Тиргартенпарк и имперскую канцелярию.

Бой в крупном городе, как показал опыт 1-й гвардейской танковой армии, имеет свои существенные особенности. Танки наступают обычно в тесном взаимодействии с пехотой, им трудно продвигаться в отрыве от нее, так как оборона противника плотно насыщена противотанковыми средствами ближнего боя. Таких средств, в том числе и фаустпатронов, гитлеровцы имели предостаточно. Штурм ряда городов в Висло-Одерской наступательной операции, и особенно города Гдыни в Восточно-Померанской наступательной операции, показал, что в таких условиях наиболее успешно действуют штурмовые отряды и группы.

Штурмовой отряд обычно составлял мотострелковый или танковый батальон, усиленный танковой ротой или соответственно стрелковой ротой, батареей САУ, артиллерийским дивизионом, взводом РА БМ-13, взводом РА БМ-31, взводом бронетранспортеров, ротой саперов. По просьбе командарма командующий артиллерией фронта генерал В. И. Ка-

заков разрешил включать в штурмовые отряды орудия калибра 203 и 305 мм для разрушения бункеров. Обычно штурмовой отряд действовал по двум параллельно идущим улицам. В его составе могло быть две штурмовые группы и более.

В состав штурмовой группы чаще всего входили стрелковая и танковая рота (4–6 танков), батарея САУ (2–4 установки), артиллерийская батарея (2–4 орудия), боевая машина БМ-13 или БМ-31, бронетранспортеры (2–4), саперный взвод. Ответственностью штурмовой группы, как правило, была улица. Штурмовые группы делились на подгруппы: подгруппа блокирования – стрелковый взвод и отделение саперов – решала задачу блокирования небольших опорных пунктов или части большого опорного пункта и их подрыва. Подгруппа захвата, в которую входила, в основном, пехота, должна была захватить опорный пункт, окруженный группой блокирования и завершить разгром гарнизона; подгруппа обеспечения – танки, САУ, орудия полевой артиллерии, боевые машины РА – поддерживала с началом боя подгруппу захвата. Вдоль каждой улицы одновременно должны были наступать, тесно взаимодействуя, две штурмовые группы, сведенные в штурмовой отряд.

В эти дни дивизион выполнял огневые задачи стрельбой с закрытых огневых позиций. В состав штурмовых отрядов были выделены четыре БМ-13, но они пока не были востребованы. Утром 26 апреля пришел запрет на ведение огня артиллерией с закрытых огневых позиций. Разрешалось вести огонь только прямой наводкой «вижу – стреляю».

При подготовке наступательной операции в дивизионе была проведена определенная работа по подготовке расчетов и самих боевых машин к действиям в составе штурмовых групп. Для ведения огня в условиях города прямой наводкой на дальности 100–300 м на каждой боевой машине имелось два бруса для установки их под задние колеса с таким расчетом, чтобы направляющие БМ были параллельны поверхности земли. Наведение БМ осуществлялось по направлению и по углу места в верхние проемы окон первого этажа. Огонь должен был вестись только с верхних направляющих. В последующем наши расчеты подтвердились: почти одновременно разрыв

всех восьми снарядов внутри 4—5 этажного здания разрушал стены первого этажа, обрушивал все здание, уничтожая его защитников.

К исходу 26 апреля 1-я гвардейская танковая армия овладела 30 кварталами, полностью очистила Нойкельн и завязала бои в центральной части Берлина. Вот здесь и были востребованы в штурмовые группы наши боевые машины БМ-13. Не прекращая боев и ночью, бригады нашей армии к 15 часам 27 апреля продвинулись на 3 км, овладели 80 кварталами и вышли к Ангальтскому и Потсдамскому железнодорожным вокзалам.

Успех был достигнут ценой больших потерь. Были убитые и раненые из расчетов БМ, действовавших в составе штурмовых групп. И это были не последние потери. Много смертей довелось видеть за годы Великой Отечественной войны, но каждый раз, когда узнаешь о новой потере, глубоко задумываешься, а все ли я — командир — сделал, чтобы защитить своих подчиненных? К смерти невозможно привыкнуть. Тех, кого с нами уже нет, нельзя забыть!

28 апреля в дивизион поступили газеты, в которых были опубликованы призывы ЦК ВКП (б) к войскам

в связи с 1 Мая. В них прозвучала здравица и в честь доблестных советских артиллеристов.

29 и 30 апреля продолжались упорные бои. Наша танковая армия овладела зоологическим садом и подходила к парку Тиргартен. Вечером мы узнали, что над рейхстагом взвилось Красное Знамя Победы.

Первомайское утро выдалось ясное, солнечное. В дивизион поступил текст приказа Верховного Главнокомандующего и мы познакомились с ним. Был какой-то высокий и волнующий смысл в совпадении праздника 1 Мая с победными боями в Берлине. Но бои еще не закончились. В ночь на 2 мая начался последний штурм центрального сектора Берлина. Через несколько часов соединения 1-й гвардейской танковой армии ворвались в южную часть парка Тиргартен и соединились с частями 1-й армии Войска Польского (командующий — С. Г. Поплавский) и 2-й гвардейской танковой армии (командующий — С. И. Богданов).

Наша танковая армия закончила бои в центре Берлина. Немецко-фашистские войска, не выдержав удара наших войск, в 6 часов утра 2 мая стали сдаваться в плен. К 14 часам соединения и части армии пленили около 7700 вражеских солдат и офицеров. Гитлеровцы выходили из подвалов развалин и метро. Шли грязные, с небритыми, осунувшимися лицами, низко опустив головы. Какой жалкий конец армии, четыре года назад победно прошедшей по многим странам Европы!

Итак, поставлена последняя точка в гигантской Берлинской эпопее. Берлинский гарнизон капитулировал. Это произошло в 15 часов 2 мая 1945 года, а 8 мая безоговорочно капитулировали вооруженные силы фашистской Германии.

У меня в альбоме сохранились две фотографии, которыми я очень дорожу. Ко времени объявления о капитуляции немецко-фашистской армии дивизион был сосредоточен в одном из парков Берлина на его окраине. Радость наша по случаю долгожданной Победы была беспредельна и 9 мая мы много фотографировались. К сожалению, у меня осталось только две фотографии того незабываемого дня. На первой я сфотографирован со своим заместителем по политической части капитаном Бульбаковым у карты мира (где мы ее разыскали, трудно вспомнить, но главное, что ее нашли!). Я показываю на Берлин и произношу: «... Дошли до Берлина...». Через несколько дней, когда фотография оказалась у меня, в ее верхнем углу я собственноручно надписал «9 мая 1945 года. Дошел до Берлина!».

Друганов Б.Н. всегда активно участвовал в общественной жизни округа.

К сожалению, Борис Николаевич уже ушёл из жизни. Ветеран Великой Отечественной войны похоронен на аллее кавалеров ордена Александра Невского в Александро-Невской лавре.

Архив РИА Новости. #594300
Фото: Анатолий Гаранин | 09.10.1941

*Санитарный пост
у Нарвских ворот в Ленин-
граде*

Алексей Владимирович ДРУЖИНСКИЙ

«Воспоминания о ленинградской блокаде»

Родился 21 сентября 1935 года.

Даже через 70 лет приходится помнить о том ужасном блокадном времени. Трудно было нашим матерям, оставшимся одними с детьми. Наши отцы воевали на фронте, матери работали и последние силы отдавали своим детям.

Сегодня мало кто знает, что такое дуранда и мякина. Говорят, что детская память сохраняется на всю жизнь. Да, мне сейчас 75 лет и я могу подтвердить, что сохраняется не только память, но и вкус, сохранившийся у меня на всю жизнь от блокадного хлеба и лепешек, изготовленных из дуранды и мякины, поджаренных на свечном воске. И вкус чая из заварки коричневого жженого сахара, подобранного с земли сгоревших Бадаевских складов (для нас это были «праздничные» дни).

Жили мы в коммунальной квартире на 10-й Советской улице, и я хорошо помню, как боялся оставаться в квартире, хотя мне уже в 1944 году шел девятый год. А причина моего страха заключалась в том, что летом 1944 года в одной из комнат нашей квартиры был обнаружен покойник, с которым мы, не зная о его существовании, прожили три года.

Помню, как я боялся возвращаться домой из магазина, когда узнал об украденных у меня продовольственных карточках. К счастью, их срок годности кончился через три дня.

Вспоминаю очереди в булочной, подростка, выхватившего хлеб у женщины и тут же запихивающего его в рот, глотая, давясь, не прожевывая. И разъяренную толпу, набросившуюся на него.

Незабываемыми в памяти остались звук метронома, объявления о воздушной тревоге, уличные свистки дворников, напоминающих о светомаскировке окон.

Кстати, хочу напомнить, что дуранда — это жмых от масляничных растений, а мякина — отходы от обмолота колосовых и бобовых растений, то есть корм для скота. Причем животные едят мякину с большой неохотой. Мать все это приобретала на рынке, меняя на хорошие вещи.

И, несмотря на весь ужас блокадных лет, мы верили, что когда-нибудь это кончится.

*Земля родная притомилась,
И безысходность не хуля,
В туманы почивать клонилась,
Путру новый день суля...*

Нона Петровна ИВАНОВА

Наши родители родом из Ленинградской области. В Ленинграде живём с 1931 года.

Семья наша состояла из пяти человек. Отец, Иванов Петр Иванович (1905 года рождения), работал на арматурном заводе кузнецом.

Мать, Иванова Нина Ивановна (1913 года рождения), — домохозяйка, и нас трое детей — 1933, 1936, 1938 года рождения.

В день объявления войны 22 июня 1941 года отца призвали в военкомат и направили в пункт формирования отрядов для отправки на фронт. Пункт находился на территории фабрики «Возрождение». После того как основной наплыв в военкомате прошел, отец был отозван на завод, как специалист по кузнечному делу.

Лучше бы он воевал и погиб, а не умер от голода. Всем нам тогда было бы лучше. Война, блокада, голод, нас трое детей. Отец всё время на заводе, на казарменном положении.

Мать всю зиму 1941—1942 года лежала больная. Зима была очень суровая: морозы, голод, бомбежки. Сначала бегали в бомбоубежище, но с малыми детьми не набегаешься.

Бомбили дома деревянные — кругом все горело; приходили пожарные, говорили нам, детям, что если дом загорится, они помогут вынести мать, но Бог миловал.

Отец умер в апреле 1942 года от голода. Похоронить отца сил не было. Соседка на санках отвезла его на Георгиевское кладбище (Большая Охта) и оставила там.

В сентябре 1942 года по решению Ленгорисполкома нас эвакуировали на Алтай. Эвакуировались по Ладоге на катерах. По нам стреляли, многие утонули. Нас Бог миловал: до «Камня» по Оби, затем по железной дороге и в совхоз. Голод, холод. Нас не ждали. Как выжить, не знали. Жили трудно. Взять что-либо с собой было нечего, да и сил не было.

В 1945 году мы вернулись в Ленинград. Наша жилая площадь была занята участником войны, а так как наш отец не воевал на фронте, нам ее назад не вернули.

Завод выделил нам комнату 20 квадратных метров на 2 семьи.

Учились, пошли работать на тот же завод, где работала мать. Копили деньги, отказывая себе во всем, на кооператив, где и живем по сей день.

Нас три сестры. Старшая и младшая закончили институты, средняя техникум. После войны жизнь была трудная, голодная — ни одеть, ни обусть.

Я отработала на заводе 53 года, сестра 45 лет и мать до пенсии.

Я награждена орденом «Знак почета».

Мама умерла рано, в 1981 году. Ей было 68 лет.

Зинаида Петровна ИВКИНА

В «Санкт-Петербургском курьере» № 44 от 01.11.2007 года я прочитала статью «Давайте создадим памятник детям войны». Я двумя руками «за»!!! Написала в газету, так как считала, что эта статья не оставит равнодушным никого, кто будучи детьми пережил все ужасы тех времён.

Сегодня я «житель блокадного Ленинграда». В ту же пору мне было 11 лет, а моему братику всего четыре годика.

Теперь всё по порядку. 22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война. Папа ушёл на фронт, маму послали рыть окопы под Ленинградом. Мы с братиком остались одни. В августе 1941 года, спасая детей, моего брата Витюшу эвакуировали из города. Я осталась одна. Но через неделю эвакуировали и меня. Наш поезд где-то под Ленинградом, кажется на Валдае, разбомбили. От него остался только один вагон, в котором была я. Нас приютили какие-то люди, кажется лётчики, так как рядом был аэродром. Они нас кормили, отогревали добрыми словами. Один из них сказал, что до нас также был разбомблен поезд. Осталось 2 вагона с детьми. Там было много маленьких детей и их люди разобрали по деревне.

Услышав это, я стала ходить по деревне искать брата. И в одном доме я его нашла. Это было моё первое счастье! Второе — через несколько дней мы сидели с нашими

спасителями на завалинке и видели, как очень много людей спускается к нам по склону сопки. Это были наши родители, которые о нас узнали и приехали забрать домой в Ленинград! Мы с братиком и мамой в конце августа 1941 года, узнав уже что такое бомбёжка и война, были дома.

Но 8-го сентября началась блокада Ленинграда. Мама где-то достала печку-буржуйку. Дрова были во дворе в сарае, так как у всех было печное отопление. Я ходила в булочную за нашими 125 граммами хлеба, нарезала их на маленькие кусочки и сушила на буржуйке. Братик мой сидел на оттоманке, в те времена так называли диван, качался и следил за мной, чтобы ни одна крошечка не упала на пол. Я всегда его спрашивала: «Витюша, хочешь кушать?», он говорил только одно слово: «Хочу».

За водой я ходила с маленьким (2 литра) бидончиком на Неву. Там были лунки, которые давали возможность зачерпнуть воды. Но не все были в силах встать и идти домой. Многие тут же умирали, а мы ложились на них, чтобы зачерпнуть бидоном воды. Но потом начались сильные морозы, на Неву уже никто не мог ходить. Стали пользоваться снегом. Зима была такой суровой и холодной, что и в бомбоубежище не ходили.

Иногда нас навещала мама, но это было очень редко. Как-то было, сгорели Бадаевские склады, и мама принесла целый рюкзак сладких кусков замороженной земли. Мы её грызли, а потом размораживали и пили эту «сладкую» очень грязную воду. Иногда мама ходила на рынок и меняла папину или свою одежду на столярный клей. Мы его варили, называя это «студень». Вот так прошёл 1941 год, потом несколько холодных месяцев 1942 года. Мы превратились в жутких дистрофиков. От смерти нас спасла доктор-терапевт, которая жила в нашей квартире и каждый день давала нам с братиком по одному очень маленькому глоточку лекарства. Помню его название до сих пор — бактериофак от кровавого поноса. Она всегда говорила нашей маме: «Лена, не волнуйся за Зинулю и Витюлю, хлеба дать не могу, а от страшного поноса сберегу, если буду жива». Она скончалась, не дождалась даже снятия блокады.

Когда же были страшные бомбёжки, мы сидели дома и ждали, когда чёрная тарелка на стене сообщит: «Отбой», и начнёт просто тикать.

Когда началась весна, то стало лучше, выросла лебеда, крапива. Город был очень быстро убран от грязи и мёртвых людей. Прибавили чуточку хлеба

(если можно было назвать его хлебом). Стало лучше! Начали работать школы. Одна из мам в нашем доме возила нас, оставшихся в живых, в столовую Университета им. Жданова. Нас там уже ждали, на столах стояли маленькие чашечки с соевым молоком и по одному маленькому соевому сырничку. Но это длилось до лета.

Вот так всё было. Стало чуточку лучше, но радости у меня не получилось и после снятия блокады, окончания страшной войны, так как начались похороны. Отец вернулся с фронта и вскоре умер. За ним мама. В 1970-м году ушёл из жизни мой любимый брат в 33 года. Я осталась с его 6-летним сыном.

Сейчас мне 81 год, племяннику 47 лет.

Жила раньше на Васильевском острове, сейчас в Калининском районе. Инвалид 2-й группы, Ветеран труда, житель блокадного Ленинграда.

*На долгую память дорогому папочке!
от Вити, мамы и Зины. 1 августа 1973.
Виктору без 17 дней 6 лет*

Елена Игнатьевна ИДОБАЕВА

Родилась 21 марта 1921 года.

22 июня 1941 года в 12 часов дня по радио было передано заявление Советского Правительства о нападении гитлеровской Германии на нашу Родину.

Гитлеровцы ворвались в нашу страну, как свора бандитов. Они были вооружены до зубов. Против нашествия фашистов советские люди противопоставили упорство, мужество и героизм. В начале войны я была студенткой 3-го курса техникума точной механики и оптики. 22 июня наша группа студентов проходила практику на заводе «ГОМЗ». В то время заводы работали по скользящему графику, то есть иногда и в воскресенье.

После передачи по радио заявления о нападении Германии по всему городу стали проходить митинги. На заводе «ГОМЗ» прозвучали такие слова рабочих: «Мы все считаем себя мобилизованными и готовы защищать страну и город Ленина до последней капли крови!»

Война 1941 – 1945 годов стала самой тяжелой и жестокой из всех, которые когда-либо пережила наша Родина. Мы, студенты, помогали городу в борьбе с врагом. Ни один студент не отказывался от любой работы. С первых дней войны студенты дежурили на крышах техникума. Мы жили

в общежитии и нас перевели на казарменное положение. Во время дежурств на крыше мы видели, как горели «Бадаевские» продуктовые склады. Фашисты обрекли город на голодную смерть. Но город выстоял.

Осенью мы выезжали в пригород копать противотанковые рвы и укрепления. Немецкая авиация нас часто бомбила, многие из наших были убиты или ранены. После работы нам приходилось уходить пешком в город. Шли лесом голодные и оборванные. Особенно тяжело было ходить по городу в темноте и искать нужные дома и квартиры. Ведь мы, кроме всего прочего, по ночам разносили ленинградцам повестки на фронт.

Наступила зима 1941 – 1942 годов – самое страшное время для города. Голод. В квартирах давно нет ни воды, ни света, ни тепла. Замер городской транспорт. Ежедневно обстрелы, бомбежки и пожары. Несмотря на это, город жил и боролся. Враг решил обстрелами, бомбежками и го-

лодом сломить волю ленинградцев к сопротивлению, но люди сохранили героизм, чувство долга, взаимовыручки, человеколюбие.

Наступила страшная голодная зима. Стали давать 125 граммов черного хлеба со жмыхом. Съели все запасы горчицы и соли, варили кожу, ремни кожаные. Ослабленные люди с суровыми лицами медленно двигались по улицам. Они боялись упасть: если падали, то уже подняться не могли. На улицах и в до-

мах лежали мертвые люди, умершие от холода и голода. У нас в техникуме появились большие санки, и мы, студенты, из квартир выносили мертвых, подбирали их на улицах, а потом на этих санках вывозили на площадку ипподрома, который находился на Звенигородской улице. Медленно двигаясь, люди ходили за водой на ближайшую речку, растапливали снег на буржуйках, которые топили книгами, а также мебелью. Несмотря на трудности, ленинградцы не роптали даже на снижение норм выдачи мизерного количества продуктов. Мы думали только, чтобы враг не прошел в наш город.

Думаю, что и сегодня настоящие ленинградцы верны патриотическим идеалам и готовы бороться за мир, завоеванный ценой жизни многих людей!

Раиса Васильевна ИЛЬИНА

- Участник Великой Отечественной войны с 1941 по 1945 года.
- 1941–1943 гг. — Инженерные войска, стройбат
- 1943 год — Штаб местной противовоздушной обороны на Васильевском острове

★ Награждена:

- Медаль «За оборону Ленинграда»
- Медаль «За доблестный труд»
- Медаль «90 лет Красной Армии»
- Юбилейные медали (всего 13)

Это было 12 часов дня. У нас как раз были гости. Мы решили пойти в парк. И вот там, когда мы только приехали в ЦКПО, по радио и объявили, что в 4 утра немец начал бомбить Киев и Украину. Мои старшие братья с отцом сразу отправились в военкомат. Часа в 4–5 дня, когда мы приехали домой, началась бомбежка. Над нами летали немецкие самолеты.

Недели через две в школе, недалеко от нашего дома, организовали военный объект. Говорят, что в наших домах находились шпионы, которые и навели фашистов

Р. В. Ильина (первая слева в нижнем ряду), на оборонных работах, 1942 год

на это место — его стали бомбить. Досталось и нашим домам. Такая была паника! Как это было страшно, передать невозможно. Нам повезло — мы все уцелели, а мои знакомые погибли. Прятаться тогда еще было негде, так дома и отсиживались во время налетов. Бомбоубежища появились позже.

Нас должны были эвакуировать, так как я была

еще несовершеннолетняя. Но мама сказала: «Я отправила сыновей и мужа на фронт. Поэтому мы останемся здесь». Мы жили в пятиэтажном доме на десять квартир, из всех жильцов дома в Ленинграде остались только мы с мамой.

Меня как комсомолку через военкомат отправили на курсы медсестер. Три месяца, пока я занималась, находилась на казарменном положении. Параллельно с учебой работала в мастерских навигационных приборов на станках. Я с другими девочками должна была делать резьбу на снарядах. Мы маленькие (мне только исполнилось 17 лет), станки высокие — под мужчин. Нам подставляли ящики, мы становились на них и вручную нарезали резьбу.

Месяца через два началась бомбежка Бадаевских складов, где хранились продукты. К тому времени немцы нас окружили. 8 сентября началось самое страшное — блокада. Голод и холод. Нам давали 125 граммов хлеба. У мамы началась дистрофия, она всякую копеечку, кусочек хлебца — все мне отдавала. Хоть я и на казарменном была. Получалось, я ей приношу, а она мне оставляет.

Мама у меня не работала, но потом ее взяли на казарменное положение и стали давать 250 граммов хлеба, и мне так же.

В начале 1942-го меня отправили в один из штабов местной противовоздушной обороны строить огневые точки, рыть блиндажи, окопы и рвы. Во время работ жить

приходилось в палатках. Бывало, проснешься, голову поднимаешь, а косы примерзли к голове — от холода. Хорошо, что нас еще подкармливали. Формы у нас специальной не было, одежды теплой тоже. Какой-то моряк дал мне свою форму: китель и фуражку.

А бомбежки были без конца, каждый день. Стекол в окнах не было. Тряпками завешивали и одеялами.

Во время одного налета меня ранило в голову, перевели в госпиталь. Там я пробыла месяца полтора и попала в другую часть МПВО. Теперь моей задачей было гасить зажигалки на крышах и собирать покойников.

Как мы собирали трупы, вспоминать так больно, что говорить не могу. Это не передать!.. Мы ходили по домам. Лифты не работали, воды не было, света не было, отопления не было. А сугробы были по два метра, перемещались по маленьким тропочкам. Поднимались на нужный этаж — как скажет инструктор. Все квартиры открыты и покойники лежат. Крысы огромные бегают. Мы этих покойников кое-как в старые тряпки или одеяла, которые тут же находили, заматывали и с 4—5 этажа пешочком стаскивали вниз, на саночки отвозили к Стеклянному рынку на Васильевском, складывали штабелями, обливали керосином и сжигали. Чтобы не было эпидемии. Приказ был такой. Инструктор говорил: «Девочки, если мы останемся живы, нам всем поставят памятники», потому что здесь остались только старики, которые не могли эвакуироваться, и такие, как мы.

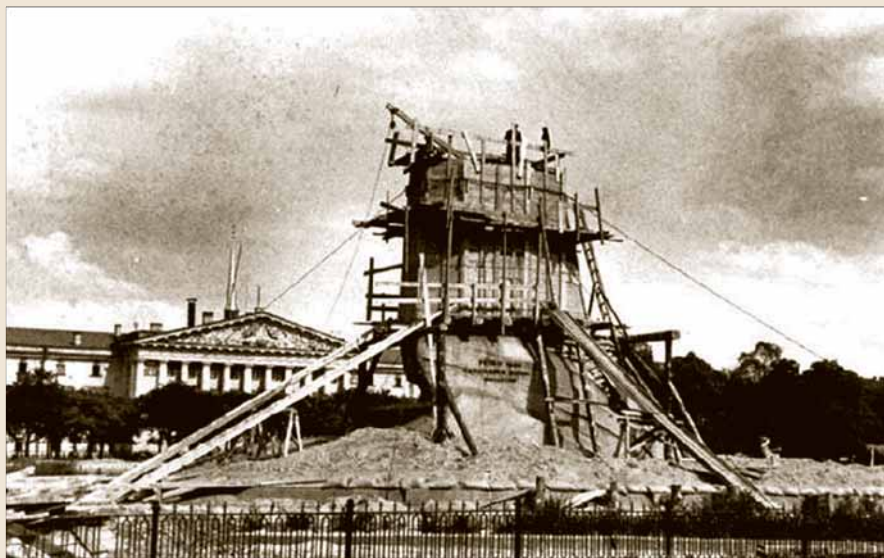
Временами я ходила на рынок продавать последние вещи папы и брата, мамины ценности меняла на хлеб. Килограмм хлеба тогда стоил семьсот рублей. А хлеб — только название.

Доходило до того, что людей ели, студни из них на рынке продавали. Я один раз так «напоролась». Пошла покупать продукты, смотрю — студень. Я — девчонка, еще не со-

Р.В. Ильина (в форме моряка) с подругой, 1943 год

ображала, что это. Даже обрадовалась. Мороз был, сугробы. Домой пришла, мама говорит: «Хорошо»... Студень растаял быстро, а там... ногти. Это страх такой был!

Так я и жила до 1943 года. Потом восстановили мастерские навигационных приборов, я вернулась туда. Нам прибавили хлеб, стали давать по 400 граммов.

Весной мы начали чистить город. Ведь все нечистоты выбрасывались в окна. Всю грязь необходимо было уничтожить, чтоб не разводить заразу.

Когда потеплело, собирали подорожник, лопух, мололи все это, делали котлетки. К тому времени частично были восстановлены Бадаевские склады. Я ездила туда, чтоб обменять у шоферов валенки и костюмы на дуранду — прессованную шелуху от ржи и пшеницы. Благодаря этим дурандам, наверное, мы с родственниками из-под Ленинграда, которые все это время находились у нас, и остались живы. У нас комната была 25 метров с буржучкой. Вокруг этой печки мы и пекли эти оладушки.

В мастерских я работала до 1944 года. Жить к тому времени уже стало полегче, мы начали думать о

том, куда пойти учиться. Чувствовали приближение Победы. В 1944 году организовали госпиталь. Нас, девушек, перевели работать туда, а в мастерские — бывших раненых, пришедших с фронта. И так было до конца войны.

А победу как встретили — не передать. Было столько слез! Радости! В то время я была в госпитале на Петроградской, дежурила. Прибегает медсестра и говорит:

— Раиса, бросай все!

— Как бросать, когда у меня инвалид, без ноги. Мне надо его перевязать.

— Бросай! Такая радость! Открывайте окна!

Мы открыли все окна — май, весна! Кто на костылях, кто на двух, кто ползет к ним — это радость такая была! Обнимались, целовались! Наверное, вся неделя так прошла. Выскакивали на улицу. Первым делом в город стали возвращаться партизаны из лесов Ленинградской области. Помню, едут они на лошадях, в папахах с лентой наискосок, муку везут, картошку. Радость была — не передать, какая! Какой был подъем! Сколько было силы! А народ был добрый какой! Все старались друг другу помогать!

Ванда Иосифовна ИЦХАКИНА

- *Жительница блокадного Ленинграда*

В тот день я договорилась встретиться с подружками. Вышла во двор, мне показалось, что на улице холодно, подул ветер. Я вернулась за кофточкой домой, там мне сказали: «Послушай, сейчас будет говорить Молотов». Я позвала подругу, и мы сели слушать: я, отец, мать, брат, подруга и наша любимая собака боксер. От сообщения о начале войны и голоса диктора впечатление было ужасным. Мы притихли, а собака завывала... Через несколько месяцев, в ноябре 1941-го, ее нам пришлось усыпить, потому что кормить было нечем. Пес был молодой, ласковый. Отец моей подруги после этого случая сказал мне: «Какая ты после этого подруга! Почему ты нам его не отдала? Мы бы его хоть съели».

Тогда мне было 18 лет. Я заканчивала первый курс Кораблестроительного института.

К 22 июня у меня был сдан экзамен. На следующей день после начала войны мы побежали в институт. Нас тут же обязали разносить повестки. Делали мы это ночью. Наверное, чтоб застать людей дома. Мне достался участок от Невского проспекта по каналу Грибоедова. Я помню эти

светлые ночи, аэростаты над головой и нас, девочек-студенток, — какая-то мистика...

В начале июля нас отправили на окопы. Я ездила на эти работы три раза. Копать приходилось глубоко — противотанковые рвы выше человеческого роста. Но я усталости тогда не чувствовала. Трудно, правда, было под Кингисеппом, где много торфа и мелкого сосняка. Во время работ пить было нечего, кроме бурой воды. Когда немцы подошли к Кингисеппу, нас оттуда увели. Километров 80 мы дня два или три шли в сторону Ленинграда. Возвращались голодными, припасы закончились к тому времени, и мы бегали на поля турнепс (крупная репа) рвать, а нас одергивали и говорили: «Что вы разорвете колхозные поля!»

Страха я тогда не чувствовала, просто потому, что не понимала, не могла осознать, что происходит на самом деле.

Помню, мы дошли до станции Лебяжье, сели ждать поезд, и вдруг подлетает к станции паровоз, обшитый металлом, из окна высовывается с каким-то отчаянным лицом мужчина с окровавленным бинтом на голове. Я смотрю на него,

глазам своим не веря. Как кадр из кино это было. Я думаю, они вырвались из-под носа у немцев.

Вскоре я пошла работать дружинницей в госпиталь, который находился на территории больницы им. Куйбышева. Там я дежурила в отделении, горшки носила, помогала при перевязках... Помню мальчика-узбека в ушном отделении, у которого разворочено было горло. Он говорить не мог — картина была страшная.

В октябре наступил голод. Но карточек нам, дружинницам госпиталей, тогда не давали. Выживать помогали знакомые. Папа другой моей подружки устроил меня на завод «Радист» на Петроградской, в отдел технического контроля. Там мне дали рабочую карточку — это было счастьем! Я такая радостная пришла домой: «У меня рабочая карточка теперь есть». А брат мне говорит: «А нам сделали служащую». Он инженером-кораблестроителем был.

В ноябре отключили электричество почти во всем городе. Исключение сделали для цеха, выпускающего военную продукцию. Но нас не уволили. Меня поставили сторожить склады по ночам. Выдали тулуп, винтовку и патроны. Карточку снизили до служащей.

Через некоторое время я устроилась санитаркой в госпиталь для гражданских раненых на площади Льва Толстого. Там я проработала до отъезда из Ленинграда.

Под Новый год, в ночь на 30 декабря 1941 года, от голода умер мой папа. Я пришла домой вечером, мама мне сказала, что отцу очень плохо. Я прилегла с ним рядом, а через какое-то время его не стало. Я даже не поняла, как это произошло. Позже с работы пришел старший брат. Я ему говорю: «Стасик, папа умер». На что он мне отвечает: «А карточки я успел получить» — тогда мы стали мыслить другими категориями, война поменяла нашу психологию.

Папу мы хотели похоронить по-людски, поэтому заказали гроб. Я договорилась на заводе со столяром за папиросы. Их мы получали в магазине на Кировском проспекте, д. 26—28, но так как никто из нас не курил, меняли их на все самое необходимое.

С завода гроб домой я тащила на саночках одна. Тогда мы жили на Мичуринской, недалеко от домика Петра Первого.

Когда гроб с папой спускали по лестнице, он перевернулся пару раз, но сил открыть его и поправить тело

уже не было. За карточку нам вырыли могилу на Серафимовском кладбище, и мы папу похоронили. Сумели поставить даже крест.

На фронт идти я не хотела, чувствовала ответственность за семью. Стасик так быстро сдал, стал абсолютно беспомощным: нам с мамой его с кровати на горшок приходилось сажать. 3 или 4 января мы похоронили папу, в эти же дни брат сильно сдал. После похорон мы с мамой пошли к друзьям на Васильевский остров сказать, что папы больше нет, а когда вернулись, то увидели, брат сидит у печки, смотрит на нас и говорит: «Я не могу встать». На следующий день я пошла к врачу в поликлинику, рассказала о самочувствии Стаса, и тогда впервые услышала термин «алиментарная дистрофия». Месяца два брат находился на больничном, на ноги помочь встать стационар, в который его поместили, — там кормили три раза в день, был кипяток, хлеб, было тепло.

«А как ты выжила?» — меня всегда спрашивает дочь. «Не знаю», — говорю я ей, а потом отвечаю: «Во-первых, я всегда где-то работала, во-вторых, я двигалась много, ходила. У нас соседка на лестнице жила, она считала, что нужно экономить энергию и лежать. И она умерла. Нельзя было залегать ни в коем случае! Надо было двигаться».

Я много ходила. Недалеко от нас жила одинокая старушка, я носила ей кипяток. У нее в парадной неделю лежал труп, завернутый в одеяло, из-под которого торчал большой палец ноги, распухший такой. Каждый раз, проходя мимо, я отворачивалась и думала, что он мне потом будет сниться всю жизнь. Нет, никогда не снился.

Зимой 1942-го было очень холодно. Мы жили в двух комнатах. Нашу печку завалило во время бомбежки. Чтобы согреться, перебрались в маленькую. Спали втроем. Большой ценностью тогда были дрова. Но где их брать? Мы с подругой ходили к Неве. Там стоял вмерзший корабль, а на набережной — большие (метров 150) сложенные поленья, обледенелые, страшные. Их охранял часовой. Чтоб заполучить пару поленьев, мы предлагали бойцу курицу. Как эти поленья огромные мы, молодые девчонки, поднимали на четвертый этаж, я сейчас не представляю. Они были сырые, тяжелые. Потом мы их пилили в кухне, кололи как-то. Но, правда, однажды нам ответили: «Жизнь дороже папирос». И мы ушли. Идем и думаем: дома мама, бабушка подруги, брат — лежат, мерзнут, а дров нет... Мы решили сходить в другой конец этой поленницы — стащить пару поленьев. Но не получилось: нас часовой поймал, еле-еле вырвались. Книжки мы не жгли, да и мало их у нас было. А вот ноты пошли в огонь. Произведение, написанное моим дедушкой, тоже пришлось сжечь. Я так и не узнала, какую музыку он написал. А вдруг что-то хорошее было? Обидно. Наша семья была музыкальной, каждый играл на каком-нибудь инструменте. Младшего брата, Михаила, в мае 1941-го пригласили в оркестр Утесова. Так что, ему, можно сказать, повезло, не пришлось жить в блокадном Ленинграде. Думаю, он бы просто умер от голода — всегда отличался завидным аппетитом.

За водой бегали с подругой к Неве, а сугробы у Домика Петра использовали в качестве туалета, потому что ничего в городе не работало. Сначала мама требовала, чтобы мы ведра выносили на помойку, а потом уже сил не стало. Мы, как и остальные, стали выливать помой в окно, отчего на улицах вырастали сталагмиты желтого цвета. Я все боялась, что же будет, когда наступит весна. Но к весне город от отходов и нечистот расчистили специальные бригады. Подруга моя как

Архив РИА Новости. #286
Фото: Всеволод Тарасевич | 01.11.1941

Бойцы везут замаскированную военную технику

Бойцы везут замаскированную военную технику по размытым дорогам. Ленинградский фронт.

раз в одной такой работала, ломом разбивала эти горы (их потом увозили за город). Как-то мне рассказывала: «Я стою, плачу, начальник подходит и спрашивает, что случилось. А я отвечаю: мне лом не поднять...»

Тогда выкалывали не только груды замерзшей грязи. Рядом с мечетью было общежитие Кораблестроительного института. В нем столько студентов поумирало от голода — есть-то надо было каждый день понемножку, каким бы голодным себя ни чувствовал, а они, наверное, съедали весь хлеб за раз, на потом не оставляли. В какой-то момент общежитие после бомбежки, видимо, затопило, ребята на тот момент уже умерли, а потом примерзли.

На что только люди не шли ради тарелки еды! Подруга из МПВО, которая убирала город, рассказывала, сколько на Серафимовском кладбище было детских ручек, ножек. На рынке ведь продавались и студни из трупов...

Однажды пошла я помочь медсестре покойников из госпиталя вынести. Сложили их в сарайчике. На следующий день увидели, что несколько трупов — без голов... Одну мою одношкольницу расстреляли — она продавала на рынке то ли части тела, то ли студни из людей...

В августе 1942 года я была эвакуирована в Свердловск. Прожила там один год, потом уехала в Москву, устроилась в Московский энергетический университет. В столице я и встретила Победу. В то время я жила у друзей. Однажды они меня разбудили в два ночи и говорят: «Почини радио. Там что-то передают». Они — гуманитарии, в технике не разбирались, считали, что я радио отремонтировать могу. Я тогда провода соединила между собой и держала их, чтоб не отходили. Так, с проводами от радио в руках я услышала о Победе. Вот это была радость! Все поехали на Красную площадь. Мы все танцевали, обнимались, целовались, ликовали!

Подготовила С. Титова

Александр Матвеевич КАЛИНИН

В работе над рукописью работали родственники полковника Калинина Александра Матвеевича:

Дочери — Чернякевич Светлана Александровна, доктор медицинских наук, профессор

— Иванова Наталия Александровна, кандидат биологических наук

Племянник — Иванов Сергей Александрович, кандидат исторических наук

Внук — Иванов Михаил Анатольевич, доктор медицинских наук

Правнуки — Гуров Илья Алексеевич, студент

— Гуров Данила Алексеевич, ученик 10 класса

Краткая автобиография Калинина Александра Матвеевича

А.М. Калинин родился 22.07.1909 г. на станции Кочетовка Мичуринского района Тамбовской обл., из рабочих. В 1930 г. как член ВКП (б) направлен от Тамбовского вагоноремонтного завода в Воронежский сельхозинститут, откуда переведен в Ленинградское училище связи, после окончания которого в 1933 г. оставлен в нем курсовым командиром. По окончании высших спецкурсов ВМС в звании капитана служил начальником службы связи штаба ЗУРА КБФ, принимал

Архив РИА Новости. #324
Фото: Борис Кудояров | 01.04.1942

Ленинград в дни блокады

Люди на Невском проспекте в дни блокады.

участие в боевых действиях финской компании, с 1940 г. — начальник связи Лужского сектора береговой обороны, участник ВОВ, с 1941 г. — начальник связи Укрепсектора р. Невы КБФ. С апреля 1942 г. — слушатель факультета связи Академии им. Ворошилова, с августа 1942 г. в звании майора принимает участие в боях под Сталинградом в должности начальника участка СНИС, затем начальник штаба 2 района СНИС, в июне 1944 г. назначен начальником связи Волжской флотилии. В ноябре служил флагманским связистом 1 бригады речных кораблей Днепровской флотилии, участвовал в освобождении Варшавы, на Одере и штурме Берлина.

В 1954 г. назначен начальником передающего узла связи Главного штаба ВМФ и в этой должности в звании полковника прослужил до 1966 г., уволен в запас Вооруженных сил СССР.

Часть 2. Город выжил, потому что жил...

Награжден правительственными наградами: орденом Отечественной войны I-й степени, орденом Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды, медалями «За оборону Ленинграда», «За оборону Сталинграда», «За Победу над Германией», «За взятие Берлина», «За освобождение Варшавы», «За боевые заслуги», «20 лет Победы в Великой Отечественной войне», «40 лет Вооруженных сил СССР», «50 лет Вооруженных сил СССР», «В память 250-летия Ленинграда», «В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина», «30 лет Советской Армии и флота», «30 лет Победы в Великой Отечественной войне» и пятью почетными знаками.

Ордена и медали Александра Матвеевича находятся в Военно-морском музее г. Ленинграда (ныне Санкт-Петербурга) с 1976 года.

В первых числах сентября было развернуто восемь корпостов, способных наблюдать, разведывать силы противника и точно корректировать огонь. Корпосты были на «Марате», «Октябрьской революции», в районах Русско-Высоцкого, Рапполово, Вороньей Горы и Красного Бора, на двух линкорах, крейсерах и одном миноносце. Наблюдения вели в радиусе 6 км.

Позже было решено использовать радиостанции военного поста «Новой Голландии», которые в революцию 1917 г. посетил В.И. Ленин. На весь мир были переданы декреты Советской власти, эта радиостанция обеспечивала правительство связью.

Встретил Марка Цыпина, не виделись 2 года. Он рассказал о кабельной сети с выходом на Ораниенбаум. Капитан Цыпин, начальник СНиС, предложил использовать приемно-передаточный радиоцентр учебных классов училища им. Фрунзе. Им можно было обходиться, если бы местные сигналы не давили связь. Жаль, что упустили возможность создания центра силами «Связьмортреста».

Все эти попытки усовершенствования связи специалисты высказали потому, что не было связи с Выборгом и через Нарву на Таллин, хотя в Морском институте и заводе им. Казизкого г. Ленинграда зарождались первые образцы отечественной радиоаппаратуры для флота.

30 августа корабли отряда «Нева» открыли огонь по врагу в районе Ивановских порогов. Пятый день

вражеская артиллерия обстреливает жилые кварталы, корабли и 9 батарей, много жертв. Вторые сутки удары наносит авиация. Враг рвется в город. При обстрелах наша артиллерия часто выходит из строя.

Огнем крейсера «Киров» уничтожена батарея противника и разогнана пехота. С 13-го наблюдательного пункта получено донесение: «Восточный склон высоты 134 занят нашими войсками, канлодка «Волга» прошла огнем по Ропше, эсминец «Сметливый» — по д. Новоселье». Голосами пушек началась большая переключка рейдов и гаваней Кронштадта, Петергофа и Ораниенбаума. Вместе с залпами с Красной Горки все слилось в канонаду огня. Заявка — подготовить удар по Гостилицам.

Телефонист Попов принял другое сообщение: «Эсминец «Строгий» вел огонь по колонне танков и пехоте, есть прямые попадания». Молодцы, ленинградцы! Личному составу корабля командующий артиллерией флота объявил благодарность.

Корабли «Строгий» и «Стройный» с первых дней боев под Ленинградом огнем своей артиллерии сдер-

живали противника от Ивановского до Слуцка, пояснил помощник начарта Григорьев.

Первого сентября эсминец «Строгий» начал стрельбу с огневых позиций на Неве с того, что повернул обратно колонну танков при отличной работе корпостов. Вся Ленинградская группа полна отваги: с 4 сентября еще на подступах к Красногвардейскому эсминец открыл огонь по вражеским войскам. Активная работа нашей артиллерии в районах Красного Села, Горелово, Вороньей Горы и южной части пос. Урицка перекликалась с артиллерией, мотомехпехотой и живой силой противника.

Я просил командира роты еще раз поговорить со связистами, проверить резервы и сделать все, чтобы от немцев «летели клоуны». Капитан 3 ранга Григорьев нервничал: не хватало корпостов для стреляющих кораблей, хуже того, они стрельбу вели по площадям, не выходя на видимость цели. А причина в то время — мало совершенная связь. Телефонная связь с артиллерией шла по воздушным линиям и полевому кабелю. Начав огонь по телефону, не получали нужного наращивания огня. Связь на разных ОБ и 6-ПК обеспечивают с трудом, так как дальность этих раций зачастую меньше дальности огня морской артиллерии, поэтому получалось, что батарея готова, а связь с корпостами установить невозможно, и вынуждены бездействовать, что недопустимо, — значит, стреляют без корректировки, то есть по площадям.

Исключение составляют корпосты с рациями «Бухта» и 50АК линкоров «Марат» и «Октябрьская Революция» и в большинстве посты на южном берегу и Северных фортах.

Для решения связи с войсками корпосты стали прикреплять к штабам дивизий, и давалось право вести огонь по их команде, армейцы помогали в наблюдении и корректировке огня. Я позвонил полковнику Гаврилову, чтобы поблагодарить за восстановление линии в районе Ораниенбаума. Вдруг от Кустова звонит капитан-лейтенант Павел Ефремов: «Крейсер «Киров» потерял связь с корпостом 13». Хорошо, что провели первую стрельбу. Многого пришлось передумать. Вдруг на связь с кораблем вышла незнакомая радиостанция, работали по всем правилам и почерк наших радистов. Дали проверку,

потребовали их принадлежность, пошли на связь. Оказалось, моряки не растерялись: командир корпоста ст. лейтенант Егоров, не добившись связи с «Кировым» на своей 6-ПК, обратились к танкистам и на их радиостанции вызвали огонь по противнику. «Так может быть и завтра, без танков: один на один корпост и немецкие автоматчики, а то и танки... а за связь с постами спросят с нас», — ответил я.

Пусть и завтра Егоров держится ближе к армейцам.

Перед этим мне звонил полковник Гаврилов и доложил: «Две радиостанции «Бухта» и 5-АК с машиной под них получены». Это уже лучше. Так я и ответил связистам крейсера «Киров»: «Готовьте побольше таких радистов!» Я просил отметить корпост и пожелал новых метких залпов.

Не забыть рассказ начальника корпоста 13 под Красным Селом нашим артиллеристам:

«Противник на видимости, а корабли молчат — не тянет наша «полевушка», радисты что только не делали. Мы к танкистам:

— Выручайте, братцы — под одним флагом стоим за город Ильича... Сегодня не растерялись».

В Ораниенбаум прибыл на буксире, а дальше на электричке по расписанию в Ленинград. В стороне были видны два разведчика, но наши истребители в воздухе не дремали... Побывал на городском узле связи, договорился о совместных действиях и просил помогать нам на участке Петергоф — Лебяжье.

Погода как в ленинградскую золотую осень. На улицах патрули регулируют передвижение военных машин, строем идут красноармейцы с Эзеля и Ханко.

В Ленинграде все также на постаменте стоит Петр I. Кажется и сейчас основатель русского флота призывает всех нас отстоять город. Воины к этому готовились: боевые корабли стояли на огневых позициях, главная военно-морская база флота готовилась к отражению врага. Со стороны Ораниенбаума доносилась зенитная стрельба.

В городе хлеба оставалось на две недели.

Вчера отрезано прямое сообщение со страной. Враг рвется в город, его батареи начали ежедневный об-

стрел жилых кварталов. Горят Бадаевские склады. Посты наблюдения настойчиво искали врага, засекали появление его батарей, танков, пехоты, а корабли эскадры Ленинградского фронта с огневых позиций на Неве мощным артогнем давали противнику отпор. Стреляли с «Марата», «Максима Горького», «Петропавловска». Позвонил своим в Кронштадт, они ведут огонь с крейсера «Киров» и «Октябрьской Революции». Морская авиация отбивает фашистов в Копорье, Красном Селе и Ивановских порогах.

Линкоры «Ленинград», «Октябрьская Революция» и крейсер «Киров» с поддержкой бригады моряков 191-й стрелковой дивизии и 1-й гвардейской дивизии и ополченцев открыли огонь под Красным Селом. Матросы из танка корректировали огонь крейсера. Вот была «мясорубка»... Начсвязи ставил их в пример другим постам.

Полковник Кустов запросил радиосвязь с линкором «Октябрьская Революция», сам позвонил на крей-

сер «Киров», говорил с вице-адмиралом Дроздовым: получен приказ командования о наступлении. В присутствии К.Е. Ворошилова и генерала Иванова началось наступление с целью овладеть пос. Михайловка.

Сначала противник открыл огонь из минометов и автоматов, потом залег, но как только поднялись наши моряки, немец дрогнул и не устоял. Тут и подоспела авиация.

Из рассказа мичмана Д. Павлова:

«Противника «поливали» артиллерийским огнем, удалось закрепиться в Михайловке. Но противник после обеда подтянул новые силы и «махнул» на Красное Село.

Трое суток стояла канонада залпов кораблей, береговой обороны и армейской артиллерии, одна контратака сменялась другой. Большие потери с обеих сторон, много погибло наших ребят, они сражались как подобает русскому воину. Кипела красная вода в р. Стрельна, но моряки, ополченцы и солдаты держались». Мичман склонил голову и сказал: «А командира своего не уберегли. Когда радисты и телефонисты залегли, Юрьев

встал, наши дали длинную автоматную очередь, но голос командира стих: шальная пуля сразила его».

15 сентября противник обрушил удары по правому флангу Красносельского укрепрайона, к вечеру «разрезал» на две части восьмую армию и вышел на побережье Финского залива в тыл Кронштадского форта.

Вторые сутки корабли Ленинградской группы подвергаются артобстрелу.

В это время начарт пытался перевести все управление артогнем кораблей начарту морской обороны Ленинграда. Это усилило контроль и сказалось на эффективности и усилении мощи удара на главных направлениях. Но при отсутствии надежной связи частей Красной Армии заявки на стрельбу поступали с опозданием, тогда штаб начарта обороны Главной базы стал пополнять их силами 8-й армии самостоятельно. И правильно. Это дало надежное управление огнем, включая разведку глубины сил противника на дальность стрельбы кораблей и береговых батарей. В процессе боев армейцы под обстрелом храбро восстанавливали полевые телефонные линии.

Валентина Николаевна КОЗЛОВА

Когда началась война, мне было около 5 лет. Папа работал в училище им. Жданова, которое сразу отправили в Кострому. Семьи тоже эвакуировались, но мы с мамой получили отказ, так как папа не был членом ВКП (б). И вернули нас с вокзала, видимо нашлись более достойные. Жили мы вдвоём с мамой и котом около Дома радио на улице Ракова. Маму призвали на оборонные работы, и меня она отправила на Охту к своим родителям. Дедушка работал на заводе имени Воровского, где в столовой отравился и умер от дизентерии. Вот мои первые воспоминания: дедушка лежит очень бледный в кровати, а я ищу в его голове, ушах насекомых. Вскоре он умер.

В комнате стояла круглая печь и табурет, на который я забиралась, чтобы погреть ладони и спину. На стене висели старинные часы, которые дедушка выиграл на ярмарке в старину. Я неотрывно смотрю на стрелки и жду, когда будет 2 часа — время обеда.

Мама читала мне папины письма, в которых он писал, что плакал от строк, в которых описывалось, как его маленькая дочка ползает под столом и собирает крошки. Это была нервная зима. Папа выслал по почте посылку с хлебом, консервами и деньгами. Но тогда получить это было невозможно. И самое страшное воспоминание, когда в соседний дом, самый высокий, попала бомба. Мама стала меня одевать,

я выглянула в окно и увидела огромный костёр. Ноги мои подкосились, и я упала. Мама схватила меня на руки и побежала в бомбоубежище, которое было на улице. Эту слабость в ногах я ощущала всю жизнь.

Гуляла я только на балконе, и вот однажды в солнечный весенний день появились на улице девушки с ломami и лопатами. Они кололи и увозили жёлтый лёд. Среди них была младшая сестра моей мамы. Средняя сестра работала в военном госпитале на передовой. Домой вернулась совсем больной и рано умерла. Сразу после войны умерла бабушка, мама через 10 лет. Ей было всего 47 лет, а папа — фронтовик — жил долго. Меня любили и жалели.

Недалеко от дома стояли сараи с дровами, а около них вскопанные грядки. У каждой семьи был свой маленький огородик. Но это было уже позже. Ночью огороды караулили по очереди. Когда сняли блокаду, мы с мамой переехали на улицу Итальянскую. И вот в середине 1945 года, летом, мама вешает на окна новые занавески, а по улице Малая Садовая едет грузовик с солдатами — и в нём мой отец. Мама закричала от радости и побежала вниз, а я не знала, что делать и замкнулась. Долго не могла привыкнуть к новой жизни.

За год до окончания войны, в 1944 году, я пошла в 202-ю школу на улице Желябова. Половина учеников была из детских домов.

Валентин Гаврилович КРИВОВ

Кривов В.Г. — один из ведущих ученых в области дизельных и комбинированных энергетических установок и станций автономного энергоснабжения и крупнейший специалист по этому направлению не только в органах капитального строительства Министерства обороны, силовых ведомствах, но и в общей инфраструктуре России.

В.Г. Кривов — профессор кафедры ДЭУ ВИТУ, участник Великой Отечественной войны, полковник в отставке, доктор технических наук, первый почетный профессор ВИТУ, заслуженный деятель науки и техники РСФСР, лауреат премии Совета Министров СССР, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный академик Российской Академии архитектуры и строительных наук РФ, почетный энергетик РФ, почетный работник топливно-энергетического комплекса РФ.

Награжден орденами Красной Звезды (1956), «Знак Почета» (1972), Трудового Красного Знамени (1982), Отечественной войны II степени (1985), «И.В. Сталина» (1998); медалями «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»

(1945), «30 лет Советской Армии и флота» (1949), «За боевые заслуги» (1952); юбилейными медалями «40 лет Вооруженных сил СССР» (1958), «За безупречную службу» (1963), «20 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1965), «30 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1975), «40 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1985), «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1995), «50 лет Вооруженных сил СССР» (1967), «60 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (2005), «60 лет Вооруженных сил СССР» (1978), «За воинскую доблесть. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина» (1970), «70 лет Вооруженных сил СССР» (1988), «Ветеран Вооруженных сил СССР» (1984), «300 лет Российскому флоту» (1996), «Адмирала флота Советского Союза Кузнецова» (1998), «50 лет атомной энергетики СССР» (1998), «120 лет И.В. Сталину» (1999), «200 лет Министерства обороны» (2002), «В память 300-летия Санкт-Петербурга» (2003), «60 лет снятия блокады Ленинграда» (2004); нагрудными знаками «Отличник военно-морского флота» (1945), «Отличник военного строительства» (1966), «За заслуги в стандартизации» (1978), «За отличные успехи в работе» (1984), «В честь 30-летия службы специальных объектов при Президенте РФ» (1999), «Фронтовик 1941–1945 гг.» (2000), «Почетный энергетик РФ» (1998), «Почетный работник топливно-энергетического комплекса» (2000), «Почетный академик Российской академии архитектуры и строительных наук (РААСН)», «Ветеран дизелестроения производственного объединения завода им. Малышева», г. Харьков (1993), Грамотой Министра обороны СССР (1979).

Родился В.Г. Кривов 15 июня 1924 г. в поселке Луговое Старожилковского района Рязанской области. После окончания Хрущевской неполной средней школы (НСШ) в 1939 году поступил в Рязанский железнодорожный техникум.

Вот что вспоминает Валентин Гаврилович о войне.

В 1941 г. при подходе немецких войск к Рязани техникум с частью студентов был эвакуирован в город Сызрань. Я и три моих сокурсника в составе аварийно-ремонтной группы были направлены в прифронтовую зону на восстановление и поддержание в работоспособном состоянии системы железнодорожной связи и блокировки на участке Рязань — Ряжск. Это была важнейшая магистраль от Москвы на юг. Фронт в октябре—ноябре подходил к железной дороге очень близко, до 2...5 км, и она постоянно находилась под воздействием немецкой авиации и артиллерии. Услышав гул немецких самолётов, мы и железнодорожные рабочие укрывались в безопасных местах, обычно в кюветах. В ноябре 1941 г., когда наша бригада находилась на железнодорожном узле г. Ряжска, он подвергся жесточайшей бомбардировке фашистской авиации. В это время на станции находилось не-

сколько железнодорожных составов, в том числе и санитарный поезд. Он оказался зажатым между составом с горючим для Москвы и составом с боеприпасами. Начался сильнейший пожар и прогорели несколько

Часть 2. Город выжил, потому что жил...

взрывов. Все, кто мог, в том числе и наша студенческая бригада, бросились спасать раненых. До самого вечера наше внимание было приковано только к спасению раненых из санитарного поезда. Эвакуацией и спасением раненых руководил начальник санитарного поезда. Тушением пожара и восстановлением путей занимались рабочие станции и аварийные бригады. Во время бомбёжки и борьбы с её последствиями на станции некоторые железнодорожники и рабочие получили ранения и ожоги, включая меня. Как это было? Вечером этого страшного дня я почувствовал боль в правой ноге, а снять сапог с ноги самостоятельно не смог. С помощью товарищей, разрезав голенище, его сняли. Под коленом оказалась запёкшаяся кровь и рана от осколка. Опытная медсестра перевязала рану, слава богу, кость не была задета, и на второй день я смог уже работать. Шрам от ранения остался мне на всю жизнь, а эта страшная бомбёжка в Рязке часто снится по ночам.

В январе 1942 г. после победы наших войск под Москвой техникум был реэвакуирован в г. Рязань, где и продолжили свое обучение все оставшиеся студенты.

В мае 1942 г. после окончания трех курсов техникума (перед дипломным проектированием) я вместе с группой студентов был направлен военкоматом на обучение в ВИТУ ВМФ в г. Ярославль. Даже оказавшись в мирном Ярославле, ВИТУ, его курсанты и сотрудники неоднократно подвергались бомбардировкам вражеской авиации. При этом курсанты и офицеры привлекались к тушению пожаров и разбору завалов на двух ближайших крупных предприятиях: автозаводе и резинокомбинате. Они, как и учебный корпус училища, располагались на «Всполье», недалеко от железнодорожного вокзала. Помимо борьбы с пожарами, очень сложными и опасными для курсантов были частые ночные операции по поимке диверсантов и предателей, которые с помощью электрофонарей и радиопередатчиков наводили вражеские самолеты на важные объекты (склады, вокзал, предприятия, железнодорожный узел). Мы действовали группами — по три человека. Но оружие было только у старшего группы.

В августе—сентябре 1943 г. проходил практику на действующих береговых объектах Беломорской флотилии и Северного флота на побережье Баренцева моря.

В августе—сентябре 1944 г. находился на учебно-производственной практике в 31-м отдельном артиллерийском башенном дивизионе береговой обороны Кронштадтского морского оборонительного района (КМОР) на «Ораниенбаумском плацдарме». Помимо тяжелой работы на старых изношенных силовых дизельных электростанциях 31-го артдивизиона и открытых наземных и железнодорожных артиллерийских батарей КМОРа, курсантам приходилось часто осуществлять боевое патрулирование и отражать нападения хорошо вооруженных диверсионных групп противника. Противник подвергал наши позиции бомбардировке и обстрелам, при этом войска несли серьёзные потери в людях и технике. Вместе с тем убитых среди курсантов-практикантов не было, а были только раненые.

По окончании училища (в апреле 1947 г.) получил назначение в береговую оборону Северного флота, где до 1953 г. проходил службу в течение года инженером-

электромехаником бронебашенной батареи на острове Кильдин, начальником цеха в губе Кислая (г. Полярный), а потом четыре года в поселке Сеть-Наволок заместителем командира отдельного артбашенного артиллерийского дивизиона по технической части.

После получения хорошей инженерно-технической и командирской практики в 1953 г. поступил в адъюнктуру кафедры «Двигатели внутреннего сгорания» ВИТУ ВМФ. В процессе выполнения диссертации поставил 120-часовой новый курс «Организация службы, методика боевой подготовки и борьба за живучесть электромеханической части береговых батарей ВМФ». В 1956 г. после успешной защиты кандидатской диссертации был назначен преподавателем. В 1957 г. стал доцентом кафедры. В 1963 г. по рекомендации ученого совета училища после утверждения им темы докторской диссертации назначен на два года старшим научным сотрудником — докторантом с одновременным выполнением учебной нагрузки и плановых научных исследований по теме диссертации.

В 1965 г. после успешной защиты докторской диссертации назначен старшим преподавателем кафедры ДВС. В 1967 г. ему было присвоено ученое звание профессора по кафедре ДВС, а в 1968 г. он назначен начальником этой кафедры, которую и после ее переименования в кафедру ДЭУ (1986 г.) возглавлял более двадцати лет (до 1989 г.).

За 60 лет активной инженерной, научно-педагогической, научно-исследовательской и научно-общественной деятельности им создана и получила большое развитие крупная научная школа по подготовке кадров и проблемам совершенствования автономного энергоснабжения на базе ДВС, комбинированному производству энергии с утилизацией теплоты и использованию нетрадиционных энергоустановок, по комплексной защите и обеспечению работы ДЭУ по специальным циклам, по повышению надежности и живучести технических систем объектов МО, силовых структур и государственных пунктов управления.

В научной школе В.Г. Кривова по результатам исследований защищено 14 докторских и более 70 кандидатских диссертаций, из которых по 29 кандидатским работам он был научным руководителем, а по 9 докторским

Архив РИА Новости. #323
Фото: Борис Кудояров | 01.10.1941

Моряки идут на фронт

Моряки идут на фронт по улицам Ленинграда.

— научным консультантом. В процессе непрерывной активной научно-исследовательской и педагогической деятельности В.Г. Кривова им лично и под его научным руководством выполнены многие десятки крупных комплексных исследований и создана мощная научно-исследовательская и материально-техническая база в Ленинграде и в УИЦ п. Приветненское (база № 3).

По результатам исследований В.Г. Кривовым написано и издано 6 учебников, из которых 2 в соавторстве, и 4 монографии, а также более 350 научных работ, из которых опубликовано более 125 статей, и 8 нормативно-руководящих документов. В соавторстве по результатам исследований получено более 80 авторских свидетельств на изобретения.

При непосредственном участии, научном руководстве или научно-технической помощи В.Г. Кривова отечественной промышленностью создан целый ряд образцов

различных систем, оборудования и устройств, которые широко используются в оборонном строительстве и промышленно-хозяйственном комплексе страны.

Научная и научно-общественная деятельность профессора В.Г. Кривова характеризуется широкими связями и деловыми контактами с организациями Минобороны, с предприятиями и объединениями промышленности, с проектными, конструкторскими, научно-исследовательскими и учебными заведениями РФ, стран бывшего СССР и Варшавского договора.

Особо следует отметить его большую работу в качестве консультанта, эксперта, председателя и члена Межведомственного совета по Координации НИР в области ДВС, члена экспертной комиссии и экспертного совета ВАК СССР, члена редколлегии журнала «Двигателестроение», члена ученых и научно-технических советов ряда вузов и НИИ страны.

В.Г. Кривов женат с 1947 г. Жена – Нонна Евгеньевна Селькова, житель блокадного Ленинграда, доктор медицинских наук. Имеет двух сыновей: старший Владимир (1951 г. р.) – кандидат медицинских наук, полковник запаса ВМФ, ныне ведущий врач-консультант крупной медицинской фирмы; младший Александр (1962 г. р.) – доктор физико-математических наук, профессор Йенского университета в Германии. В 2007 г. Валентин Гаврилович и Нонна Евгеньевна отметили свою «Бриллиантовую свадьбу».

Елизавета Николаевна КУЗНЕЦОВА

Елизавета Николаевна Кузнецова родилась 17 февраля 1922 года в деревне Шумякино Мстиславльского района Могилевской обл., Белорусской ССР в семье Николая Стефановича Федорова и Матрены Алексеевны. В 1928 году Федоровы переехали в Ленинград, в дом № 3 по Второй линии, что на Пороховых. После окончания школы Елизавета Николаевна поступила в техникум, но ее обучение прервала война.

Отец, Николай Стефанович, вступил в ополчение. Его часть всю войну оборонялась на окраинах Ленинграда, поэтому мать, Матрена Алексеевна, отказалась эвакуироваться вместе с Охтинским химическим комбинатом¹.

Елизавета Николаевна поступила на работу в шестой цех ОХК, где почти всю войну проработала в должности бригадира. Цех выпускал начинку для снарядов легендарных боевых машин реактивной артиллерии «Катюш».

Наступило трудное военное время. Работать на заводе приходилось в две смены, без всяких выходных и отпусков. Еду стали выдавать тут же на заводе, по спецталонам. Сразу после разгрома Бадаевских складов качество выдаваемых продуктов ухудшилось. Овсяную кашу из столярного клея все стара-

¹ Часть производственных мощностей Охтинского химического комбината была эвакуирована на Урал, где в невероятно тяжелых условиях охтинские химики построили первые цеха Свердловского завода пластических масс.

лись обменять на что-нибудь другое. Вместе со спецталонами Елизавета Николаевна по обычным талонам получала и блокадные 250 грамм хлеба, но норма эта то сокращалась, то увеличивалась. Получаемую по карточкам водку у бойцов ПВО, охранявших комбинат, меняли на хлеб.

Приходилось туго, но спасло то, что еще до войны огород был засажен картошкой, капустой и свеклой. Нужно сказать, что Пороховые были деревней в черте города — люди жили в деревянных домах, разводили свои огороды. Соседи Елизаветы Николаевны, беженцы из Луги, всю войну держали корову, не забили ее даже в самые голодные зимние месяцы.

В первую блокадную зиму Федоровы питались в основном тем, что выросло на своем огороде. За водой ходили на речку Луппу (р. Лубья), так как вода в ней была чище, чем в Неве. Наступление нового 1942 года ознаменовалось маленьким радостным событием — в буфете нашелся уцелевший, несъеденный мышами чёрствый бублик. К весне запас картошки закончился, и летом 1942 года на огороде росла только лебеда.

Во вторую блокадную зиму 1942—1943 года в результате взрыва в цеху погибла Матрена Алексеевна. Поскольку почта работала плохо, чтобы сообщить о страшной новости Николаю Стефановичу, Елизавете Николаевне пришлось пешком идти через весь замерзающий город. На обратном пути она обратила внимание, что ее начал преследовать какой-то странный, исхудавший человек. Она стала

Николай Стефанович с сослуживцами во время войны

Бригадир – комсомолка Е.Н. Федорова читает газету трудовому коллективу своей бригады

идти еще быстрее, затем побежала, человек побежал вслед за ней. Тут она увидела, как по улице идут солдаты, и перебежала дорогу перед ними. Преследователя солдаты не пропустили, и Елизавета Николаевна принесла домой скудный армейский паек.

После гибели матери Елизавете Николаевне стали помогать Ольга Осиповна, председатель профкома цеха, и Осип Захарович Давыдов, начальник цеха.

Весной 1943 года дали картошку на посадку и Елизавета Николаевна принесла картошку домой. Всю картошку посадить не удалось – половину съели вместе с Ольгой Осиповной, так что посадили в основном глазки и половинки картошин. Несмотря на это к осени смогли собрать хоть какой-то урожай.

Летом этого же года дом на Пороховых попал под расселение. Елизавете Николаевне предложили жилплощадь в центре, но она не согласилась, так как оттуда было бы далеко ходить до завода. Пока искали жилплощадь

поближе, дом уже начали разбирать, и однажды утром над головой Елизаветы Николаевны буквально разобрали крышу. Пришлось спешно собирать вещи и идти на завод. Новую жилплощадь выделили в доме 112 на шоссе Революции, где Елизавета Николаевна и встретила Победу.

После победы демобилизовался отец, и жизнь перешла в новое русло. Елизавета Николаевна вышла замуж за Сергея Владимировича Кузнецова и в 1963 году переехала в дом на улице Васенко, где и живет до сих пор. Елизавета Николаевна награждена медалью «За оборону Ленинграда», медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», медалью «Ветеран труда».

Тамара Петровна КУПЦОВА

Воспоминания о войне и блокаде

Я родилась 19 ноября 1935 года в городе Гатчина Ленинградской области, жила на проспекте Карла Маркса, дом 62 (сейчас там высотное здание). Когда началась война, мне было пять с половиной лет, а моей сестре полтора года. Отца, так как он был коммунистом, сразу призвали в армию. Он пропал без вести в ноябре 1941 года. В последнем письме от него было написано: «...иду в бой под Невской Дубровкой или Синявино». Больше нам о нём до сих пор ничего не известно.

Сначала мы жили в землянке, выкопанной в саду, затем перешли в бомбоубежище в школе. Когда начались массированные бомбардировки города и немцы уже входили в Гатчину, нас, особенно женщин с детьми, насильно отправили последним поездом в Ленинград. Это был август 1941 года. Родственников у нас там не было, и мы пошли к знакомым отца, которые жили на улице Союза Связи, дом 8 (сейчас улица Почтамтская). Это была однокомнатная квартира на первом этаже. В ней жили шесть человек (отец, мать и четверо детей), да нас три человека. Они нас приняли. Постелили нам матрац у печки (никаких вещей, ни одежды у нас с собой не было). Сестра на руках мамы, я за ручку, так мы и приехали.

1943–1944 гг. 1 класс 239 школа Октябрьского района города Ленинграда

В сентябре начались сильные бомбёжки и блокада. Разбомбили «Бадаевские» склады. Мама со старшей дочерью хозяев ездили туда и привозили жжёный сахар, крупу вперемешку с землёй. Мама давала нам пить хвойную воду. Вскоре мою сестру забрали в больницу — дистрофия первой степени. Ей даже уже был сделан гроб. Но она выжила, и до сих пор жива и здорова, имеет двоих сыновей и внучку.

В ноябре было уже очень тяжело: голод и холод. Помню, мама пришла и говорит: «Немецкие танки у Кировского завода». Мы очень боялись. Водопровод не работал, света не было, топить было нечем. Хозяйка семьи заболела, ей принесли белую городскую булку, она её положила под подушку. Я находилась рядом, украдала булку и съела половину. Когда мама пришла и узнала, она хотела меня отравить марганцовкой и била меня. Но хозяин дома дал нам 24 часа, чтобы мы убирались вон. Но как говорится: «Не было бы счастья, да несчастье

помогло!» Мама пошла в домоуправление. Там ей предложили работу дворника, дали комнату на первом этаже рядом в доме 6 у помойки и прописали. Мы были очень рады!

Это был декабрь 1941 года. Я сама варила студень из столярного клея, ели жмых, если маме удавалось его достать. В нашем доме была булочная, и мама знала время, когда привозили хлеб, поэтому успевала отоваривать карточки. Это было главное! Убирая снег на улице, она встретила односельчанина (сама она родом из Рязанской губернии), который сказал ей, что нас разыскивает брат папы. Он служил моряком в Кронштадте. Они часто ездили на площадь Труда, на базу моряков за продуктами (по Конногвардейскому бульвару, ранее бульвар Профсоюзов). Дядя нас нашёл и стал нам помогать. Это был февраль 1942 года — самое голодное время в блокаду. Сестру взяли домой из больницы.

В 1943 году мама стала работать кровельщиком. Нам дали комнату в этом же доме только на четвертом этаже в семикомнатной квартире. Комната была на солнечной стороне с двумя окнами. Как мы были счастливы!

В нашем доме во время блокады был случай каннибализма. В одной из квартир жили две сестры с тремя детьми. Двух детей сёстры съели, а когда хотели и последнюю девочку двенадцати лет съесть, то она успела выбежать и закричала. Так все и узнали об этом. Люди зверели от голода, многие съели своих любимых собачек и кошечек, так как животных нечем было кормить. Мышей и крыс не было видно.

Меня на четыре месяца добрые соседи, пожалев маму, взяли в детский дом, который находился на набережной реки Мойки, рядом с музеем А.С. Пушкина. Это были две сестры, одна из них работала директором детского дома. От голода я не могла ходить, так как все пальцы на ногах болели, между ними были гнойные болячки.

В детском доме меня вылечили и многому научили: вязать сеточки на причёску, вышивать гладью, рисовать. Это был 1943 год. В этом же году я пошла в первый класс в школу № 239 на Исаакиевской площади.

В 1944 году мама уже была управхозом (дожила до 1995 года в той же комнате, хотя могла бы восполь-

1944–1945 гг. 2 класс 239 школа Октябрьского района города Ленинграда

зоваться служебным положением и иметь квартиру, но совесть не позволила).

Помню день 9 мая 1945 года. Это был солнечный день. Все были весёлые, улыбающиеся, красивые.

Мы счастливы, что до сих пор живём в нашем любимом городе, никуда не уезжая, пережили здесь блокаду!

Петербургская хмурая осень:
Гаснет день, до утра погостив.
Ветер листья мне под ноги бросил,
Частый дождик в лицо моросил.

Непогоду приемлю без слова,
И бойкот объявила делам.
Ностальгия, как эхо былого,
Меня к старым ведёт адресам

Как мне дороги детства отметины:
Переулки, дворы, Сашкин сад,
Моих первых свиданий свидетели —
Кружева петербургских оград...

И война не уходит из памяти.
Боль блокады берёт на излом.
Там, где сквер по весне кучерявился,
Мне всё помнится рухнувший дом.

Город мой! И тревогой и радостью
Ты в мою заплетался судьбу,
Вот опять, позабыв об усталости,
На свидание с прошлым иду!

Купцова Тамара Петровна

Игорь Сергеевич ЛЮБИМОВ

Родился 5 сентября 1922 года в деревне Крени Вологодской области. Военный педагог, полковник в отставке, кандидат военных наук, доцент, заместитель председателя Санкт-Петербургской городской общественной организации «Комитет — защитники Москвы».

В Красной Армии с 1939 года. В 1941 году закончил 1-е Ленинградское артиллерийское училище, в 1946 году — Высшую офицерскую артиллерийскую штабную школу, в 1954 году — Военную артиллерийскую командную академию.

С первого до последнего дня Великой Отечественной войны был на фронте. Защищал Москву, участник Курской битвы, освобождал Орёл, Брест, Ригу, Варшаву, брал Берлин. Войну закончил начальником разведки корпусного артиллерийского полка.

После войны проходил военную службу на различных должностях в войсках, затем преподавал в Военной артиллерийской академии на кафедре разведки.

Принимал участие в испытаниях ядерного оружия на Семипалатинском полигоне. Ветеран подразделений особого риска. Награждён 7 орденами: Мужества, Боевого Красного Знамени, двумя Отечественной войны I-й степени, двумя Красной Звезды, «За службу Родине в Вооруженных силах СССР»

III-й степени, 25 медалями, в том числе «За отвагу», «За боевые заслуги» и другими, две из них иностранные.

С тех пор прошло много времени, но ничто не может стереть из памяти все тяготы фронтовой жизни. Память... Как хорошо, что она держит человека, связывая крепкой нитью с прошлым, помогает жить и оберегает от плохого. Она заставляет одно любить, другое презирать и ненавидеть, третьим — восхищаться.

Вспоминая свой жизненный путь, пытаюсь найти то волшебное, которое смогло придать силу и мужество вынести и пережить все тяготы, выпавшие на нашу долю. И нашёл. Прежде всего — это вера в жизнь, в нашу Победу над врагом. Вера в дружбу, в созидание счастливого будущего, убежденность в том, что мы обязательно победим врага, какие бы изощренные методы уничтожения нас он не придумывал, не позволяли сломаться, обмельчать душой.

Мы, солдаты и офицеры, всегда считали себя патриотами своего Отечества, это делало нас непобедимыми и сильными духом.

Незабываемые слова: «Велика Россия, а отступать некуда, — позади Москва!» отражали всю суть того драматичного момента для нашей Родины. Практически вся Европа оказалась под пятой фашистской Германии. Именно здесь под Москвой германская армия утратила ореол непобедимой. У стен Москвы занялась заря нашей Победы в Великой Отечественной войне. Для меня, молодого артиллериста, битва под Москвой стала первым серьёзным испытанием на войне.

Советское командование, считая Западное направление основным и решающим, сосредоточило здесь до 40% личного состава, 44% артиллерии, около 35% танков. Однако изменить соотношение сил в свою пользу на тот момент не удалось. К началу битвы под Москвой артиллерия трех фронтов (Западного, Резервного и Брянского) имела в своем составе более 7700 орудий, миномётов и боевых машин реактивной артиллерии. Такое количество артиллерии обеспечивало среднюю её плотность: около 10,5 орудий на 1 километр фронта. В полосах отдельных армий она достигала 20—22 орудий. Группировка артиллерии в то время создавалась по целевому назначению.

Архив РИА Новости. #93172
Фото: Всеволод Тарасевич | 01.01.1943

Защитники Ленинграда

Бойцы Великой Отечественной войны идут в атаку.

Появился новый боевой опыт применения реактивной артиллерии. Если в июле 1941 года под Москвой действовали 13 дивизионов гвардейских миномётов, то в оборонительном сражении — уже 28 дивизионов, а при проведении контрнаступления — 40 дивизионов.

Противотанковая оборона строилась в виде системы противотанковых опорных пунктов (районов), расположенных на важнейших танкоопасных направлениях вдоль фронта и в глубину. Практика показала, что такая оборона обладает высокой устойчивостью.

Характерна в этом отношении оборона Ильинского боевого участка, который оборонялся силами курсантов Подольских пехотного и артиллерийского училищ под командованием полковника И.С. Стрельбицкого. Они задержали врага на целых 10 суток! Трудно оценить значение этого подвига. Пехотинцы и артиллеристы показали образцы стой-

кости, мужества и умения бить врага, располагавшего большими силами. Ими было уничтожено 5000 солдат и офицеров, подбито около 100 танков противника. Об этом подвиге говорили и на фронте и в тылу.

Помню, как в преддверии 24-й годовщины Октября, мы много говорили о предстоящем празднике. Некоторые из нас сомневались в возможности проведения парада в условиях такой сложной обстановки на фронте. Однако парад состоялся, но об этом мы узнали только 8 ноября.

Ещё большее волнение охватило нас, когда мы услышали речь товарища И.В. Сталина. Особенно запали в душу его слова: «На вас смотрит весь мир, как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков. На вас смотрят порабощенные народы Европы, как на своих освободителей. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков: Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова». Речь заканчивалась

словами: «Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина! Под знаменем Ленина — вперед к Победе! Смерть немецким оккупантам!»

Не знаю, так ли это, но мне показалось, что перед мысленным взором всех, кто слушал речь И.В. Сталина, возникли грозные картины войны. Все увидели, что враг не так силен, как трезвонила геббельсовская пропаганда, что крепнет сила нашего сопротивления, что советский народ победит.

Однако возвращаясь к событиям тех дней, следует заметить, что несмотря на срыв октябрьского наступления гитлеровцев на Москву, обстановка здесь оставалась тяжёлой. Вражеское командование не отказалось от мысли захватить Москву до наступления зимы. Противнику удалось достичь превосходства над войсками Западного фронта в людях — почти в два раза, в танках — в полтора раза, в орудиях и миномётах — почти в два с половиной раза.

Советское командование предприняло решительные меры по усилению войск Западного фронта. Общее соотношение по артиллерии на московском направлении постепенно изменилось в пользу советских войск. В ходе оборонительного сражения под Москвой наши артиллерийские командиры накопили боевой опыт организации боевых действий артиллерии при отражении массированных ударов противника, особенно в борьбе с его танками.

Окончательно измотав противника, войска Западного, Калининского и правого крыла Юго-Западного фронтов с 5—6 декабря, без оперативной паузы, перешли в контрнаступление. За 25—30 дней контрнаступления наши войска разгромили фланговые ударные группировки противника и отбросили их от Москвы на 100—250 километров.

В начале января 1942 года контрнаступление завершилось и 8 января перешло в общее наступление, которое продолжалось до 20 апреля 1942 года. В результате этого враг был отброшен от Москвы на 200—300 километров. Было освобождено свыше 11 тысяч населенных пунктов, в том числе города Истра, Калинин, Калуга, Клин, Можайск и другие. В битве под Москвой было разгромлено около 50 дивизий противника, уничтожено 1500 танков, 2,5 тысячи орудий и мино-

метов, свыше 1300 самолетов. Немецко-фашистские войска потеряли около 1 миллиона солдат и офицеров.

Помню, какой радостью светились глаза наших бойцов и командиров, когда мы узнали о начавшемся контрнаступлении наших войск под Москвой. Продвигаясь за нашей пехотой и танками, мы — артиллеристы — видели брошенную врагом технику: танки, автомашины, орудия, в том числе уничтоженную нашим огнем. Враг яростно сопротивлялся. Но всем было ясно — «блицкриг» провалился.

Оценивая роль советской артиллерии в боях и сражениях первых месяцев войны, Верховный Главнокомандующий И.В. Сталин отмечал: «Как известно, артиллерия была той силой, которая помогла Красной Армии остановить продвижение врага у подступов Ленинграда и Москвы».

Валентина Фёдоровна МОИСЕЕВА

Ленинград — это был единственный в мире город, который пережил страшную блокаду. Ужасно вспоминать тот голод, холод, артобстрелы, бомбёжки и ту девочку-скелет, похожую лицом на бабушку-старушку, и ту решимость взрослых помогать.

22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война. Когда по радио передали о начале войны, мы подростки 11–12 лет поняли, что наше детство закончилось, и сразу же стали строить планы, как будем помогать взрослым.

Через неделю мамочку отправили на окопы, я осталась одна, так как папа круглосуточно работал на заводе «Электрик». Мы, дети-подростки нашего двора, пока в школе не поместили госпиталь, ходили туда, дежурили на крышах. Потом со двора таскали песок на чердак, а когда немцы сбрасывали бомбы-зажигалки, опростелью бежали на чердак тушить их и сбрасывать в окна.

В июле 1941 года эвакуировали детей работников завода «Электрик». На поезде нас довезли до станции Бологое, высадили и дальше отправили на лошадях до деревни (название уже не помню). Нас разместили в школе вместе с учителями, которые нас сопровождали. Прошло 2–3 дня и немцы подошли к станции Бологое. В один из июльских дней мы пошли купаться и вдруг услышали гул самолета, а потом пулемётные очереди. Это фашисты стреляли в нас, купаю-

щихся детей. Фашистские войска вплотную подошли к Бологое, и эта страшная новость дошла до завода «Электрик». Моя мамочка с большими трудностями, ведь железную дорогу постоянно бомбили и поезда ходили редко, приехала за мной. В Бологое нас привёз последний автобус. С большим трудом нам удалось сесть в поезд под непрерывной бомбёжкой фашистов. В поезде я сказала мамочке большое спасибо за то, что она разыскала меня и привезла обратно в Ленинград. Она обняла меня, заплакала и сказала, что теперь все трудности войны будем переживать вместе.

8 сентября 1941 года фашисты блокировали Ленинград. Страшно вспоминать, но в этот период 1941 года взрослые и дети-подростки не думали об этом. Блокадники в то время были душевные. Вспоминаю случай, когда мы с Тamarой Барановой пошли в булочную. Нам детям — 125 граммов, взрослым — 250 граммов хлеба. Стоя в очереди, теряю сознание и падаю на землю. Женщины, стоявшие рядом в очереди, побежали и принесли тёпленькой водички, подняли меня, привели в чувство. Тamarочка сказала: «Валюшка, мы не умрём, мы ещё будем жить назло фашистам».

Вспоминаю ещё один случай в страшную и голодную зиму 1941 года. Нам в школе выдали талоны на получение супа (вода с несколькими зёрнами) в столовой. С собой у меня был взят медный котелок (отцовский, времён гражданской войны). Был сильнейший мороз, и когда я пришла домой, у меня с руки слезла кожа. Было очень больно.

На наше счастье в нашем доме жила повариха, и мама сменяла у неё ряд носильных и других вещей на продукты. Это были котиковая и беличья шубы, колечки, золотые серьги, кукла с закрывающимися глазами, которую я очень любила и даже плакала, когда её отдавали. Также на продукты мы поменяли пианино «Бэккер» с бронзовыми подсвечниками. Полкило «дуранды», полбуханки хлеба и что-то ещё, что можно было есть, помогли нам избежать голодной смерти.

Вспоминаю о встрече Нового года. К нам пришла знакомая и любимая всеми тётя Настя Баранова. Сели за стол в 23.30, мама достала маленькие кусочки хлеба, не съеденные днем, поджаренные на касторке. Положила в

Архив РИА Новости. #637354
 Фото: Анатолий Гаранин | 26.04.2010

Плакаты на Казанском соборе. Ленинград, октябрь 1941 года

хрустальную вазу 5 штук конфет, разрезанных на дольки, взрослым налила вина, полученного по карточкам, а нам детям — чаю. Так мы встречали Новый суровый 1942 год. Как это было ни странно, сидели за столом до 6 часов утра. В январе 1942 года тётя Настя умерла от полного истощения, то есть дистрофии.

Весной в школе возобновились занятия. После суровой и голодной зимы в классе осталось 4 человека. Когда провели медицинский осмотр, про меня сказали, что эту девочку нужно спасать. Меня поставили на дополнительный рацион питания. В дополнительный рацион входило соевое молоко и шроты. Я приносила их домой и делилась со своими родителями. Всё равно у меня обнаружили дистрофию, врач, которая меня осматривала, сказала, что меня необходимо срочно эвакуировать. Когда я собиралась в школу, то я не могла надеть ботиночки, а весной ходила в валенках.

Я была в тяжёлом состоянии, поэтому в 1942 году меня с мамой эвакуировали в Горьковскую область. В 1944 году мы с мамой вернулись в родной Ленинград.

Конечно, нам пришлось много пережить: цингу, опухшие ноги, трупы, лежащие на улице, завернутые в одеяла. Бесконечные обстрелы и бомбёжки, когда не знаешь, куда спрятаться от их осколков. Ведь Ленинград — это был фронт!

Времени, казалось бы, прошло так много, но в нашем городе и сейчас жива память о блокаде. Память о её холодных и голодных зимах, о героических защитниках города, о жизни под обстрелами и бомбёжками, когда угрозе постоянно подвергались все ленинградцы — и стар и млад. И живёт во мне особенное чувство гордости за то, что мы, дети-подростки, вместе со взрослыми смогли в тех невероятно тяжёлых условиях выжить и это был единый патриотический порыв.

Я невольно вспоминаю стихи поэтессы Ольги Берггольц:

«Память сердца острее, чем игла,
Не теряет от времени силу,
Не цветы она — хлеб принесла,
Положила его на могилу.
Стал невольным свидетелем хлеб,
Как буханка записку прижала:
«Мама, я принесла тебе хлеб,
Что в блокаду ты мне отдавала»».

В заключение хочу добавить: мы дети блокады выражаем большую благодарность своим мамам, которые в невероятно трудных условиях старались спасти своих детей.

Архив РИА Новости. #660791
Фото: Анатолий Гаранин | 10.10.1942

**Бойцы Красной Армии.
Защитники Ленинграда.
Ленинград, октябрь 1942
года.**

Аркадий Яковлевич НОВОСЁЛОВ

- Участник Великой Отечественной войны. С 22 июня 1941 года — на Ленинградском фронте. Инвалид войны.
- Закончил войну командиром стрелкового батальона 190-го стрелкового полка 63-й гвардейской Красносельской ордена Ленина Краснознаменной стрелковой дивизии.

★ Награжден:

- двумя орденами Отечественной войны, 1-й и 2-й степени;
- двумя орденами Красной Звезды;
- медалями «За оборону Ленинграда», «За отвагу», «За боевые заслуги», Жукова и др.

«Связь с разведкой»

К концу сентября 1941 года фронт вокруг Ленинграда стабилизировался. К началу зимы мы создали развитую систему инженерных сооружений, заграждений и препятствий. Перед передним краем обороны врага были установлены минные поля и проволочные заграждения. Позиции

обороны состояли из нескольких линий сплошных траншей, броневых и деревоземляных огневых сооружений. Это вызвало определенные трудности и организации наступления наших войск. Сложнее стало вести разведку поисками для захвата пленных.

На одном из участков Ленинградского фронта в районе Лемболово — болото Харвази занимал оборону 255-й стрелковый полк 123-й ордена Ленина стрелковой дивизии. На этом участке в начале декабря было отмечено усиление активности немецко-фашистских войск. Анализ данных обстановки приводил к выводу о возможности скорого перехода противника в наступление. Для уточнения группировки и замысла действий противника была усилена разведка всех видов и решено провести поиск с целью захвата пленного.

Руководителем поиска был назначен начальник разведки полка старший лейтенант Губарев. Группа для проведения поиска готовилась к действиям около недели. Район действий группы был выбран в таком месте, где перед передним краем противника вместо сплошных проволочных заграждений в три-четыре ряда были установлены рогатки в один ряд, а наличие минных полей не было обнаружено. Нейтральная полоса была глубиной около 400—500 метров. Местность в направлении действий группы до выхода к обороне противника была покрыта кустарником и лесом. Все это создавало благоприятные условия для скрытного подхода поисковой группы к обороне врага.

По разработанному плану поисковая группа должна была ночью внезапно проникнуть вглубь обороны противника, захватить пленного и до рассвета вернуться в расположение своих войск. Обеспечение отхода группы после выполнения боевой задачи возлагалось на полковую батарею 76-мм пушек.

Необходимо было решить вопрос организации связи командира группы поиска с батареей. Связь с батареей по дальности могла быть организована батальонной радиостанцией 6 ПК, имеющей экипаж два человека. Но в этом случае радисты ставились в трудное положение, по сравнению с разведчиками, которые шли налегке и брали с собой самое необходимое (оружие, патроны, гранаты, ножи). При движении по

Архив РИА Новости. #637383
Фото: Анатолий Гаранин | 26.10.1941

У театральной афиши. Ленинград, октябрь 1941 года.

снежной целине, след в след, радистам было трудно поддерживать связь на ходу, а в случае неосторожного движения любой из них мог упасть и шумом привлечь внимание противника. Допустить подобное было нельзя, тем более что несколько поисков, проведенных ранее, не принесли успеха.

Начальник связи дивизии подполковник Салин Владимир Иванович пользовался большим авторитетом не только у связистов, но и всего личного состава. Орден Красного Знамени — за испанские события, орден Красной Звезды — за участие в советско-финской кампании украшали его грудь. В то время это было не частым явлением. В.И. Салин был мужественным и храбрым человеком, знающим и любящим свое дело организатором связи. По его предложению связь поисковой группы с боевым охранением и батареей была организована следующим образом: поисковая группа — боевое охранение — по радио на радиостанциях РРУ; боевое охранение — боевые позиции батареи — по проводным каналам и радио на радиостанциях 6 ПК.

РРУ (радиостанцию ротную ультракоротковолновую) в то время мы в шутку называли: «Ты меня видишь, я тебя не слышу». Она обеспечивала связь на дальность прямой видимости до одного километра. Любой холм или лесной массив являлись для нее причиной потери связи. Тренировки показали, что на этой радиостанции можно поддерживать связь и в лесу на удалении до 500 метров, если вместо штыревой антенны развернуть наклонный луч на высоту 10–12 метров. В боевом охранении это сделать не представляло труда, но в поисковой группе все могло обстоять сложнее. Связь могла потребоваться в любых условиях и в любое время, в том числе и под огнем противника. Отсутствие связи могло осложнить или даже сорвать выполнение задачи группы.

В результате подготовки группы окончательно был определен следующий ее состав: начальник группы — старший лейтенант Губарев, заместитель начальника группы, он же радист, — старший лейтенант Новосёлов, три разведчика группы захвата, два разведчика группы обеспечения и два сапера — всего девять человек.

В установленное время группа вышла из боевого охранения и, поддерживая установленный порядок движения, приступила к выполнению боевой задачи. Шли медленно, след в след, соблюдая максимальную тишину. Проверка связи проводилась через каждые десять минут. Связь на штыревую антенну прекратилась, когда прошли 250–300 метров. Было решено продолжать движение и, при острой необходимости, развертывать лучевую антенну.

К двум часам ночи подошли к опушке леса на удалении 50–60 метров от переднего края обороны противника. Было тихо. Противник изредка освещал местность ракетами, которые пускались на расстоянии 250–300 метров правее и левее группы, вел редкий пулеметный и автоматный огонь, т. е. на переднем крае была обычная, характерная для обороны обстановка, и можно было предполагать, что группа не обнаружена. Всё это вселяло уверенность в успех дела.

Саперы поползли к рогаткам. Через 20–30 минут один из них, вернувшись, доложил, что проход проделан. За это время я, соблюдая максимальную осторожность, набросил конец луча на дерево — на высоту четырех-пяти

метров. Включив радиостанцию, я услышал, что нас вызывают, и ответил: «Я вас слышу — прием». Но боевое охранение этого не услышало, потому что говорить в микрофон можно было только вполголоса, а точнее шёпотом.

Я доложил Губареву, что я слышу боевое охранение, а они меня нет, но если потребуется, то я буду говорить громче, и они меня услышат. «Хорошо, — ответил старший лейтенант Губарев, — теперь я спокоен и начинаю действовать.

Если противник откроет огонь, вызывай огонь батареи». Он пожал мне руку и, знаком руки подал команду группе захвата начать действовать, пополз ближе к переднему краю на рубеж группы прикрытия.

Группа захвата успешно преодолела проход и скрылась в шее противника. Прошло около 30—40 минут времени, но группа не возвращалась.

Глаза устали от напряжения, а сердца оставшихся разведчиков группы обеспечения и прикрытия тревожно бились. Сейчас трудно представить себе напряжение тех, кто ждал возвращение товарищей, находящихся в расположении врага.

Вдруг в районе 100—150 метров правее прохода раздалась короткая автоматная очередь, за ней другая и взрыв гранаты. Через три-четыре минуты передний край ожил. Стрельба и интенсивность его освещения усилились. Я начал вызов боевого охранения в полный голос. Сейчас это было

уже неопасно. Установив двухстороннюю связь, я доложил обстановку.

В это время показалась группа захвата, её хорошо было видно на фоне освещаемой местности. Разведчики ползли обратно в проход, но их было не три, а четыре человека. Один из них был пленный, который полз впереди. Противник обнаружил группу и открыл по ней огонь. Группа прикрытия открыла ответный огонь по вспышкам выстрелов врага. Завязался огневой бой. Наличие связи с боевым охранением позволило почти немедленно вызвать огонь полковой батареи. Но ее первые снаряды разорвались далеко от цели. Тогда я подал команду на ввод поправки, и снаряды стали рваться в нужном районе. Разведчиков группы захвата у прохода встретил старший лейтенант Губарев, он протянул пленного за руку с целью ускорить его доставку в более безопасное место (на опушку леса, за деревья). В это время по проходу открыл огонь пулемет. Огнем пулемета противника ранило одного разведчика и пленного. Благодаря командам по корректированию огня пулемет противника был подавлен, а группа благополучно вернулась на опушку леса и, получив разрешение на отход, на-

чала движение к боевому охранению. Ранение пленного оказалось тяжелым. На обратном пути он умер, а его тело пришлось оставить в лесу. Эта неудача до некоторой степени компенсировалась доставленными документами.

Возвращались быстро. В ходе возвращения старший группы захвата рассказал, как они, прикрывая один другого, проникли в траншею и начали продвигаться вправо от одного изгиба траншеи к другому: «После пятого или шестого изгиба мы увидели часового противника. Он стоял у входа в землянку, держал автомат у груди и временами подпрыгивал. Чувствовалось, что он замерз и стоит уже давно. Решили к нему приблизиться в момент его движения. Мы приблизились, и я бросился на него. Мы оба упали, но он успел крикнуть и дать короткую очередь. Пули попали в стенку траншеи. Всунутый в рот кляп заставил его замолчать, а болевой прием руки — выпустить автомат. Он был обезоружен, заброшен на спину, и я хотел нести его к проходу. Это длилось секунды. Но в это время открылась дверь землянки. Из землянки показался солдат противника с автоматом, за ним виднелись еще. Автоматная очередь моего помощника и граната в дверь землянки сделали свое дело. Задерживаться было нельзя, так как противник, почувствовав неладное, усилил огонь на переднем крае. Мы начали быстро отходить к подготовленному проходу. В траншее пленного тащили на себе, но потом заставили ползти самого. Остальное вы знаете». Так закончил рассказ сержант — начальник группы захвата.

Хорошая организация связи помогла разведчикам выполнить поставленную задачу. Захваченные документы позволили уточнить группировку противника и принять необходимые меры для успешного удержания занимаемых рубежей обороны.

Вскоре попытка противника перейти в наступление была сорвана с большими для него потерями. Долго ещё на этом направлении он не пытался прорвать нашу оборону.

Наталья Васильевна ПАЛЬМОВСКАЯ

Родилась 14. 10.1915 г., в с/с Туричинский, д. Брудово, Невельского р-на, Псковской обл. Училась в Туричинской школе, успела окончить только 4 класса. На фронт попала в 1944 году.

Всю войну провела в Ленинграде, служила вольнонаемной.

Была мобилизована военкоматом и переведена на положение состоящих в рядах Красной Армии, без присвоения воинских званий и ношения формы. Работала в охране на военном заводе на Ржевке.

Уехала с мужем и дочкой в Беломорск, потом после демобилизации мужа вернулись в Ленинград, работала уборщицей в школе на Покровской улице около «Гиганта» 20 лет, затем — на Пискаревском молочном заводе фасовщицей творога, потом помощницей на главной кухне больницы Мечникова 10 лет. На пенсию ушла в 75 лет. Муж — лейтенант.

Воспоминания

Ходили по своим постам голодные, больше никуда ходить не могли от голода, есть нечего было. Пойду, травы собираю, лепешек наделаю. Летом еще туда-сюда, а зимой я не знаю, как только выжили! Травы не было, одна крапива. А зимой на что хочешь, на то и живи. В столовую пойдешь, а там только дрожжевой суп. Ноги от соли опухли, а потом

отходить стали, думала, лопнут, а потом «опали» все ноги — только кожа и кости. Ну скелет настоящий, скелет!

Не на что было жить, нечего есть, мне 250 граммов давали, и сестра со мной была, а той 150, — все вместе делила. В столовой просила, в охране была войну всю, повара меня-то уважали.

Они идут, а я их пропускаю, так они мне всегда все суют, то одно дают, то дуранды, то еще что-нибудь. Вот на этом и выжила. Еще сила воли была. Есть было нечего. Что делать? Травой не наешься. Когда крапивы не было, корни лопуха большие толстые люди ели и от них умирали, я их не ела. Вазелином каким-то белым машины смазывают — брала и хлеб мазала этим вазелином, потом какое-то масло в бутылках было, принесешь тоже. Еще если достанешь! Если дадут тебе те, которые там сидят! Пережить было очень тяжело. И вот, слава богу, 95 лет я живу и в магазин хожу, и в огороде хозяйничаю. Родственники следят за мной, опекают. 1 дочь, 2 внука, 2 правнука и 1 правнучка.

Про блокаду все помню. Как жили. Как переживали. Как ходили. Много чего было. Еле-еле ходили. В столовой по карточке дали студень, а я такая: «ой, это лошадиный студень, не буду есть!» взяла и понесла и подпрятала под сарай, думала потом возьму, а крысы съели. А я еще боялась есть. А потом уже не бойся ничего, бери все и ешь что попало. Стояла на посту. Тулуп большущий, ноги замерзнут, придешь домой с поста, а ног не чувствуешь. И валенки там, и портянки, все равно мерзнут ноги. Мороз такой был большой! Придешь и в печку сунешь ноги и не чувствуешь — загораятся ноги или не загораятся. Стояла на посту, на Ржевке был клуб, и я на посту стою.

Ай, на Ладоге стрельба, огонь, огонь, а я стою и думаю: «Ой, боже мой! Сейчас придут, сейчас придут сюда!», когда блокаду на Ладоге прорывали. У клуба стояла, там был военный завод, пороховой, на Ржевке, там были пули кругом, снаряды. Упаси Господь, попала бы бомба в завод! Раз попала в завод, где дуранда была, а дуранда с семечек, так никого туда не пускали, давали только кочегарам. Бомба попала в здание, где дежурили, тоже бомба там все разбила, убила там людей. А если бы упала там, где снаряды, весь Ленинград разнесло бы. 2 часа стоишь на посту, а если некому стоять, то и три стоишь, а если людей не было, а еще и четыре, да такой мороз! Замерзаешь совсем, руки ничего не чувствуют! Стою на посту, охраняю, это чтоб не слетали, парашютом не спускались, стрелять надо. Вот, думаю, а сил то нет, тулуп одет, какой я охранник! Хватит ли сил стрелять, хватит ли сил курок спустить?

Инна Эльковна РЕВЗИНА

«Держит память, не дает забыть»

Когда началась война, мне было всего четыре года. Отец ушёл на фронт, а мы с мамой и бабушкой остались в Ленинграде. Жили мы в самом центре города, в доме «под Думой», в большой коммунальной квартире. Начались бомбёжки, обстрелы. На ночь мы спускались в бомбоубежище, а утром возвращались к себе домой. Дома было холодно. Брат бабушки работал на заводе на улице Плеханова, рядом с нами, а жил на Петроградской стороне. Его семья эвакуировалась. Транспорт не работал, ходить ему было далеко и тяжело. Он переехал к нам, помог поставить «буржуйку». Она спасала нас от холода. Бабушкин брат приносил немного дров и свой паёк в общий котел.

Мы — дети выросли рано. Мы уже понимали, что такое голод, терпели и не просили лишнего. А всё, что можно, взрослые и так старались отдать нам. У каждого ребёнка был рюкзачок с нашитым адресом, фамилией, именем, отчеством, датой рождения. В нем было самое необходимое. Мама клала мне шоколадку, как «энзэ» (необходимый запас) на крайний случай.

Мы уже так привыкли к бомбёжкам и обстрелам, что некоторые перестали спускаться в бомбоубежище по сигналу воздушной тревоги. Так было и в тот день. Наши соседи с совсем маленькой девочкой попросили остаться в

нашей комнате. Она была самой маленькой и теплой, так как находилась в середине квартиры. И вот, когда мы уже собирались отдыхать, раздался страшный взрыв. Вся земля содрогнулась под нами. Это было прямое попадание бомбы в малый зал филармонии (он был через дорогу). Через минуту испуганные соседи, полуодетые, с ребенком на руках прибежали в убежище. Наша квартира находилась во флигеле во дворе и не пострадала. А вот часть дома, выходящая на Невский проспект, была иссечена осколками, были выбиты все стекла.

В убежище мы с мамой спали вместе в детской кровати. Мама весила так мало, что в свое довоенное пальто заворачивалась почти дважды и подпоясывалась папиным ремнем.

Во время войны мама работала в детском доме. Уезжать из Ленинграда она не хотела. Но врачи (она с начала войны болела крупозным воспалением легких) сказали, что если она не уедет вместе с детским домом, то не выживет.

Детский дом эвакуировали в Алтайский край. Добирались мы туда долго. Когда переехали за Урал, стало немного легче. Приехали сначала в Барнаул, оттуда — в Рубцовск, а потом в деревню Волчиха.

Детей слили с местными детскими домами, а персонал распустили. Пришлось маме искать работу и как-то устраиваться на новом месте. Нас приютила в своем доме женщина. К своему стыду, не помню ее имени. У нее было двое сыновей трех и семи лет. Муж на фронте. Мы прожили там до 1944 года, когда папу, как специалиста, отозвали с фронта в Москву. Но мы смогли приехать только под Москву в Люберцы, а вернее, в деревню (или посёлок) Лыткарино. Там я пошла в первый класс, а во второй — уже дома, в Ленинграде.

Говорят, что маленькие дети всё быстро забывают. Но я хорошо помню блокаду в Ленинграде: вой сирены, свист бомб, заклеенные крест на крест окна, затемнение, холод, голод, синий свет ламп на лестницах (ещё долго после войны), разрушенные дома, выбоины на колоннах Казанского собора. Я помню кусочек блокадного хлеба, который мама делила на три части — на завтрак, обед и ужин. До конца своих дней мама

вспоминала, что я никогда не просила добавки.

Я помню дорогу в эвакуацию. Нас часто бомбили. Однажды на станцию, куда наши женщины пошли за обедом для детей, фашисты устроили налёт. Хорошо, что об этом стало известно заранее, и наш состав перегнали на запасные пути. Все остались живы. Но женщины, принесшие баки с горячей едой, были в ужасе при виде развороченных путей и воронок. Они ещё долго шли потом, измученные физически и морально, пока дошли до состава. Мама говорила потом, что уже не надеялась увидеть нас живыми. Можно ещё бесконечно долго рассказывать о том времени — «держит память, не дает забыть».

Наконец настал самый радостный день — День Победы! Да, это был праздник со слезами на глазах. Люди возвращались с войны, из эвакуации. Все мечтали об одном — поскорее залечить раны, восстановить разрушенное войной. Я помню, как восстанавливали мостовую на Невском проспекте, как везли сохраненную статую «Самсона» в Петергоф, как заполнялись ребятами школьные классы. Иногда в них было по сорок с лишним человек.

Но я помню и другое: безногие инвалиды, передвигающиеся с помощью досок на роликах. Они отталкивались от земли коlobашками, которые держали в руках. Сердце сжималось от боли. Это продолжалось ещё долго.

Но жизнь брала своё. Молодёжь училась, мечтала, любила. Рождались дети! Город возрождался и

Очень дорогой доченьке на добрую память. Фронтовой снимок от твоего папы, капитана Красной Армии. 5 июля 1943 г.

хорошел. В Летнем саду вновь белели мрамором статуи. На стадионе вновь собирались болельщики ленинградского «Зенита». Возвращались театры, открывались музеи. Вновь весело звенели ленинградские трамваи. Теперь только надпись на доме на Невском проспекте: «Эта сторона наиболее опасна при артобстреле», музей блокады Ленинграда, разорванное кольцо и еще несколько памятников напоминают о том времени. Слава богу, еще живы многие из тех, кто пережил блокаду, и могут рассказать о ней детям, внукам и правнукам. Это наша история, и ее надо знать!

Память детства

Что из детства в памяти осталось?

Вой сирены, метронома стук,

Как бегом в убежище спускались,

И разрывов бомб ужасный звук.

Из игрушек — кукла и лошадка,

Что качалась лихо взад-вперед,

Деревянный трактор и лопатка,

И бумажный птица-самолет.

На Алтае — ягоды паслены,

Кизяки, горящие в печи,

Молока круги, а не бидоны,

Звезды очень яркие в ночи.

Треугольники солдатских писем,

Редких долгожданных — от отца.

Птичий клин и голубые выси,

И еще дорога без конца.

Долгий путь из дома и обратно.

Держит память, не дает забыть.

Улетело детство безвозвратно.

И его назад не воротить.

Воспоминания о детстве

Я детские годы свои вспоминаю...
Отец был на фронте, а мы — на Алтае.
Мы долго и трудно туда добирались,
Терпели невзгоды и выжить старались.
Нас женщина в доме своем приютила.
Одна сыновей малолетних растила.
На фронте, как все, ее муж воевал
И долго вестей о себе не давал.
В деревне Волчихе за дальним Рубцовском
Мы ждали с волнением писем отцовских
И лишь об одном тогда Бога молили,
Чтоб в бойне кровавой его не убили.
Он, раненый дважды, остался живой.
Но сколько других не вернулись домой —
Сгорели в ужасном военном огне,
Оставили вдов и сирот на земле.
Военные годы давно миновали.
Остались лишь память в сердцах да медали.
Но внуки и правнуки ходят по свету.
Им дальше по жизни нести эстафету.

Я рано узнала

Я рано узнала, что значит война,
И холод, и голод, и ночи без сна,
Бомбежки, обстрелы и стук метронома,
Пустые глазницы разбитого дома.
И звуки сигнала воздушной тревоги.
Трамвай, что застрял в середине дороги.
Прожектора луч, направляемый в небо.
И люди с кусочком блокадного хлеба.
И страх, что в те годы в душе поселился,
Остался навечно, он там угнездился.
Он жить не дает, постоянно тревожа,
Чтоб помнили мы, что такое быть может.
Что может обрушиться мир в одночасье,
С собой унося и здоровье и счастье,
Коверкая судьбы, ломая границы,
Печати войны оставляя на лицах.
Нам мирное детство никто не вернет.
Давно стал историей памятный год.
Но страшные дни ленинградской блокады
Живут в нашем сердце. И помнить их надо!
О люди, наш мир оплатившие кровью
И жизнью своею! С великой скорбью
Пред вами мы головы низко склоняем.
Мы Вас не забудем. Мы Вам обещаем.

Инна Александровна РЕПИНА

Я родилась в Ленинграде 21 декабря 1932 года. К началу войны я успела закончить первый класс 239 школы, которая располагалась в здании, где «с поднятой лапой, как живые, стоят два льва сторожевые». Во второй класс я уже не смогла пойти учиться. Жила моя семья на Адмиралтейской набережной. Сначала нам велели заклеить окна полосками бумаги, но очень скоро во время артобстрела от стёкол и следа не осталось и пришлось заколотить окна фанерой. В круглой печке сделали подставочку из железных полосок, ставили чугунок объёмом 3 литра и сыпали туда 100 грамм пшена. Мама называла эту еду «куляш». Свой паёк хлеба и наш детский паёк она резала на полоски величиной с мизинчик, которые, пока была олифа, мама обжаривала, а потом и этого не было. Мама уходила на работу, я и моя младшая сестра Алла оставались дома. Рядом с нашим домом находился Горторготдел. Работники этого учреждения иногда раздавали голодным ребятам, и мне в том числе, очистки от картошки, иногда давали дровяные чурки, которые можно было хоть немного добавить в печку.

В один из дней мама пришла с работы (она работала в «ГИПХе») где-то около четырех часов дня. Она пошла на большую кухню, чтобы нарубить каких-то щепок для приготовления «еды». Вдруг я испытала какой-то сильный страх, хотя я уже давно привыкла к обстрелам и бомбёжкам. Я побежала к маме и упростила её пойти в комнату,

хотя мы уже очень хотели есть. Квартира, в которой мы жили, была девятикомнатной. Кухня была от нашей комнаты достаточно далеко, так как наша комната была первой от входной двери. Мама взяла два стула, поставила их возле двери, взяла на руки мою сестру, а я села рядом. Минут через пять-шесть раздался ужасный грохот, в комнате стало ничего не видно. Когда пыль рассеялась, то оказалось, что нас обсыпало кругом кусками штукатурки, дверь вывернуло вместе с коробкой. Прошло некоторое время, пока мы кое-как выбрались из комнаты. Оказалось, что немецкий снаряд разорвался в той самой кухне. Он залетел в третий этаж, пролетел второй и в нашем высоком первом разорвался. Жить в этой квартире было нельзя, и нас переселили в другую квартиру этого же дома, где было две кухни. У сестры развилась сильная контузия, у неё тряслась голова в течение ещё трех-четырех лет.

В квартире уже почти никого не было. Хорошо, что мы жили рядом с Невой. Воду можно было приносить в чайнике из Невы.

Почти в то же время умерла моя бабушка, жившая на улице Зелениной. Она осталась одна, в дом рядом упала зажигательная фугаска. Помимо сильной, как и у всех нас дистрофии, она сидела в доме без окон, которые вылетели от бомбежек, и получила ещё и тяжелейшее воспаление легких.

Когда потеплело, мама вскопала грядки на набережной, и мы посадили немного овощей. Семена дали маме на работе. Жизнь начала меняться. Зимой часто были трупы прямо на улице: получалось, что шёл куда-то человек, сел или упал, да так на несколько дней и остался. Теперь стали всё убирать.

Однажды я стала свидетелем ещё одного ужасного случая: Мы шли в ясли-сад за младшей сестрой и на подходе к Дворцовой площади увидели трамвай, в который попал артиллерийский снаряд. В заборе Александровского сада застряли части человеческого тела. Рядом стояли грузовики с песком и люди, засыпая тела песком, кидали их в грузовик. Мы дошли до садика, взяли сестру и пошли уже другой дорогой, мимо памятника Петру Первому, домой.

Потом я снова пошла в школу, училась, водила сестру в садик.

Очень хорошо помню День Победы. Хотя утро было пасмурное, к вечеру распогодилось и выглянуло солнце. Все люди ходили радостные и счастливые.

1957 г.

Лея Руфимовна РОЗОВА

Житель блокадного Ленинграда. Родилась 12 января 1926 года в городе Витебске. В семье было четверо детей. В 1929 году мы переезжаем в Ленинград, в котором жил старший брат отца. Семья обосновалась в двух комнатах на втором этаже большого деревянного дома в Лигово. Возле дома росло много деревьев и был большой двор, на котором по сути и прошло моё детство. Отец работал фотографом. В армию его не взяли по состоянию здоровья.

22 июня 1941 года был выходной день. Во дворе было много людей, но все были взволнованы, потому что ждали заявления Советского Правительства, которое должны были передавать по радио в 11 часов. Все потянулись на площадь, где были установлены репродукторы, и мы узнали о начале войны.

В 1941 году я закончила 7 классов. Мы ещё не могли представить себе какие трудности и горе несёт нам эта война. Семья оставалась в Лигово. В сентябре немцы подошли к Лигово. Начались обстрелы и бомбёжка. Во время обстрелов и бомбёжки жители нашего деревянного дома укрывались в чугунной прачечной, которая стояла во дворе.

9 сентября 1941 года раньше обычного с работы вернулся взволнованный отец и сказал, что нам нужно срочно перебраться в город к дяде. Немцы были уже очень близко, и когда они придут сюда, то никого не пощадят. Мы

собрались очень быстро. У мамы было замочено бельё в корыте. Оно так и осталось дома. Мы бежали, прихватив только самое необходимое. Моим сестрам тогда было 13 и 9 лет, а младшему брату — 3 года. Когда мы бежали к больнице, на шоссе уже рвались фашистские снаряды. Трамваи не ходили. До города шли пешком 14 километров. Младший брат всю дорогу плакал. Навстречу нам по дороге двигалось много машин с солдатами. Они ехали к фронту. Там грохотали орудия. По дороге несколько раз объявляли воздушную тревогу, и все бежали в бомбоубежища, в которых набивалось очень много людей с детьми. В убежище было спокойнее.

К вечеру мы добрались до Нарвских ворот. Там еще ходили трамваи. На трамвае мы доехали до улицы Некрасова и дома № 44, в котором жил дядя. У дяди было три комнаты. Нам выделили одну из них. У дяди три сына были уже на фронте, а четвертый, которому было 15 лет, жил с ним. Устроились в комнате: кто на полу, кто на диване. В 19 часов уже летали

фашистские самолеты, поэтому строго соблюдалась светомаскировка, и нас за это чуть не оштрафовали.

Никаких теплых вещей у нас с собой не оказалось. Родители хотели вернуться домой в Лигово и что-нибудь взять из вещей. Их не пропустили военные. Когда родители возвращались назад, набрали на капустное поле. Привезли два кочана капусты, и мы их съели.

В октябре нас прописали у дяди. Мы стали получать карточки: 4 детских, 1 иждивенческую и 1 карточку служащего. Самые маленькие нормы выдачи хлеба были установлены с 20 ноября 1941 года: только у рабочих 250 граммов, а у служащих, иждивенцев и детей — по 125 граммов. С 25 декабря 1941 года нормы немного увеличили, и наша семья стала получать по 200 граммов на человека. Началась блокадная жизнь.

Наступила зима 1942 года. Это было страшное время. Не работал транспорт, не было тепла и света. Бесконечные обстрелы и бомбёжки. Вой сирен. На улицах падали и от голода умирали люди. Было много снега.

В одной из комнат дядя поставил печку-буржуйку. В этой комнате мы собирались всей семьёй и грелись. Топили печь книгами, обломками с развалин, мебелью. В нашей коммуналке умерла соседка, поэтому все её стулья мы стопили в печке. Так как бани не было, мы сидели у печки и ловили вшей. Нам, детям, нравилось бросать пойманных вшей на печку и наблюдать за ними.

По утрам мы смотрели в окно и ждали, когда же откроется булочная, чтобы идти за хлебом. Однажды мать принесла хлеб и положила его на стол. Младший брат схватил его, спрятался под кроватью и начал есть. Все мы сестры набросились на него и стали бить. На это мама устало сказала: «Не бейте его, он очень хотел есть! Я спеку вам лепёшки из дуранды». Дядя где-то присматривал за лошадьми и иногда пересылал нам «дуранду». Это такой комбикорм.

Однажды в нашем дворе убило казённую лошадь. Дядя отдал дворничихе свой патефон с пластинками, и она отрубила нам часть мяса с рёбрами. Мама варила нам бульон из этих рёбер и поила нас.

Архив РИА Новости. #662767
Фото: Анатолий Гаранин | 13.01.1943

Полевой госпиталь. Волховский фронт. 1943 год.

Весной слегла сестра Зина. Умирая, она просила хлеба. Ей было 14 лет. Папа нанял дворника за свою пайку хлеба, чтобы он на санках отвез тело Зины на Пискарьевку.

Однажды отец отправил меня в булочную получить хлеб на всю семью. Мы искали булочную с чёрствым хлебом. Такая была на улице Жуковского. Подходит моя очередь, мне взвешивают хлеб и дают довесок. Довесок никогда домой не приносили, а клали сразу в рот. Вдруг девушка, которая стояла за мной в очереди, схватила мой хлеб и начала его есть. Все набросились на неё и стали бить. У меня было такое чувство, что и я готова её убить. Прошло 70 лет, а я никак не могу забыть тот случай и ту девушку. Если бы я узнала, что она сейчас жива, то я бы попросила у неё прощения. Тогда мы думали только о хлебе.

Шёл 1942 год. Мы не учились. Слушали по радио голос Левитана и верили в Победу. Дядя получил похоронки на двух сыновей. Оба погибли на Ленинградском

фронте. Младший сын дяди, которому исполнилось 15 лет, пошёл работать на завод «ЛОМО» учеником, чтобы получать рабочую карточку.

Когда мне исполнилось 16 лет, я пошла на 3-х месячные курсы медицинских сестёр на Лиговском проспекте. Потом я начала работать в противотуберкулёзном диспансере. Там было хорошо, потому что нас кормили гороховым супом и кашей. Меня поставили на раздачу таблеток больным, но мне всё время хотелось кушать, и я начала есть таблетки. Они были такие сладенькие, как конфеты.

Вскоре это стало известно, и меня на раздачу лекарств больше не назначали.

В июле 1942 года к нам пришли из жилищной конторы и сказали, чтобы мы готовились к эвакуации. Карточки выдавать нам больше не будут. В назначенный день мы собрали свои пожитки. Никакой особой одежды и обуви у нас не было. Все это, конечно, можно было купить на Мальцевском рынке. Но денег у нас тоже не было. Вскоре нашу семью: папу, маму и нас, троих детей, погрузили на машину и вместе с другими эвакуируемыми повезли на Ладожское озеро. Там мы должны были погрузиться на катер и через Ладогу пройти к реке Волхов, а дальше добраться до железнодорожной станции. Мы стояли в очереди на катер и перед нами закончили сажать людей. Когда катер отошёл от берега, в него попал артиллерийский снаряд. Катер затонул вместе с людьми на наших глазах. Было очень страшно. Все эвакуируемые люди были очень слабыми, и никто из них не смог спастись.

Когда мы прибыли на железнодорожную станцию, нас там встречали и кормили кашей. Началась погрузка на поезд, и нам сказали, что он следует в Сибирь. Мы

поехали, нам было всё равно куда ехать. На больших станциях нам варили кашу, а люди если узнавали, что поезд из Ленинграда, то выносили и раздавали нам еду. По пути некоторые люди умирали и лежали даже в тамбуре. Когда мы проезжали через Свердловск, меня отправили с чайником набрать кипятка. Пока я ходила — поезд ушёл. Я осталась на станции с чайником в руках — одна без документов. Что делать? Я бросилась к воинскому эшелону, чтобы догонять своих. В первый вагон не пустили, во второй — тоже, а в третьем вагоне проводник отвернулся — я и пробралась в вагон.

В вагоне ехали солдаты. Один солдат увидел, что я такая хилая, достал из вещмешка хлеб и дал мне. Я жадно набросилась на хлеб. Другой солдат, видимо, вспомнил своих детей и тоже дал мне хлеба. Мы разговорились. Я рассказала о том, как отстала от поезда. Они меня успокоили. Мы вместе стали высматривать на остановках мой поезд. И, о чудо, через 3 часа пути мы увидели на полустанке мой поезд! Я выпрыгнула из эшелона и попала к своим. Мама от счастья плакала. Они думали, что мы расстались навсегда.

Потом мы проезжали город Новосибирск. Наконец через 15 дней пути мы прибыли в город Гурьевск Кемеровской области. Когда наш поезд прибыл на станцию, нас очень радушно встречали сибиряки. За нашим поездом прибыл ещё один из Ленинграда. К нам, ленинградцам, здесь было очень чуткое отношение. Нашу семью к себе взяла одна женщина. Муж у неё был на фронте. Она жила с сыном лет 15. Он работал водовозом. Она наварила нам картошки с капустой, и мы вдоволь наелись. Не передать той доброты, с какой она к нам относилась.

Через некоторое время администрация Гурьевска выделила нам комнату. Я стала работать на фабрике грузчиком. В бригаде было ещё три взрослых женщины. Они на меня обижались за то, что я была немощная, им приходилось частично работать и за меня.

Однажды папа принёс газету, в которой была статья о наборе в медицинский техникум в городе Кемерово. Решили, что надо ехать учиться. Но как? Документов никаких не сохранилось после эвакуации. В администрации написали мне рекомендательное письмо. Поехала в Кемерово, сдала все экзамены и поступила в техникум. Это был 1944 год.

В техникуме проучилась две недели. И вдруг у нас случился пожар. У завхоза была припасена бочка с бензином на случай уборки урожая. Она и загорелась на первом этаже. Мы занимались в классе на втором этаже. Пламя бушевало очень сильное, и нам пришлось прыгать вниз со второго этажа. Весь техникум сгорел. Десять студентов, в том числе и меня, отправили доучиваться в город Прокопьевск, остальных — в другие места. В Прокопьевске я встретила День Победы.

Потом мы вернулись в родной Ленинград. Здесь же я встретила своего мужа фронтовика. У нас родились два сына, а теперь ещё есть два внука, две внучки и три правнука.

Работала старшей медицинской сестрой в больнице имени Красина, а потом заведующей здравпунктом в ПТУ № 32.

На всю жизнь в моём сердце остались те тяжёлые для всех ленинградцев дни блокады, голод, бомбёжки и обстрелы, смерть моей сестры, эвакуация и та женщина-сибирячка, что приютила нас.

Ада, 17 июля 1936 г.

Ада Васильевна САВЕЛЬЕВА

«Ничто не предвещало...»

Война застала меня семилетним ребенком, но воспоминания о тех временах сохранились даже лучше, чем о более поздних периодах моей жизни.

У нас была очень дружная семья. Мама, Алина Станиславовна Казакова, преподавала английский язык. Отец, Василий Николаевич Казаков, был летчиком-испытателем, служил в отряде полярной авиации. После аварии он сменил род деятельности на инженерную работу, а к началу войны стал главным инженером авиационного завода.

Но вернусь к тем довоенным временам, когда еще «ничто не предвещало...» Я прекрасно помню нашу уютную квартиру на Кировском проспекте, где все собирались вечерами за столом под большим оранжевым абажуром, разговаривали, смеялись, вместе читали вслух, родители играли на пианино, учили играть и меня. Иногда приходили гости. Особенно мне нравилось, когда из Москвы приезжали соратники отца, всем известные полярники — «папанинцы» (Ширшов, Федоров, Кренкель и сам Папанин). Какие это были интерес-

Ада с мамой Алиной Станиславовной и папой Василием Николаевичем

ные люди! Замечательно рассказывали об Арктике, о своих исследованиях. Многие играли на разных музыкальных инструментах — мандолине, балалайке, гитаре, пианино. Многие дети, и я в том числе, на различных праздниках читали стихи о белых медведях: «...аппарат стучит, сту-

чит, голос Кренкеля звучит...» Стихи помню, а автора забыла. Да и многие ленинградцы, пережившие блокаду, не очень-то любят вспоминать те дни.

Вспоминаю наш огромный двор, куда утром из всех подъездов выбегали дети. Родители, как правило, присматривали за нами из окон. Все было спокойно, а самая большая беда — разбитая колленка или порванная при падении одежда. На следующем снимке, в 1943 году, некоторые из этих детей, — осиротевшие, живущие в интернате. Но несмотря на эту спокойную, мирную жизнь, вероятно только детям «ничего не предвещало». Хотя и тогда почти все дети играли в войну, до сих пор предвоенный период называют «мирное время». Последние месяцы этого «мирного времени», весну и начало лета 1941 года, моя семья проводила на даче — на берегу Ладожского озера. Там постоянно гостили наши друзья и родственники. Все вместе купались, катались на лодках, рыбачили, совершали «дальние» велосипедные прогулки, пили чай на веранде. Знаменательно, что все это происходило в деревне Лаврово, где уже через год происходили трагические события, известные всем ленинградцам-блокадникам.

Внезапно вся эта безмятежность рухнула, началась война, началась совсем другая жизнь. Маму мобилизовали (военнослужащей она не была) — назначили за-

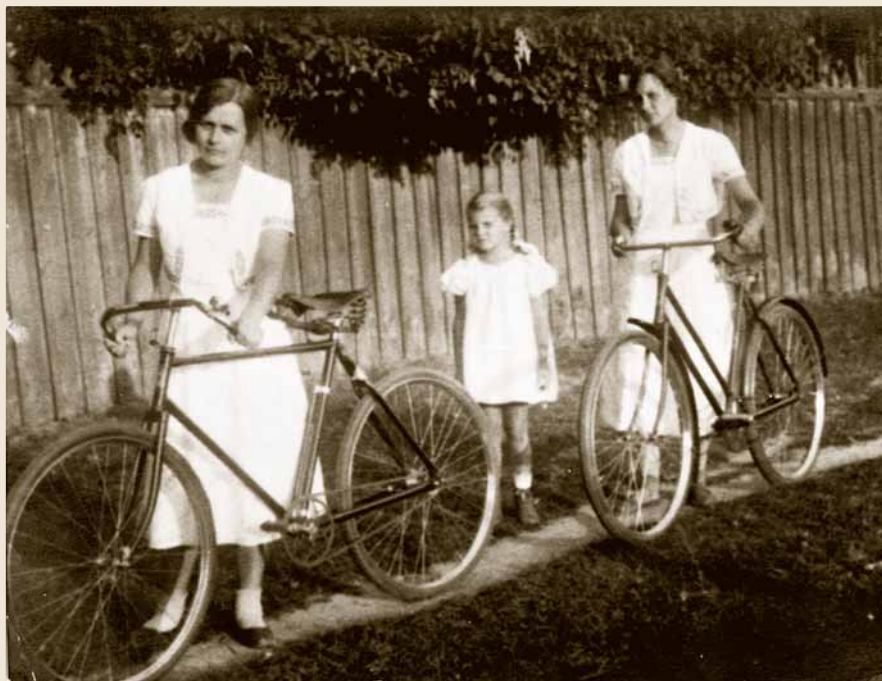

Дети нашего двора, 1939 г.

ведущей детским интернатом и отправили в эвакуацию в деревню Новое Рахино, под Старую Руссу. И опять «ничто не предвещало», что война будет долгой, а фронт стремительно приблизится к нашему, казалось бы, спокойному месту. Уезжали мы в Рахино, как на каникулы, даже без теплых вещей. В первые дни там действительно была безмятежная дачная жизнь: солнце, купанье, земляника по косогорам, парное молоко. Не прошло и месяца, как нам пришлось возвращаться домой.

В дороге нас ожидала первая встреча с войной: наш товарный поезд, везший мирный людей и множество детей, подвергся налету штурмовиков. Не помогли и красные кресты на крыше вагонов. Детей быстро вывели и уложили под вагонами. Дальше был ужас: завывание самолетов, которые кружили над нами, пикировали прямо на нас. Град пуль, крики и стоны, кровь и смерть под ярким солнцем и голубым небом. А я на всю жизнь запомнила запах шпал, на которых мы лежали ничком.

Ада (в центре) с двоюродными сестрами, весна 1941 г.

К счастью, никто из наших интернатских детей не пострадал, домой вернулись все.

Почти сразу после возвращения нашу семью ожидала вторая попытка эвакуации, на этот раз уже с заводом отца, который эвакуировали в Свердловск. Но туда добрался лишь первый эшелон, возглавляемый директором завода. Второй, за который отвечал мой отец, должны были отправить через 4–5 дней. Однако наш поезд, состоявший из теплушки с людьми и оборудованием, застрял на станции «Сортировочная» и после долгого ожидания был возвращен в Ленинград.

Началась блокада.

Много осталось в памяти от тех первых блокадных месяцев: затемненные окна, огромные толстые аэростаты на улицах и в небе, бесконечные налеты фашистских самолетов, которые каждый ребенок мог узнать по звуку,

Осиротевшие дети войны, 1943 г.

отличить от «своих», понять «юнкерс» это или «мессершмидт». Помнятся завывания сирен, радость при отбое воздушной тревоги, голос Левитана, тьма крошечная на улицах, по которым перемещаются светящиеся точки по одежде людей. Помнятся «коптелки», «буржуйки».

Дети оставались детьми, хоть и быстро выросли. Сначала выискивали и собирали осколки, норовили выбежать на улицу во время близкого воздушного боя в надежде увидеть победу «наших» или «нашего» самолета. Дети научились тушить «зажигалки», умудрялись едва ли не первыми взбираться на чердаки и крыши. Искали «ракетчиков». Одного из них, пойманного на нашем чердаке, я запомнила на всю жизнь — и лицо, и даже детали одежды. Но даже в той жизни не все было так мрачно. На всю жизнь я запомнила милиционера, который

во время воздушного боя, происходившего прямо над нами, подбежал к нам, толкнул меня и мою маму в снег и прикрыл своим телом. Что это было: понятие о долге или стремление помочь слабому? Не знаю, но помню его лицо. И многие ленинградцы были слабы телом, но сильны духом, пытаюсь помочь упавшему, поднять его на ноги.

Теперь о моем отце. Ему по должности полагалась машина, чтобы добраться до работы с конца Кировского проспекта до Гренадерского моста. Но машина была одна, а отец считал, что на ней нужно возить самых изнуренных голодом людей, независимо от их служебного положения. Потом, сберегая силы, перешел на казарменное положение, как большинство рабочих жил на заводе. Умер он от голода и открывшихся старых ран, полученных еще в мирное время при аварии самолета. Это случилось 31 января 1942 года, то есть всего через 7 месяцев и 10 дней после начала войны.

Маме моей посчастливилось отпраздновать 35-летний юбилей Победы.

Ефимия Трифоновна САВИЦКАЯ

- *Участник Великой Отечественной войны с июня 1941 по май 1945 года.*
- *Служила в Штабе 20-го участка Выборгского района местной противовоздушной обороны Ленинграда связистом, в звании ефрейтора командовала отделением.*

★ **Награжден:**

- *Орден Отечественной войны*
- *Орден «За заслуги перед родиной»*
- *Медаль «За Победу над Германией»*
- *Медаль «За оборону Ленинграда»*
- *Юбилейные медали (всего 12)*

Когда началась война, мне было 20 лет. Я окончила швейный техникум, но работала в Штабе МПВО 20-го участка Выборгского района кладовщицом. Устроилась туда благодаря Караваеву Алексею Михайловичу — моему зятю, мужу сестры. Не скажу, что жизнь довоенная была легкой и счастливой: полтора года я прожила на Урале. Попала туда ребенком, случайно, когда из Пушгор выселяли мою тетю

*Сима Кудрявцева (Савицкая),
1943 год*

с мужем. В ту злосчастную ночь, под Рождество, когда постучали в дверь, я как раз находилась у них в гостях. Кто есть кто, разбираться сильно не стали, и меня отправили вместе с ними. Произошло все настолько быстро, что моим родителям о том, что случилось, сообщить не успели — телефона же не было. Помню, как затолкали нас в темный пустой вагон. Было невероятно холодно, на полу — ничего, кроме соломы. Тетя меня к себе сильно прижимала, чтоб я не замерзла. В тот момент, когда я спала под стук колес, о моей нелепой ссылке узнали родители. После такого известия мама от потрясения по-

пала в больницу и пролежала там полгода. На Урал за мной решил отправиться папа. Но выехать у него получилось лишь через год с небольшим. Несколько дней ехал он поездом и еще 120 км пешком. Полумертвую привез меня в Ленинград. Без прописки я не могла попасть ни в одну больницу. Вылечить дома своими силами от ревматизма и цинги родные меня не могли. Пришлось пойти на хитрость. Старший брат и сестра отнесли меня в Педиатрический институт и посадили на улице, а сами за кусты спрятались. На крыльцо вышел врач, увидел — ребенок сидит, и приказал положить меня в больницу. Пролежала я там около двух месяцев. Все это время маму не видела, когда она приезжала меня проведать, ее не пускали из-за карантина.

Так я осталась в Ленинграде.

В 6 часов утра 22 июня 1941 года за дядей, у которого я жила, — начальником Штаба противовоздушной обо-

роны 20-го участка приехала машина. Он разбудил меня: «Одевайся. Едем в Штаб. Объявили штабную учебу». В 12 часов дня мы узнали, что началась война. Это было ужасно, было столько слез! Ко мне пришел младший брат (ему было 16) сказать, что добровольцем уходит воевать: «Дай мне ложку, я уйду на фронт». К тому времени работа в нашем Штабе кипела во всю. Я выдавала обмундирование, противогазы, все самое необходимое. Делать это мне пришлось два дня без отдыха — так что, когда все было выдано, я, как сидела, так прямо с ключами в руках и уснула. Больше я домой не вернулась, жила на казарменном положении до 1945 года.

При Штабе сразу же организовали аварийные батальоны из 5—6 отделений — рот. Я попала в роту связи: налаживала связь с вышками, дежурила, с бойцами МПВО участвовала в спасательных работах, контролировала светомаскировку, обезвреживала неразорвавшиеся боеприпасы. Формы специальной у нас не было. Мы в своей одежде ходили до 1943 года, но работали, как военные, имели пропуска. Нам их выписали сразу, чтобы во время обстрелов мы могли проверить маскировку, помочь людям спрятаться в укрытии. Я хорошо знала основы начальной военной подготовки: нас до войны обучали, как надеть противогаз, как действовать при поражении снарядов, многому другому. Только потом я поняла, что готовили к войне.

В октябре 1941-го начался голод. В сентябре сгорели склады. Нам варили чечевицу. Есть ходили в столовую на Карла Маркса. Кушали стоя, потому что все стулья пошли на дрова.

Сейчас, спустя много лет, чаще всего вспоминаю бомбежки и трупы... Бомбежки бывали по 12 раз за ночь. Тогда мы не спали, постоянно выбегали, в чем были. Да и переодеваться было некогда: в чем ходили, в том и спали. При обстрелах, я не бежала в бомбоубежище — не имела права. С девочками из Штаба мы должны были проверять маскировку. Если вдруг где-то видели свет в окне, бежали туда, чтоб выключить. Кричали: «накройтесь», предупреждая о налете. Бывали случаи, когда при осмотре квартир обнаруживали кого-нибудь из бесценных жильцов, которые были не в состоянии до-

браться до укрытия. Мы тогда хватали носилки и переносили людей в бомбоубежища.

А пасмурной погоде и туману радовались. Потому что знали, что из-за плохой видимости самолеты будут летать редко, а значит, и бомбить меньше.

Зима 1941 года была самой страшной. Народ стал умирать. Нас, девчонок, посылали ходить по квартирам, проверять, у кого особенно холодно. Замерзающим мы устанавливали печурки, чтоб люди хоть как-то могли согреться. А я один раз так сложила печь, что дым у меня пошел не в окно, а в комнату. Женщина, умирающая в этой квартире, все говорила: «Согрей меня». Я старалась изо всех сил, но спасти ее не удалось. Сколько слез было! Она умирает, а мы с девчонками кричим, плачем... Но потом к таким вещам стали относиться легче — сердце закаменело...

Два-три раза в неделю мы ходили на Пискаревское кладбище. Там были приготовлены рвы (взрывали их взрывчаткой), в которые мы укладывали трупы. Трупы собирали с улиц города. Из общежития девочек-студенток столько вынесли! Складывали тела в деревянном сарае Штаба

— делали это как придется, лишь бы поместились все. Потом из сарая грузили их в машину-полуторку и вывозили на кладбище. Там три-четыре девочки внизу стояли у машины — «на трупах», и две — сверху подавали. А трупы разные: были и ровно лежащие, и съжившиеся от холода, подобранные на улице, и убитые. Нам надо было уложить их так, чтоб в ров поместилось как можно больше. Сейчас, когда хожу на Пискаревку, я всегда становлюсь на колени у третьей линии, в которую когда-то укладывала погибших ленинградцев, и вспоминаю, как это было...

С нами девочка одна ездила на кладбище, помню, Машей ее звали, белокурая, симпатичная. Встала она как-то утром и говорит: «Не пойду я сегодня на Пискаревку, мне очень плохо». Командир взвоял ей: «Нет, мне некого посылать. Ехать надо обязательно».

Она, как военная, обязана была выполнять приказ командира. Поехала. Внизу принимала трупы. Вдруг как закричит: «Ой, мне плохо, девочки!» Зять мой подбежал к ней, у него было из офицерского запаса несколько мелко наколотых кусочков сахара, которые он всегда давал тем, кто очень плохо себя чувствовал, — только хотел положить ей в рот сахарок, а она уже зубы не разжала. Мы ее закопали там же...

Маша была не единственная, кто на глазах у меня умер.

Помню, обстрел начался. Рядом со Штабом стоял небольшой двухэтажный домик. В него попал снаряд и разорвал водопровод и канализацию. Весь кал и нечистоты полились наружу. Тогда в том доме ночевали две девочки. Они попали в эту жуткую жижу. Мы слышим, они кричат, зовут на помощь. Вонь стоит! Мы к ним, протянули палку, чтоб вытащить из грязи, старались изо всех сил, тянули. Одна ухватилась, а другой никак — скользко... Так она и утонула. Спасти удалось только ее подружку. Спасти — спасли, только надо было еще отмыться, а нечем. Грели снег, чтоб талой водой хоть что-то смыть.

Иногда люди чувствовали приближение смерти. У нас девочка в батальоне была, Валечка. Она говорит мне: «Я умру сегодня или завтра. Отвези меня домой умирать». Я ей: «Нет, Валя. Мне самой не довезти тебя». А она все равно свое: «Я на Черной речке живу. Дом у нас большой.

У меня столько там всего. Ты хоть чего-нибудь себе возьми на память». Я говорю ей: «Мне ничего не надо», а сама, думаю: наш-то дом уже сломан, пошел на дрова. Я все-таки отвезла ее...

Не забуду еще случай. Алексею Михайловичу доложили, что у Финляндского вокзала после обстрела очень много погибших. Значит, надо ехать, убирать трупы. Зять — в машину, я за ним самовольно прыгнула. Он меня не стал высаживать, взял с собой — все-таки своя. Мы приехали туда, а там народу собралось — в основном военные, аварийные отряды — уйма, и столько убитых! Оказывается, недалеко от вокзала в маленьком магазинчике выдавали хлеб. Выстроилась длинная очередь. В это время в небе появился немецкий самолет, который дал такой огонь по очереди, что превратил ее в месиво, кругом валялись куски мяса. Мы собирали их лопатами. Совковые лопаты собирали людей! Я видела, что у шофера обстрелянной машины верхняя часть головы была снята полностью.

После этого я три дня голодала — не могла есть.

А как хотелось есть! Хлебу как радовались! О другой пище и не мечтали. Но однажды мне удалось поесть сыр.

Как-то раз начальник отправил меня на Петроград-

скую сторону за маленьким пакетом на базу, говорит: «Вытащи из противогаза коробку и в нее положишь пакет». Я сделала все, как сказали. Иду по Сампсониевскому мосту, и такой начался обстрел! Пули так и стучали! Я в шинели, наклонилась, голову руками прикрыла, думаю, будь что будет. А милиционер, оказавшийся рядом, все шутил: «А не боишься, что туда попадет?», показывая на зад. Дошла я все-таки до базы, получила пакет, маленький такой, круглый, спрятала его. Иду назад, холод лютый, так есть хочется! Думаю, что в нем завернуто? Не удержалась, развернула, а там... маленький кусочек мороженого сыра. «Сыр!» — думаю. Я не удержалась и объела его по кругу. Прихожу к начальнику, вытянулась в струнку. Он меня спрашивает: «Ну что, принесла?» Отвечаю: «Боюсь давать». Он взял, посмотрел, ругаться не стал, лишь сказал: «Ну, ела бы только с одной стороны, зачем по кругу?» Обрезал края и отдал их мне, я съела, прибежала в роту: «Девчонки, ура, я сыр ела!» — не могла скрыть своей радости. Но кто дал, конечно же, не сказала, чтоб не бросить тень на начальника.

Маме моей, которая жила во время войны под Псковом, тоже пришлось туго. Немцы расположились у них в деревне. Одна из селянок об этом решила сообщить

партизанам. Немцы видели, как она, в красном платке, побежала в лес, всё поняли, приготовились к бою.

Через несколько дней, чтоб выяснить, кто из женщин связан с партизанами, вывели всех на площадь. Моя мама как раз надела на голову красный платок... Фашисты не стали разбираться — она бегала в лес или нет, вывели ее из строя и хотели расстрелять. Сделать это должен был финн, служивший в немецких войсках. Это и спасло маму от смерти. С ней по соседству жила финка, которая точно знала, что мама с партизанами никак не связана. Она бросилась на колени перед солдатом и стала на финском умолять не стрелять. В маму все-таки стреляли, но мимо.

А как мы ждали Победу! Нам так надоела война! Так хотелось мирной жизни, что я один раз уговорила подруг по грибы уйти. Было это в 1944 году. Компанией отправились с утра пораньше, пока командование спало, в сторону Всеволожска, пешком. Грибов не собрали, зато арест заработали. Такой нагоняй нам устроили! Мы же военные, не имели права покидать часть. Мы знали, что нас накажут, но не выдержали — так есть хотелось. Нам потом 10 дней гауптвахты дали. Сидели всей компанией, вчетвером, как ходили.

Во время войны мы всегда следили за информацией, внимательно слушали, что говорят по радио и все ждали, когда же объявят о Победе. И дождались. 9 мая, когда узнали, что война закончилась, все на улицу выбежали. Помню, как обросший танкист соскочил с танка, схватил меня на руки и качал. Столько было радости! Чего мы только ни делали, чтоб скорей пришла Победа!

Подготовила С. Титова

Нина Павловна САЗЫКИНА

Воспоминания о блокаде

Я родилась 14 апреля 1936 года в Ленинграде. Всю блокаду и вообще всю жизнь прожила в Ленинграде, жили мы на Васильевском острове на углу 8-й линии и набережной лейтенанта Шмидта.

Воспоминания у меня о блокаде, конечно, отрывочные. Папу на фронт не отпустили. У него как у специалиста была «бронь». Работал он на заводе им. Кулакова или им. Климова. Сейчас уже не у кого переспросить. Мама работала на «Красногвардейце», а в 1942 году перешла на завод № 224 на 17-й линии, куда в 1955 году после техникума перешла работать и я.

Помню, как я всё приставала к маме: «Куда делся шоколад, ведь его было так много?» Потому что перед войной я очень много болела и плохо ела. Меня даже звали «макарониной» и «спичкой». В самом начале блокады я вспомнила про шоколад, но увы...

Ещё очень чётко помню, как однажды возвращалась из садика и несла кусочек хлеба (нам давали на ужин). Дома мамы не оказалось, и я пошла её искать. А хлеб держала под мышкой. Вдруг руку мою приподнимают и берут хлеб. Я только сказала: «Мама?» Это оказался какой-то дяденька. За ним побежала наша дворничиха и ещё кто-то. А я стояла и редела. Когда его догнали, он давился этим куском.

Ещё помню, как чуть не сгорела у буржуйки. Я стояла спиной, и на мне загорелось платье. Счастье, что мама была дома. Вообще-то она работала сутками (завод был военный). Дома я была одна в коммунальной квартире. Потом стали работать детские сады. Я

и 2 мои подружки бегали в садик. Сейчас там какое-то учреждение. Как сейчас помню, когда мы пели: «Пусть ярость благородная вскипает как волна...» я не могла понять фразу «вскипает как волна», и поэтому всегда замолкала на этом месте. Ещё помню, как мы ходили в госпиталь, где читали стихи и пели песни. Бойцы нас угощали, кто чем мог.

Из садика нас отпускали, только когда заканчивалась воздушная тревога. Мы втроём неслись как можно быстрее.

Однажды, когда я осталась дома одна, пришли какие-то люди и заделали кирпичами окна. Они объяснили это тем, что готовятся к уличным боям. Но мама потом всё разобрала и больше к нам никто не приходил.

В апреле 1942 года для меня случилось самое страшное. Открылась баня на 9-й линии. К этому времени у нас уже появились соседи, и сосед позвал моего папу в баню. Возвращаясь домой, папа упал и повредил желчный пузырь. Домой он пришёл весь жёлтый. На 3-й день, когда я сидела у его кровати, он умер. Мы его долго не хоронили. Мама мне потом объяснила: всё дело было в его рабочей карточке. И вот больше половины месяца он лежал на столе, где мы и ели. Этот стол до сих пор стоит в моей квартире. Потом на саночках мы отвезли его на 10-ю линию, на бывший дровяной склад. Нам сказали, что эту партию будут хоронить на Пискаревском клад-

бище. Так и оказалось. Потом, уже в 1999 году, мне выдали памятную открытку, где указано, что папа захоронён в братской могиле № 12. Даже в то тяжёлое время был порядок.

Ещё помню, как мы ходили на спуску у моста лейтенанта Шмидта за водой. И однажды мы с мамой одновременно с каким-то морячком увидели противогазную сумку. А там оказалась буханка хлеба. Мы поделили её пополам. Вот получился праздник!

Иногда мама брала меня на завод. Я любила играть в месте, куда выносили стружку и бракованные детали. Могла находиться там часами.

В 1943 году я попала в больницу с цингой. Могла остаться вообще без зубов, но мне повезло. Обошлось. Осталось одно неприятное воспоминание: нам давали рыбий жир, а я его терпеть не могла и старалась незаметно выплюнуть.

Воспоминаний, конечно, много больше. Но всего не опишешь. В 1944 году я пошла в школу № 27 на 9-й линии, которая не закрывалась всю войну. И ещё я помню, как мама говорила, что я помогла ей пережить это тяжёлое время.

**Рита
Алексеевна
СОКОЛОВА**

**Борис
Александрович
СОКОЛОВ**

Что я помню о блокадных днях? Ничего! Мне было всего 2 года и 5 месяцев на начало войны, а вот о своих воспоминаниях мне рассказывала мама и то немного: почему-то не принято было рас-

сказывать об этом.

Многие тысячи, что не ушли на фронт и были способны работать физически, были отправлены на рытьё противотанковых рвов и окопов под Лугу. Там она жила до начала осени, когда возвращали матерей, у которых были маленькие дети.

Потом работала в отрядах народной дружины. Во время налётов дежурили на крышах, тушили зажигательные бомбы, провожали жильцов в бомбоубежища, помогали нести узлы детей, проверяли светомаскировку.

Но мама знала, что война будет недолгой, всё ждала конца её, но пришла осень тяжёлая, а зима ещё тяжелей. Что было из запасов — съели. Когда горели Бадаевские склады, ездили, собирали, что можно было найти из обгоревших продуктов, даже землю брали, где горел сахар.

Бабушка ходила на рынок, меняла вещи на продукты. Она тоже работала — вязала и шила рукавицы для красноармейцев.

Мы жили на Большой Охте, на Мироновой улице. Воды не было, водопровод не работал — ходили за водой на Неву, благо было не так далеко. Дров не было. Топили, чем придётся, что находили на улицах, сжигали всю мебель, дошли до книг.

В наш дом угодил снаряд, и часть угла разбомбило в нашей комнате — перешли жить на кухню. Нас малышей в квартире было трое. Нас усаживали на тёплую плиту, мы были опухшие от голода, но кушать не просили, не плакали, а сидели тихо, как маленькие старички.

21.02.42 г. — умер дедушка, он не ел ничего, говорил, что ему не хочется, оставлял нам, а 23.02.42 г. — умер другой дед — мама обоих свезла на Большеохтинское кладбище.

Когда наступила весна, стало легче, так как появилась трава — лебеда, крапива. Если доставали жмых — то считалось, что праздник в доме. А так варили кожу, дуранды, клейстер и тоже был праздник.

Летом собирали почки и листья молодые с деревьев, елочную хвою заваривали и пили, как витаминный напиток.

Весной все здоровые люди выходили убирать город, отыскивали «подснежники», то есть замёрзших на улице, и свозили в места сбора умерших. Мама говорила, что было не страшно, привыкли за зиму, их просто обходили, помочь у самих не было сил.

На вторую зиму уже, как могли, приготовились — насушили крапивы, лебеды, потом к ним добавляли муку и пекли наивкуснейшие лепешки.

Так и жили, а вообще мама не любила много рассказывать, начинала плакать и уходила в себя.

Нам читали книжки, а кто был постарше — учил самих читать и писать буквы, считать.

Соколов Борис Александрович — муж Риты Алексеевны.

Пишу от имени Б. А Соколова.

Они жили на Малой Охте. Их дом стоял рядом с церковью. Ему было 5 лет 4 месяца. Его отец был призван в армию в первые дни войны и погиб в сентябре

1941 года. Мама работала на заводе «Северный пресс» — там делали снаряды. Он оставался дома один, испытал тоже самое, что и все. Он рано понял, что за отца остался и должен помогать, и когда мать придет с работы, нужно и воды принести (Нева тоже относительно близко), и дров раздобыть, и картошечки отварить. Мама приходила, немного отдыхала, делала какие-то домашние дела и опять на 2—3 дня на завод. Сам научился читать, был усидчивый. Так и жили, работали, помогали и ждали конца войны.

Архив РИА Новости. #633054
Фото: Всеволод Тарасевич | 21.12.1943

*Начало наступления на
Ленинградском фронте.
1943 год.*

Федор Кузьмич СТЕПАНОВ

Федор Кузьмич родился 12 июня 1925 года в деревне Торбино Любытинского района бывшей Ленинградской области, а сейчас — Новгородская область. Там же закончил семилетку. Среднее образование получил в городе Ленинграде.

С началом Великой Отечественной войны, когда ему исполнилось 16 лет, работал на оборонных работах весь 1942 год. В январе 1943 года был призван в ряды Советской Армии. Боевое крещение получил 10 января 1943 года под Тихвином, пункт назначения был в Волховстрое-2.

В 1943 году был зачислен в Волховстрое в 389 стрелковый полк. В конце марта 1943 года был переброшен в составе пополнения на Малую землю. Пешком шли двое суток — один сухарик на двоих.

На передовой был назначен стрелком 48 стрелкового полка. В сентябре 1943 года снова был направлен в 389 полк в Ленинград в Новочеркасские казармы. Через некоторое время был направлен в 351-й зенитно-артиллерийский полк 42-й дивизии 16-го корпуса. Там служил на должности разведчика. Последний самолет был сбит по тревоге, которую я поднял на батарее. За это был поощрен командованием путевкой в дом отдыха на две недели.

В последующем наша зенитная батарея была переброшена под Колтуши, где и находилась до конца войны.

Очень хочется вспомнить о фронтовой дружбе. Ведь боевые друзья, как родные люди, — это командир разведывательной группы Сабаев Федор Иванович, старший лейтенант Ляшенко, командир батареи Зуй Василий Емельянович.

В 1945 году был зачислен первым номером на орудие, из которого и давал салют. Кроме того, участвовал в выполнении боевых стрельб на Ладожском озере.

В 1946 году был откомандирован в 351-й штаб полка на должность химмастера. Впоследствии назначен исполнять обязанности начальника химической службы полка. В этом полку служил до 1950 года. Отсюда и демобилизовался на гражданку.

С 1950 года работал, начиная с ученика до начальника участка, на заводе «Красная Заря». С разделением завода перешел на завод «Северная Звезда», где и работал до пенсии слесарем механосборочных работ.

В 60-е годы были организованы встречи с однополчанами. Тогда нас собиралось около 2 тысяч человек. К сожалению, сейчас осталось совсем мало — 12 человек.

Награжден орденами Отечественной войны I-й степени, Трудового Красного Знамени; медалями: «За оборону Ленинграда», «За Победу над Германией» и многими другими.

Ветеран проживает на территории муниципального образования Финляндский округ на проспекте Металлистов в доме 114.

Юрий Леонидович ТАРАСОВ

Родился 15 августа 1921 года в Ленинграде, где и закончил 10 классов. В 1939 году Юрий Леонидович был призван в армию, а с началом советско-финской войны попадает на фронт. В 1940 году Ю.Л. Тарасов поступает в Ленинградский кораблестроительный институт. Но с началом Великой Отечественной войны снова уходит на фронт. Военная служба началась под Ленинградом. В 1942 году лежал в госпитале по ранению. До сих пор напоминанием об этом является осколок, который находится в кисти правой руки.

Вот один из эпизодов фронтовой жизни Юрия Леонидовича, который поведал его однополчанин А.В. Зувев.

Фронтовой эпизод

Зима 1944 года для воинов Волховского фронта было особо знаменательной. Настало время не оборонительных, а наступательных боев против немцев, время

полного снятия блокады Ленинграда. Первым успехом было освобождение Новгорода, за что приказом Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина, в числе других частей, нашему 797-му отдельному разведывательному артиллерийскому дивизиону присвоено звание «Новгородский».

Несмотря на сложности боев в зимних условиях и преодоление нескольких линий обороны немцев, движение на запад нарастало, позади остались Медведь, Сольцы, города Порхов, Остров. К марту вышли к реке Великой, к городу Пскову. Настроение у солдат было хорошее. С радостью советские войска встречали население новгородчины и Псковщины, а мы, освободители, с горечью смотрели на разрушенные города, села и деревни.

Но под Псковом сопротивление врага усилилось, чему способствовали укрепления в самом городе и на берегу реки Великой. Началась тщательная разведка расположения артиллерии противника и подготовка к продолжению наступления. Шли серые мартовские дни. От теплой погоды снег осел, появились проталины, а вместе с ними и первая весенняя слякоть, бездорожье.

В один из дней топографическая батарея получила срочное задание о привязке наших наблюдательных пунктов на переднем крае. Для ускорения работы выехало сразу два отделения с соответствующим набором приборов во главе с командиром батареи капитаном М. И. Стрельниковым. Опорные топографические точки врагом были разрушены и пришлось вести более длинный теодолитный ход, чем обычно.

До села Рогово на полutorке доехали без приключений. Село, а точнее то, что осталось после сожжения немцами, находилось на возвышении. Машину оставили за холмом, так как до противника оставалось километра полтора совершенно открытой местности, и спустились в низину. Там-то и предстояло работать, фактически на виду у врага.

Настроение было тревожное. Слишком нахально являться перед взорами немцев, но другого способа выполнить задание не существовало. Поэтому работали споро по заранее разработанной схеме.

*Лучшее отделение гв. старшины Тарасова в День артиллерии
19.11.1944 года*

Прошли более половины пути и тут начались! Первые разрывы мин оказались почти рядом, но не столь опасны. Мы торопились, быстро перемещаясь по местности, нервно прислушиваясь к вою мин.

Затем немцы открыли залповый огонь и отделения очутились в гуще разрывов. Лейтенант А. М. Севрук приказал немедленно сворачиваться и уходить в укрытие. А укрытием были старые и мелкие окопы, капониры и воронки, оставшиеся от прежних боев. К тому же осколками мин была повреждена тренога теодолита и разорвана металлическая мерная лента. Немцы, как бы издеваясь, начали палить в нас болванками, которые при столкновении с землей, как лягушки отскакивали в сторону и полет их был непредсказуем. Мы разбежались в разные стороны, то падая, то стремительно вскакивая для очередного броска. Я вдруг услышал характерный вой мины и понял, что она меня не минует, распластался на мокром снегу. Последовал шлепок чуть впереди и я буквально опешил, увидев торчащий из земли хвост мины, которая к моему счастью не разорвалась. Не ожидая

развязки, до окопа бежал уже не пригибаясь и не обращая внимания на разрывы. В окопе стали выискивать остальных. Двое оказались сравнительно недалеко и в тот момент мина разорвалась рядом с ними на бруствере. Подумали, что им конец, но они еще шевелились. И тут командир отделения старший сержант Ю.Л. Тарасов вскочил и прямо под огнем бросился к попавшим в беду солдатам. Зрелище было не для слабонервных. Убедившись, что они живы, он обоих поднял, они повисли у него на плечах и так он довел их до нашего укрытия. Они были тяжело контужены, взрывной волной с их голов было содрано часть волос. На них страшно было смотреть: глаза, ненормально выпучены, ничего сказать не могут, только мычат.

Командир отделения действовал, как в старину говорилось: «не щадя живота своего». Художники-баталисты иногда изображают, как спасают в бою раненых, а здесь происходило все в жесткой реальности. И самое главное, никто не дрогнул, четко выполняли команды. Видно воинский долг был превыше всего, а еще понимание, что без наших данных не могут работать разведчики-наблюдатели непосредственно на переднем крае. Юра Тарасов своим смелым поступком вывел из зоны обстрела рядовых Фраинта и Халикова, которые позже благополучно вернулись в строй. Вроде и рядовой военный эпизод, но говорит о многом, ибо смелость и взаимовыручка приближали Победу.

Задание было выполнено, правда пришлось ждать сумерек. И немец нас больше не тревожил, видно не замечал на фоне холмистой гряды.

А.В. Зув

С отцом в 16 лет. 1950 г.

Евгения Петровна ТКАЧЕНКО

- *Родилась в 1934 году. Житель блокадного Ленинграда.*

В 1941 году мне исполнилось 7 лет, и я должна была идти в первый класс.

9 июня 1941 года родители отправили меня с бабушкой отдыхать в г. Сочи. И вот 22 июня 1941 года в парке Ривьера я услышала из репродуктора голос Молотова, объявляющего о начале Великой Отечественной войны. В течение 10 дней бабушка пыталась достать билеты на поезд в Ленинград. Мы отдыхали «дикарями», а отправляли, в первую очередь, отдыхающих из санаториев. Вместо 3 дней из Сочи в Ленинград мы ехали неделю с тремя пересадками и даже в товарном вагоне. Первые дни голода я испытала ещё в дороге, так как купить или достать продукты питания было уже невозможно. Под первую бомбёжку мы попали в этой же поездке под Вязьмой. Бомбили железнодорожную станцию, в том числе и наш состав. Взрослые говорили о том, что видели, как из-под вагонов вылетали сигнальные ракеты. В первых двух товарных вагонах было особенно много раненных осколками бомб.

1 сентября я пошла в первый класс. Как только мы сели за парты, прозвучал сигнал воздушной тревоги. Вместо уроков нас, детей, отвели в бомбоубежище, где мы и просидели первый учебный день. На этом закончился мой первый учебный год.

Мне 5 лет. 1939 г.

8 сентября 1941 года началась блокада Ленинграда. С 8 сентября по 4 декабря я с бабушкой больше времени проводила в бомбоубежище, чем в квартире. Когда мы были вынуждены оставаться в бомбоубежище на ночь, вечером нам часто показывали фильм «Антон Иванович сердится». Чем мы питались в это время — я не помню. Помню, что каждый день я с бабушкой ходила на Неву за водой. Рано утром бабушка протапливала плиту и кипятила воду. Вечером, если не приходилось спускаться в бомбоубежище, мы сидели вместе на остывающую плиту, а бабушка рассказывала мне сказки.

Маму я видела очень мало — она много работала. Так как мой отец, Фёдоров Пётр Алексеевич, ещё до войны был заместителем начальника станции «Ленинград—Финляндский», на фронт его не пустили. Его место работы считалось «оборонным объектом», что и подтвердилось во время войны. Дома его я совсем не видела: он уходил, когда я ещё спала, а возвращался, когда я уже спала.

4 декабря 1941 года в нашей семье случилось несчастье — был тяжело ранен отец. Вот как описан этот эпизод, произошедший на Финляндском вокзале, в книге «Октябрьская фронтовая». Эта книга подготовлена по воспоминаниям железнодорожников о работе Октябрьской магистрали в годы Великой Отечественной войны.

«...Разбитый бомбой навес главной платформы Финляндского вокзала торчит над головами тысяч людей, сгрудившихся в ожидании поезда. Всюду — тюки и вещи эвакуируемых. Трамвай не ходил, поэтому люди пешком тащились сюда через весь город, на детских саночках везли багаж и ослабевших от голода близких.

Посадкой руководили начальник станции Николай Петрович Солдатов и его заместитель Пётр Алексеевич Фёдоров. Работники дежурной смены чем могли, тем и помогали людям: едва держась на ногах от недоедания, они перетаскивали тюки, подсаживали больных.

В один из дней во время посадки начался артобстрел. Надо было соединить два состава, но в этот момент осколок снаряда сразил составителя. На его место кинулся П.А. Фёдоров: «Скорее, скорее сцепить состав!» Новый разрыв снаряда отбросил Фёдорова П.А. в сторону. Жгучая боль пронзила тело: правая рука оказалась зажатой между буферами. «Как же состав? Сцепить некому!» — промелькнуло в голове. Напрягая последние силы и преодолевая страшную боль, П.А. Фёдоров левой рукой накиннул тяжку на крюк и уже без памяти повис между вагонами на буферах.

Очнулся он на платформе и сразу же спросил у окружающих его железнодорожников: «Ушёл поезд?..»»

Первый период эвакуации населения продолжался до ноября 1942 года. За это время со станций Ленинградского узла, главным образом с Финляндского вокзала, было вывезено 1 568 260 ленинградцев.

За это папа впоследствии был награждён орденом Ленина и ему присвоили звание «Почётный железнодорожник». Начальник дороги наградил его именными золотыми часами.

Тогда его жизнь висела на волоске! Он перенёс две операции и остался без правой руки по локоть. Но главное, жив! Из госпиталя отец вышел в начале февраля 1942 года — и сразу на работу с открытой раной на культе. Рука зажила у него только к лету 1942 года. Бабушкина невестка, которая работала в госпитале, достала флакончик ревонала. Для того времени оно было чудо-лекарство. Мама сама делала отцу пе-

Мой отец — Федоров Петр Алексеевич, 1973 г.

ревязки. Наверное, если бы мама вместе со мной эвакуировалась летом 1941 года, отец не выжил бы!

Я помню, что в январе 1942 года много дней мы голодали. Кроме кипятка и хлеба, который выдавали по карточкам, в доме ничего не было. Сводки с фронта приходили тяжёлые, наши войска везде отступали. Включив утром репродуктор, большую черную тарелку, мы радовались, услышав русскую речь: значит город Ленинград не сдан!

В начале февраля 1942 года железнодорожникам учредили паек: ежедневное трёхразовое питание в бывшем ресторане станции. Утром и вечером чаще всего давали омлет, наверное из яичного порошка. В обед давали жидкий суп и какую-нибудь кашу-размазню со стаканом киселя или компота. Всё это было по-царски! После долгих споров и уговоров со стороны мамы, отец согласился съедать в столовой завтрак и ужин (хотя часто на кусочке хлеба приносил мне омлет). Обед забирать домой ходила я. Здесь меня знали, а женщина-повар частенько меня подкармливала. Этот обед, то есть суп и кашу, смешивали, разбавляли водой и делали четыре порции. Весной в этот «суп» бабушка обильно нарезала лебеду, которую я с ней собирала на газонах.

Вражеские налеты и бомбардировки стали привычными. Рядом с любящими родителями и бабушкой я в эти чёрные для Родины дни не чувствовала себя несчастной. В эвакуацию мама выехала со мной в августе 1942 года. Она чувствовала, что все истощены, и если мы останемся, то семья не выживет.

Владимир Иванович ФАДЕЕВ

Фадеев Владимир Иванович родился 24 апреля 1925 года в Горьковской области в семье служащих. В первый класс средней школы пошел в восемь лет, как и все в то время. В марте 1942 года, когда Владимир учился в 9-м классе, его однажды вызвал директор школы и предложил перейти учиться в другую школу — школу ФЗО (фабрично-заводского обучения). Шла Великая Отечественная война, страна очень нуждалась в рабочих руках, так что без колебаний было принято решение получать рабочую специальность. Уже через пару месяцев токарь Фадеев В. И. был направлен на авиационный завод № 35 г. Куйбышева (сейчас г. Самара), который выпускал винты для самолетов-штурмовиков «Ил-2».

Во время войны на заводе, независимо от возраста, все работали по 12 часов. Ко всему прочему у Владимира Ивановича еще и на дорогу уходило 4 часа. Один раз в неделю, во время пересменки, рабочий день длился все 24 часа. И так на протяжении двух с половиной лет.

В августе 1943 года за самоотверженный труд он был награжден медалью «За трудовое отличие», но передовой рабочий еще не был комсомольцем, а награждать медалями не членов комсомола было не принято. По-

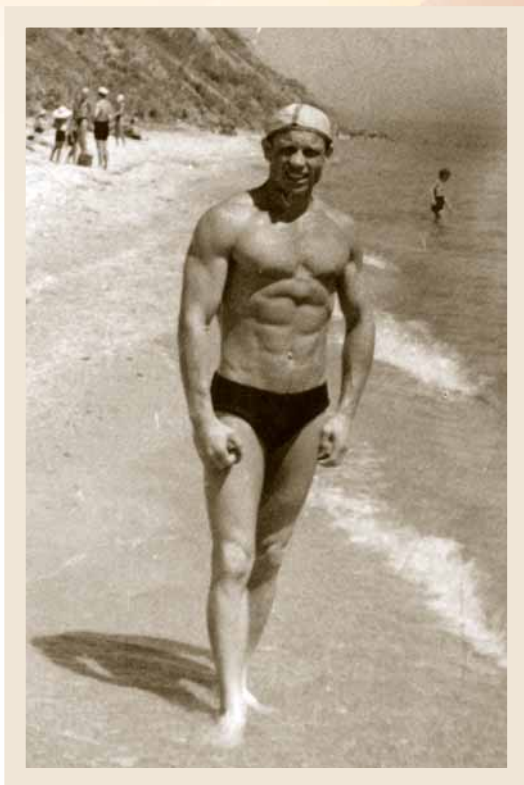

этому председатель комсомольской организации завода быстро, без испытательного срока, всего за неделю оформил все документы, и уже награжденный правительственной наградой токарь Фадеев стал комсомольцем.

Трудясь на заводе, Фадеев В. И. не имел права быть призванным на фронт, так как страна нуждалась в рабочих руках, и поэтому на рабочих заводах накладывалась «бронь» от призыва. Но огромное желание последовать примеру отца, командира отдельного батальона связи при штабе 4-го Украинского фронта, находившегося на передовой, было сильнее всего на свете. В сентябре 1944 года по дороге на работу Фадеев был остановлен милицейским патрулем для проверки документов, но их не оказалось, так как месяц назад они у него были украдены. О том, что он работает на заводе — не признался, поэтому юношу призывного возраста без документов отправили на пересыльный пункт. До выяснения всех обстоятельств была возможность остаться на заводе, но Фадеев отказался и был отправлен на фронт.

С завода представители руководства периодически приходили к маме Владимира Ивановича с вопросами о местонахождении сына. Она показывала письма с фронта, но ей не верили. Уже после войны пришло письмо от командира части, где служил сын, а в нем грамота красноармейцу Фадееву В. И. от Верховного Главнокомандующего с благодарностями, как участнику девяти боевых операций. Только после этого маму оставили в покое.

А службу в Красной Армии Владимир Иванович начал рядовым в Гороховецких лагерях в 10-м артиллерийском корпусе прорыва РГК. Там же окончил курсы артиллерийских мастеров и в должности артиллерийского мастера батареи 76-мм орудий попал на фронт. Воевать начал с 12 января 1945 года. Часть, в которой служил красноармеец Фадеев В. И., участвовала в прорыве обороны немцев западнее Сандомира; в очищении от противника Добровского промышленного района и южной части промышленного района немецкой Верхней Силезии; в форсировании реки Одер; в прорыве обороны и разгроме войск противника юго-западнее города Оппельн, а также в боях за Берлин, овладении городами Бреслау и Дрезден, и в освобождении Праги.

Войну Владимир Иванович закончил 10 мая 1945 года в Праге, где попал в госпиталь. После выздоровления был направлен в отдельный батальон охраны штаба

Центральной группы войск, который располагался в городе Баден, южнее Вены.

В Баденском гарнизоне был прекрасный спортивный зал, где В. И. Фадеев начал заниматься гимнастикой под руководством тренера из Москвы Вадима Попова. Потом Фадеев станет мастером спорта СССР по спортивной гимнастике, шестикратным чемпионом Ленинградского военного округа, участником 1-й Спартакиады народов СССР 1956 года в составе сборной команды Ленинграда по гимнастике.

Но сначала в 1947 году на первенстве Центральной группы войск (ЦГВ) выполнил 3-й спортивный разряд, а уже через год, став серебряным призером ЦГВ, был направлен на учебу в школу тренеров в городе Ленинграде. После ее окончания в 1950 году поступил в Военный институт физической культуры. Перед выпуском Владимир Иванович стал абсолютным чемпионом института по спортивной гимнастике, мастером спорта СССР.

В ту пору в спортивном мире начал развиваться новый вид легкой атлетики – прыжки с шестом, который требовал от спортсменов как спринтерских качеств, так и гимнастической подготовки. Владимир Иванович очень хорошо бежал короткие дистанции и идеально подходил для прыжков с шестом, тем более что были заманчивые предло-

жения от тренеров-легкоатлетов. Но «первую любовь» — спортивную гимнастику он бросить не смог. Возможно, «королева спорта» и потеряла выдающегося прыгуна с шестом, но спортивная гимнастика точно приобрела отличного мастера. Очень разносторонним атлетом был Владимир Иванович. В его спортивной карьере есть успешные выступления на соревнованиях различного ранга по прыжкам в воду, легкой атлетике, офицерскому многоборью, стрельбе. Когда в 1953 году искали выпускника ВИФКа на должность преподавателя кафедры физической подготовки и спорта Военной артиллерийской академии (ВАА), то лучшей кандидатуры на всем выпускном курсе просто не было.

С 1953 по 1957 гг. Владимир Иванович — преподаватель ВАА, с 1957 по 1964 гг. — преподаватель ЛАУ, с 1969 по 1975 гг. — старший преподаватель ВАА. Уволившись из Вооруженных Сил в 1975 году, он остается преподавателем кафедры физической подготовки и спорта и работает в этой должности до 1993 года. С 1993 года по август 2005 года наш уважаемый ветеран заведует спортивной базой своей любимой кафедры. А с сентября 2005 года по декабрь 2009 года — снова на должности старшего преподавателя МВАА, ведущего дисциплину на специальном факультете. С декабря 2009 года по настоящее время начальник тира.

За свою продолжительную трудовую педагогическую деятельность наш юбиляр подготовил сотни физически крепких офицеров-артиллеристов, десятки высококлассных спортсменов, в том числе и мастеров спорта, передавал и передает свой богатый педагогический опыт молодым преподавателям кафедры.

Владимир Иванович в свои 85 лет стал живой легендой академической спортивной жизни. Если вы побываете в спортивном зале, то обязательно увидите его при деле: например, проводящем или оказывающем помощь в проведении учебных занятия по физической подготовке; ремонтирующем тренажер; обеспечивающем проведение соревнований по волейболу, шахматам, настольному теннису; дающем старт в беге на 100 метров или передающем свой огромный методический опыт молодым преподавателям кафедры.

Он и по сей день является примером для молодых: как человек, ведущий здоровый образ жизни, как человек, сохранивший завидную бодрость и силу, как человек, готовый в любое время помочь советом и делом преподавателям кафедры, слушателям и курсантам.

*Вилхо Эдвардович
Фриборг, 20 июля
1949 г., дер. Новины*

Вилхо Эдвардович ФРИБОРГ

«Бывает и так»

*(на основе детских воспоминаний о блокаде
и войне 1941–1945 годов)*

Я родился в феврале 1928 года и жил с моими родителями в большой коммунальной квартире в доме на набережной Макарова Васильевского острова. В XIX веке на этом месте была акватория Невы с береговой отмелью. Путем постепенной насыпки грунта она была выровнена, и к началу 1840 года на насыпном берегу распланировали участок, положивший начало нечетной стороне Малого проспекта. В 1912–1913 годах был возведен огромный шестиэтажный дом с четырьмя каноническими башенками на крыше, который выходил своими четырьмя сторонами соответственно на набережную, Малый проспект, 2-ю линию и так называемую Стрелку.

В нашей квартире на 6-м этаже проживало пять семей. В марте 1930 года у нас поселились супруги Ведерниковы. Они заняли две большие комнаты с окнами, выходящими на Малую Неву. Муж Александр Семенович — работал учителем рисования и черчения в общеобразова-

*Надежда Павловна и Вилхо,
1940 г.*

тельной школе, жена Надежда Павловна — была учителем начальных классов. В 1932 году Ведерников стал членом ленинградского отделения Союза советских художников и стал преподавателем архитектурного факультета Академии художеств на кафедре рисунка и живописи.

Своих детей у них не было, и я, едва достигнув трех лет, стал их частым и желанным гостем.

Постоянно я стал жить в семье Ведерниковых с девятилетнего возраста, лишившись обоих родителей в 1937 году, что в те времена было довольно частым явлением. Официальную опеку надо мной оформила

Надежда Павловна. Это была ее сугубо личная инициатива. И все последующие годы войны и блокады Ленинграда я провел в их семье, деля с ними все радости и горести. Поэтому немного хочу рассказать о супругах.

Оба они волжане. Александр Семенович родился в 1898 году в Городце на Волге, в 50 км от Нижнего Новгорода. Отец мечтал приобщить сына к торговле, однако тот с раннего детства смотрел на окружающий мир глазами будущего художника. Рисовать и писать красками он начал очень рано. В 1924 году становится студентом Ленинградской Академии художеств.

Надежда Павловна была старше мужа на 8 лет, родилась она в Нижнем Новгороде. В 1920 году, уже в Ленинграде, работала директором школы трудновоспитуемых подростков — характера у нее было не занимать, затем долгое время служила завучем средней школы. Фанатично преданная школе, являлась настоящим патриотом страны, в которой жила.

В 1939 году на учебу в институт приехал родной племянник Надежды Павловны Толя Леонтьев, а в 1940 году с

той же целью племянник Александра Семеновича Шура Ганин.

Образовалась настоящая молодежная секция. Однако нормальная жизнь была нарушена начавшейся войной с Германией.

В первые же дни войны Шура Ганин ушел добровольцем в народное ополчение, успев закончить первый курс геологоразведочного факультета Горного института. Ему не исполнилось еще и 18 лет. Из 1418 дней войны он отвоевал 1145 дней, в том числе почти все 900 дней блокады Ленинграда. Был трижды ранен, дважды контужен, правая нога искалечена. В августе 1944 года был комиссован и отправлен на малую родину в Городец к матери Татьяне Семеновне.

Его рассказы о военных буднях мне удалось опубликовать в газете «Финляндский округ» в марте 2010 года к 65-летию Победы. Именно из них наглядно было видно, что Ленинград поистине являлся городом-фронтом. Окопы сменялись госпиталями, разброшенными по всему городу. Они находились в школах, институтах, университете, районных дворцах культуры и даже в Пушкинском Доме на Васильевском острове.

Толя Леонтьев, имея бронь по зрению, остался в городе с нами.

По-моему, в июле месяце было принято решение вывезти из Ленинграда учащихся начальных классов школы.

Я с Надеждой Павловной и учениками оказался в большом селе под городом Валдаем. Были там недолго, и всех вернули в Ленинград. На станции Чудова эшелон обстреляли пулеметным огнем немецкие самолеты, прошедшие на бреющем полете над вагонами, а школьники как горох «посыпались» с верхних полок и попрятались под нижними. Так бесславно закончилась наша первая эвакуация.

Ведерников Александр Семенович, конец 20-х гг.

Александр Семенович Ведерников, Надежда Павловна и их воспитанник Виля

Летом же 1941 года Ведерникова с группой преподавателей Ленинградского инженерно-строительного института мобилизовали в качестве проектантов для строительства ложного аэродрома и маскировки действующего на станции Горелова, недалеко от города.

Он вернулся довольно скоро, сказав: «Немцы раздолбали и ложный, и настоящий». И смачно выругался. В сентябре 1941 года в результате масированной бомбежки города, сгорели Бадаевские продуктовые склады. Внес свой вклад и товарищ Жданов, опрометчиво и преступно отказавшись принять эшелон с продовольствием, направленный Микояном. Была введена карточная система на продукты первой необходимости. Началом блокады считают 8 сентября. Постепенно становится проблемой купить дополнительно к скудному пайку что-то на деньги, ценности, вещи. Пока не замерзла река, Александр Семенович ухитрялся ловить рыбу. Потом в ход пошел осетровый и столярный клей. Насколько я помню, животных мы не ели. Чтобы получить рабочую карточку, Александр Семенович становится рабочим у литографского станка.

Вот как вспоминает художник Валентин Иванович Курдов о зиме 1941—1942 годов: «Ведерников из последних сил крутит колесо печатного станка, сам в шапке-ушанке, валенках и подпоясанным веревкой зимнем пальто. В мастерской холод, как на улице. Но пока шли ноги, он ходил работать, печатая различные материалы для нужд фронта».

Вскоре перестал совсем ходить транспорт. Не стало света, воды и тепла. Но сыпались бомбы и снаряды, и не оставляли в покое голод и холод. Все происходящее было как в тумане. О блокадном Ленинграде прекрасно рассказал академик Дмитрий Сергеевич Лихачев в своих воспоминаниях, выпущенных в 1999 году. Силы уходили. Окончательно слег Толя.

Наконец в начале 1942 года я, Александр Семенович и Надежда Павловна по путевке Союза художников собрались в эвакуацию, на Большую землю. По документу, сохранившемуся у меня, он назывался удостоверением о спецкомандировке. В письме от 17 мая 1943 года из Городца Курдову, который из Ленинграда не уезжал, Ведерников датой непосредственного отъезда назвал 3 февраля. Судя по холоду в этот день, она верна. Толю мы оставили одного, практически на смерть. Это, конечно, ужасно!

По версии Надежды Павловны, его должны были взять на следующий день и отправить с коллективом института. Сейчас-то я понимаю, что это было совсем нереально. А факт в том, что Толя, в отличие от нас, совсем не мог ходить. Мы же физически были не в состоянии доставить его до вокзала. В то безжалостное время это была обычная вынужденная практика. Я остался единственным из живых, кто его видел, общался с ним ежедневно в течение двух с лишним лет и могу засвидетельствовать, что жил на свете замечательный парень, по существу мало что видевший в жизни и так трагически и бессмысленно погибший в возрасте 24 лет. Как наяву, вижу его курносое лицо с большими глазами. Три его довоенные фотографии прислал мне из Читы внучатый племянник Александра Семеновича Евгений Ганин, за что я ему безмерно благодарен. Ну а мы, оставшиеся,

Вилхо Фриборг (в форме Горного института), 1952 г.

трое, с большим трудом добрались до Финляндского вокзала, а дальше на подкидыше с сотнями таких же горемык, как и мы, — до Ладожского озера. Здесь мы разделились. За штабелями дров Надежда Павловна и Александр Семенович поделили деньги, о чем-то договорились. Ведерников изначально был настроен добраться до Городца, к матери. Одному это было сделать проще, и он ушел, уехал первым. Сознательно не хочу вдаваться в подробности. Надо принять во внимание голод, холод, желание во что бы то ни стало выжить, ведь впереди показался свет в конце тоннеля. В уже упоминавшемся письме к Валентину Ивановичу Курдову Ведерников писал об этом периоде жизни так: «3 февраля 1942 года я покинул Ленинград. Это был холодный зимний день. Отправились мы втроем: я, жена и сын. По дороге к Ладожскому озеру потеряли половину своих вещей, часть пришлось бросить, и, самое трагическое получилось то, что мы растерялись с женой и сыном. В Волховстрое я попал в больницу, лежал там 7 дней, меня направили дальше, в так называемом спецвагоне. Отличался он от других тем, что в нем была параша, и только. По дороге кормили хорошо, но я был очень слаб и с трудом передвигал ноги. Мое желание было вымыться в бане, полежать на печке, выпить молока и поесть картошки. Все эти желания скоро осуществились. Я решил уйти из вагона в два часа ночи на станции Данилово Ярославской области. Вышел из вагона и направился по дороге. Направление моего следования было неопределенное. Шел я дорогой и радовался чистому воздуху, чистому снегу, деревьям и деревне, в которую попал. Там я пил молоко, ел картофель и хлеб. По совету одной колхозницы отправился в деревню Максимцево. Пожил там до 5 мая, двинулся дальше к Волге. Добрался до Ярославля и на пароходе спустился до Городца. Сестрой и матерью был встречен с большой радостью. Любящий тебя, А. Ведерников».

И пока мы прощаемся с Александром Семеновичем, который, как мы видим, благополучно добрался до своей малой родины и осел там до 1945 года.

Я и Надежда Павловна перебирались через Ладогу на разных автобусах, вот здесь действительно уместно слово «растерялись», причем на моем автобусе шо-

фер, не доезжая до Кабоны, сумел обобрать пассажиров. Меня оставил в покое по молодости и страшному виду, да и средств или вещей у меня никаких не было.

С самого начала пути из Ленинграда Надежда Павловна решила ехать на Кубань, к родному брату Николаю. Путь в Горький, где жила ее сестра София, был невозможен, ведь ее сына Толю мы оставили одного.

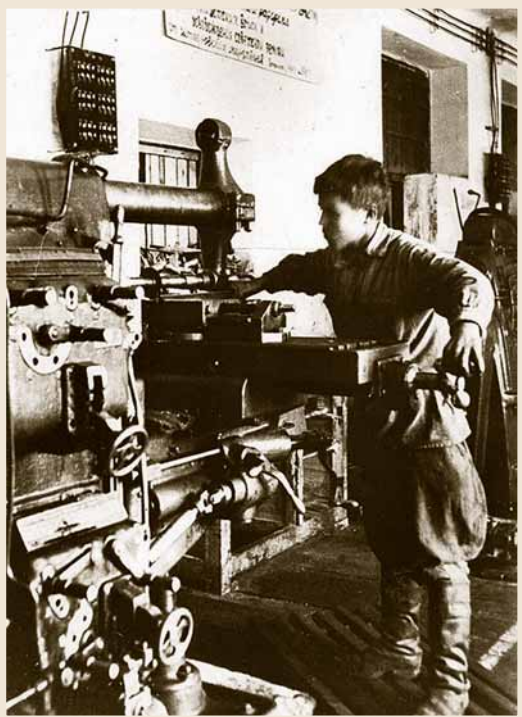
Не могу припомнить, как мы добрались до железной дороги уже на восточном берегу озера. Что касается западного, то на слуху остались Ваганово и Борисова Грива.

Поездом доехали до Череповца в помещении неработающего туалета, в вагоне, где везли сотрудников Кировского завода. Трудно сказать, как не околели. Здесь нас сняли и поместили в стационар для дистрофиков, где мы отъелись, отогрелись и отоспались. Видимо, только здесь мы почувствовали, что выкарабкались. Это была наша первая настоящая победа!

После Череповца тронулись дальше на юг. К нам присоединилась молодая женщина, потерявшая в блокаду мужа. В вагонах-теплушках 24 дня мы ехали через

Россию, с севера на юг, огибая Москву с восточной стороны. Мужчины и женщины, все вместе, с отправлением своих естественных надобностей прямо у вагона, на бесконечных остановках в поле. В природе становилось все теплее, а на станциях и полустанках все сытнее.

Не помню, где нас выгрузили, но уже на рейсовых автобусах перебросили в станицу Темиргоевское на Кубани. Отсюда нас забрал Николай Павлович Морозов, приехавший на телеге, запряженной двумя лошадьми. После небольшой перепалки между Надеждой Павловной и нашей молодой попутчицей, в результате которой мы оставили ее в станице, тронулись на место нашего будущего проживания. Стоял март 1942 года. Николай Павлович со своей женой жил в 8 километрах от станицы

Архангельской, в большом поселении, расположенном недалеко от полустанка на железнодорожном перегоне между Тихорецком и Кропоткинским. Здесь мы окончательно ожили, окрепли физически и провели в общей сложности около года.

Теплая погода, а в июле и августе жаркая, изобилие еды способствовали воскрешению души и тела.

Не помню, интересовался ли кто-нибудь из местных жителей нашими блокадными воспоминаниями, и тронули ли они их сердца. Но не сомневаюсь, что Надежда

Павловна крыла немцев вовсю. Поэтому по мере приближения немецкой армии к Кубани жена Николая Павловича все больше нервничала и, грубо говоря, в конце концов, попросила нас съехать с квартиры. Так мы перебрались в помещение сельской школы, развели кур. Местные же хозяева были в основном зажиточные и не знали, сколько у них в наличии живности — кур, уток, гусей, индюшек.

На что мы жили — это для меня большой вопрос. Пытались подрабатывать, жали лен, убрали кукурузу. Мне было 14 лет, я заимел много приятелей, научился ездить на лошади, ходил с ребятами в ночное. Николай Павлович, добрейший человек, работал мастером по обслуживанию и ремонту

шоссейных дорог. Забегая вперед, скажу, что его функции не изменились в режиме оккупации.

Перед самым приходом немцев на нашем полустанке разбомбили состав со скотом, продуктами, разными товарами. Все селение бросилось разбирать добро. Мы привезли на лошади горелые мясо и сахар.

Вскоре появились немецкие войска. Они шли и ехали на танках и машинах по шоссе, расположенному от нас в 500 метрах в направлении на Кавказ. Так мы попали из огня да в полымя. Спасало то, что немцы в село не заходили. Один из наших окруженцев пришел к нам в школу и попросил оставить, идти ему было некуда. Он оказался учителем физики и математики и подготовил меня за пятый и шестой классы. Четыре класса я успел окончить еще до войны. Остановилась в школе и беженка с мальчиком из Украины.

Колхоз был по сути полностью сохранен, но под другой вывеской. Председатель назывался старостой. Сельскохозяйственная продукция сдавалась в станицу Архангельская, где располагалась немецкая комендатура. Николай Павлович часто туда ездил на бричке по делам службы и брал меня с собой. Однажды мы свалились в кювет, так как наша лошадка испугалась идущего навстречу танка. Надежда Павловна тоже съездила в комендатуру, что-то там ляпнула плохое про немцев, и ей посоветовали там больше не появляться. Вернулась страшно испуганной. Один раз заходили румыны, те немного пограбили местных жителей. Все месяцы оккупации мы жили в животном мире, не имея никакой информации о происходящем в стране и мире.

Появление глубокой ночью в феврале 1943 года большой группы немецких солдат в школе явилось для нас полной неожиданностью. Как потом выяснилось, они отступали поспешно, переправлялись через реку Кубань, находящуюся от нас примерно в 30 км.

Мне дали в руку топор и велели рубить парты в классах на дрова. Печь-буржуйка топилась в большом зале всю ночь. Женщины грели воду, стирали и сушили солдатское белье. Немцы грелись и били вшей. Вели себя шумно. К утру также неожиданно все ушли, не причинив нам никакого вреда. Три дня прошло в безвластии. Потом пришли, не оста-

навливаясь, советские разведчики. И опять тишина. Наконец пришла власть. Моего учителя забрали особысты. Он успел шепнуть, что его отправляют в штрафбат. Не стесняясь слез, распрощался с беженкой из Украины. Оказалось, была любовь!

Вскоре мы узнали, что немцы были остановлены у Владикавказа, что они потерпели сокрушительное поражение у Сталинграда и поэтому, боясь окружения, вынуждены были отступать в сторону Ростова.

В январе 1943 года была прорвана блокада Ленинграда. Становилось все более ясно, что фортуна войны повернулась в нашу сторону, и дело было только во времени.

Видимо, в апреле Надежда Павловна стало подумывать об обратной дороге в Ленинград. Для начала получила согласие от Софии Павловны, что она примет нас временно у себя, в Горьком. И мы стали готовиться к отъезду. Распрощались с Николаем Павловичем и его женой, к полному ее удовольствию. Как оказался здесь, в Краснодарском крае, этот волжанин? Нет ответа. Больше я никогда с ним не

встречался и о нем не слышал. Но очень признателен ему и его жене, что приютили нас в то тяжелое время. Наконец-то мы отправились домой.

Решили так. Сначала поездом в Баку, затем пароходом до Астрахани и далее по Волге. Но уже в Армавире военный комендант вокзала настоятельно рекомендовал повернуть назад и по уже восстановленной железнодорожной ветке Тихорецк — Сталинград пробраться к Волге. «А в Баку вас ограбят или убьют», — добавил он. Помог с посадкой в вагон.

И вот опять мимо родного полустанка. После Тихорецка из окон на протяжении десятков километров созерцали следы ужасных боев. В Сталинграде, с чемоданами в руках, пробрались по развалинам до единственного уцелевшего здания речного вокзала. Дальше плыли пароходом по Волге до Горького, и только днем (боялись плавучих мин) Софья Павловна встретила нас, но без особого восторга. Основная претензия — почему не взяли Толю? Ответить на этот вопрос было непросто. И лаялись сестры часто. София Павловна жила на правом высоком берегу Волги, на улице Минина-1, на втором этаже довольно уютного старого деревянного дома. Рядом рынок, параллельно улице шла набережная, по местному — откос, откуда открывался великолепный вид на Волгу и Оку.

В трехкомнатной квартире она занимала две комнаты, одна из них была большая и проходная. В ней спала на полу хозяйка, а рядом на раскладушке относительно молодая женщина: неприятная, злая, хроменькая. Кто она, кем приходилась, как звали — ничего не помню. Мы с Надеждой Павловной занимали меньшую комнату, непроходную, спали на кроватях. Еще одну комнату занимала некто Шура, с которой у нас сложились хорошие отношения.

По приезду в Горький Надежда Павловна съездила в Городец, где жил Александр Семенович с сестрой Татьяной и матерью. Не помню, ездила со мной или одна. Не помню, приезжал ли в Горький Александр Семенович. Он в своих записках пишет, что был в декабре 1943 года и провожал нас в Ленинград в июле-августе 1944 года.

София Павловна работала на железной дороге, возила почту. Обычно ездила до города Арзамаса, но

иногда были поездки в Дзержинск, город химиков под Горьким, весь окутанный ядовитыми цветными испарениями! Тогда я ее сопровождал. К вагонам подносили поваренную соль — дефицит тех времен. Тетя Соня покупала ее мешками и перепродавала дороже через постоянных посредников в Горьком, то есть по старым понятиям спекулировала. В основном тем и жили. Я использовался как физическая сила. До моих занятий в школе в 7-м классе работал с Надеждой Павловной на безымянном острове, расположенном посреди Волги — убирала там капусту. Оплата натурой. Обязательно нужно было ночевать там, в палатке. Катер приходил за продукцией один раз в три дня. Продержались недолго, заели комары по ночам. София Павловна была этим очень недовольна.

В сентябре 1943 года я поступил в 7-й класс средней школы. В феврале 1944 года оформил паспорт, указав в нем национальность как русский — по матери. Это при таких-то фамилии, имени и отчеству. Вопросов в милиции не вызвало. В анкете о судьбе родителей рассказал правду.

После окончания семилетки можно и нужно было думать о возвращении в Ленинград. Отношения с Софией Павловной были окончательно испорчены. Мы ей

просто надоели. Несмотря на полное снятие блокады Ленинграда, свободный доступ в него, даже жившим там до войны, был еще закрыт. Нужна была весома причина, чтобы в него пустили. Я завербовался на работу ткачом на фабрику им. Желябова, находившуюся недалеко от нашего ленинградского дома. Сумели добиться разрешения на въезд в Ленинград и Надежде Павловне, как моей опекуни, по сути уже второй матери.

Рвался в Ленинград и Ведерников. Однако я никак с ним официально связан не был, не говоря уже о его трудоустройстве как художника.

Со второго квартала 1942 года Александр Семенович жил в Городце, преподавал в школе рисование и черчение, летом занимался хозяйственными работами, рыбачил, ходил по грибы и ягоды. Чувствовал себя морально скверно, особенно когда узнал о снятии блокады Ленинграда, писал просьбы в военкомат, проходил неоднократные медицинские освидетельствования и признавался годным к

строевой службе, однако никаких дальнейших шагов не следовало.

Просьбы о вызове в Ленинград где-то зависали. Он считал, что виной всему его штатская форма одежды. Вот в таком убитом состоянии мы его оставили в июле 1944 года, когда я и Надежда Павловна уехали наконец в Ленинград.

Софья Павловна нашему отъезду была очень рада, однако я ей очень благодарен за то, что маялась с нами больше года. Когда я уже работал, то часто бывал в командировке в Горьком и останавливался всегда у нее.

Дом наш в Ленинграде стоял на месте. Состав жильцов квартиры полностью поменялся. Наши комнаты тоже оказались занятыми. Некоторое время жили в помещении школы, где опять стала работать учителем Надежда Павловна.

Я стал работать на ткацкой фабрике и одновременно готовился к поступлению в техникум. После успешной сдачи вступительных экзаменов удалось через прокурора Василеостровского района добиться освобождения наших комнат и уволиться с фабрики. Время, проведенное в ней, вызвало ужас из-за грохота ткацких станков, воня и пыли.

Александр Семенович вернулся в Ленинград в феврале 1945 года. Так что день Победы встречали уже втроем. В августе 1945 года вернулся Шура Ганин.

На этом можно было бы и закончить мой очерк, но он был бы неполным. Видимо, надо хоть немного рассказать о жизни каждого из нашей семьи после войны.

Шура Ганин окончил Горный институт в 1952 году и был направлен на работу в Читу, в геологоразведочное управление. И пока был жив, приезжал в отпуск со своей семьей в Ленинград.

Надежда Павловна за свою долгую трудовую жизнь была награждена орденом Ленина. Она сделала все возможное, чтобы спасти меня в блокаду и годы войны. Умерла в 1958 году.

Александр Семенович прожил долгую творческую жизнь и остался в памяти как один из самых известных ленинградских графиков. Его работы хранятся во многих музеях нашей страны и мира и до сих пор экспонируются на различных выставках.

Я окончил Ленинградский индустриальный техникум и Ленинградский Горный институт, женился и 37 лет проработал в Объединении электронного приборостроения «Светлана». С 1967 года вместе с семьей переехал в Калининский район. В 1991 году ушел на пенсию.

Людмила Никоновна ШЕЛКОВА

Воспоминания блокадного ребенка

Я, Людмила Никоновна Шелкова, родилась 18 февраля 1933 года в Ленинграде. Мой отец был инженером-строителем, мама — библиотекарем, а бабушка — персональной пенсионеркой. Бабушка владела одной четвертой двухэтажного дома в районе завода «Большевик».

В 1938 году родилась моя младшая сестра Марина.

За неделю до начала Великой Отечественной войны отец получил двухкомнатную квартиру на улице Седова, и мы туда переехали, обустроивались. Родители надеялись на долгую и счастливую жизнь. Еще раньше, в Финскую кампанию, отец был призван в действующую армию, но вернулся с фронта невредимым.

В первый же день войны отец снова ушёл на фронт. Начались дни блокады: бомбёжки, ожидание самого страшного, бесконечные спуски в подвал, а позже и голод. Сначала меня водили в детский сад во дворе, но потом он закрылся.

Рядом с садом долго горел большой кирпичный дом.

Не было отопления, света, воды. Лестница обледенела, потому что лопнули батареи центрального отопления. Я помню, как внизу нашего дома долго лежала мертвая женщина с вырезанными мягкими частями тела.

Мамины две сестры переехали с детьми к нам, и мы все вместе жили в двенадцатиметровой кухне. Да к тому же мы — дети — заболели корью, из-за чего мой двоюродный братик Вовочка умер. Мы сожгли в печке всё, что могло гореть: мебель, даже отцовские чертежи на ватмане. После бомбёжки взрослые с улицы приносили обломки дерева для топки печки.

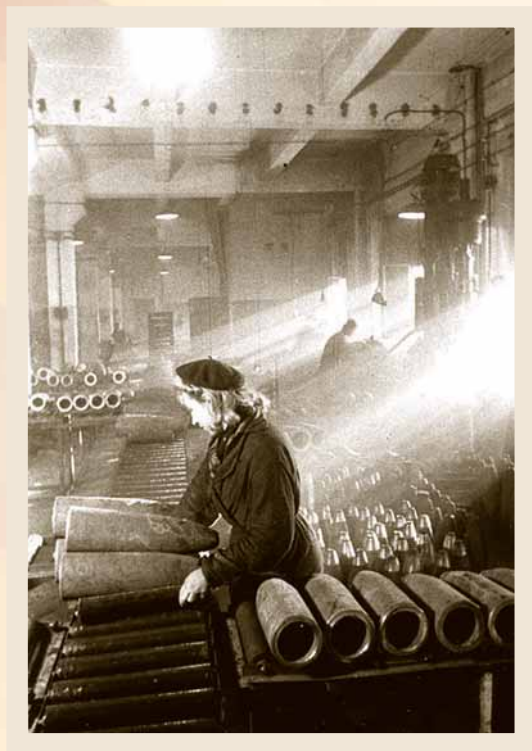
Отец воевал на Ленинградском фронте и при этом умудрялся присылать нам часть своего пайка: замороженную буханку хлеба, куски серого сахара, маргарин, консервы. Но всё равно мы страшно голодали. Я помню, как бросала несколько кусочков «почти хлеба» размером полсантиметра в жидкость, отдаленно напоминающую суп. Клей, дуранду, жмыхи, кожаный ремень — все было съедено. Долго полыхало зарево — горели Бадаевские склады.

Моя тётя, женщина решительная и смелая, пару раз приносила куски мяса — где-то нашла палую лошадь. Сейчас страшно представить, как мы выжили в сорокоградусные морозы без света, воды, отопления, голодные, больные, под бомбёжкой и снарядами «Большой Берты». По требованию моего отца мама отправила мою сестру (написав на ее спинке, кто она и откуда) с другими детьми в эвакуацию из Ленинграда. Дети оказались в городке Угловка. Моя сестра оказалась у доброй женщины-учительницы. Она написала маме о том, что немцы наступают, городок бомбят. И моя бабушка, взяв меня с собой, поехала за Мариной. Нам удалось всем троим вернуться в Ленинград.

Старшие опухали от голода, а бабушка уже не могла снять валенки.

4 апреля 1942 года наша семья эвакуировалась из блокадного Ленинграда по оседающему льду Ладожского озера. Я ехала на машине в кузове с взрослыми. Было холодно и страшно: рвались бомбы, возникали полыньи, в которые уходили машины. Мы ехали по воде, лёд на озере оседал. Нас привезли в Кабону. По дороге я потеряла один галош

с валенка и сразу промочила ногу. Нас накормили пшенной кашей и американскими галетами наполовину в шоколаде. У нас всех начался кровавый голодный понос — эти мучения я помню всю жизнь.

Скоро нас погрузили в теплушки, и состав отправился на юг России. Так мы оказались в горах Кабардино-Балкарии в ауле. Мама и её сестры брались за любую работу, доили коров и коз. Мама работала землемером. Потом мы переехали в посёлок «Боксан-ГЭС», где мама стала работать

бухгалтером, а моя тётя — экономистом. Жили мы в здании больницы, превращённой в общежитие, в помещении операционной. Далеко в горах сеяли кукурузу и фасоль. Весь урожай приносили на себе, и все заболели малярией.

Мы вернулись в Ленинград в сентябре 1945 года в опустевшую квартиру. Мой отец погиб на фронте, а еще раньше в 1941 году — дедушка. Война прошла и по семье моего отца — его братьям и двум сёстрам, но это уже другая история.

Фёдор Павлович КУЗНЕЦОВ

*Нет. Если сказано солдату —
Во что бы то ни обошлось, —
Стоять! Нет дисков — есть граната,
Гранаты нет — есть в сердце злость.*

Конец августа 1941 года... В Смольном шло заседание Военного совета Ленинградского фронта. В оперативном отделе и отделе военных сообщений не успевали получать и выполнять распоряжения: осуществлялась перегруппировка сил.

В район станции Мга срочно перебрасывались пограничные войска НКВД. Под Колпино выдвигалась 168 стрелковая дивизия, эвакуированная через Ладожское озеро из города Сортавалы. Балтийский флот получил задачу вывезти три дивизии из под Выборга.

В эти напряжённые дни была прервана железнодорожная связь Ленинграда с центральными районами страны. Противник прорвался к Октябрьской железной дороге, подошёл к станции Мга и 1 сентября взял её. Дивизия НКВД полковника Донскова получила приказ отбить станцию у противника. Первая же атака оказалась удачной: противник отошёл. Но уже на следующий день, 2 сентября, в районе Мги появились новые силы 39-го моторизованного корпуса и части 1-го и 28-го армейских корпусов 16-й армии немцев. Силы были слишком

неравными и Донсков вынужден был отходить на Шлиссельбург. Однако 8 сентября Шлиссельбург пал. Два полка дивизии НКВД и отряды моряков, защищавших город, не смогли удержать его и переправились через Неву. Рубеж прикрытия Ленинграда проходил по Неве от Колпино до Ладожского озера. Начало боёв на нём стало началом блокады.

Штаб фронта неоднократно напоминал: ни в коем случае не допустить переправы гитлеровцев через Неву. Он требовал усилить разведку, подтянуть главные силы дивизии к наиболее вероятным местам вражеского удара. К 12 сентября оборонительные позиции на левом фланге, от Ладожского озера до железнодорожной платформы «Теплобетон», заняли части 1-й дивизии НКВД, вышедшей из боёв под Шлиссельбургом.

Группу войск, оборонявших правобережный рубеж, командование пополнило 4-й отдельной бригадой морской пехоты, снятой с островов Ладожского озера. В пяти батальонах бригады и в других её подразделениях насчитывалось около 6 тысяч человек.

Особенно напряженной была ночь на 13 сентября. Защитники Ленинграда реально ощутили, что не-

мецко-фашистское командование организует новый решительный штурм.

В этой критической ситуации произошла смена командования Ленинградского фронта. Маршала К.Е. Ворошилова отозвали в Москву. Прибыл генерал армии Г.К. Жуков. Начальником штаба Ленинградского фронта стал генерал-лейтенант М.С. Хозин.

В штабе подвели итоги боёв на Невском пятачке. Противник потерял не менее двух тысяч убитыми и ранеными. Герои-пехотинцы (моряки и армейцы) захватили 17 пулеметов, 40 автоматов, большое количество винтовок и боеприпасов. Огнем нашей артиллерии было уничтожено 6 вражеских танков, более двух десятков автомашин, подавлено несколько минометных батарей.

С каждым днем положение на плацдарме становилось все напряженнее. Особенно жестокие бои шли за Арбузово. Там очень пригодились пушки, переправленные артиллеристами 576-го полка в первую же ночь высадки.

В период с 22 по 27 сентября на пятачок были переправлены три батальона 4-й бригады морской пехоты. Бои, развернувшиеся на плацдарме, продолжались целый месяц, до прихода других соединений и частей. Протяжённость плацдарма по фронту не превышала 1200—1400 метров, а в глубину — метров 500. Нашим батальонам удастся зацепиться за окраину деревни Арбузово, но лишь на то время, пока в строю есть бойцы и пока враг не бросит в бой свои резервы. На пятачке радиосвязь себя не оправдывала: радиции РБ и «Север» не обеспечивали необходимой надежности. Они использовались лишь как дублирующее средство. Главное — проводная связь и связь нарочными (в их роли были флотские сигнальщики). Связисты тянули телефонный провод по перепаханной взрывами земле, укладывали его без всякой подвески на местных предметах. Эта связь действовала почти безотказно благодаря мужеству тех, кто немедленно исправлял повреждение.

По всем каналам связи командование требовало новых и новых атак, продолжения наступления. Атаки подчас сменялись контратаками врага. «Мы все жили тогда надеждой, что не сегодня, так завтра с пятачка удастся решить ос-

новную задачу — выйти на соединение с нашими войсками, наступающими с востока».

Было подсчитано, что в среднем на 1 квадратный метр пятачка враг выпускал в час от 15 до 25 пуль, обрушивал на плацдарм до 2 тысяч мин, нарядов и бомб.

В октябре в Ленинграде ещё не так остро чувствовалась блокада. Ходили трамваи, в квартирах горел свет, работали телефоны. Даже третье снижение продовольственных норм было встречено без особой тревоги.

20 октября войска Ленинградского фронта начали операцию по прорыву блокады. Однако фактор внезапности был утрачен, операция успеха не имела. Уничтожить плацдарм противник также не смог.

Приближалась 24-я годовщина Великого Октября. Фронтвые вести нас не радовали: фашисты рвались к Москве. И вдруг по Невскому пятачку пронеслась ошеломляющая новость: как и в предвоенные годы в столице состоялось торжественное заседание Московского совета депутатов трудящихся, а на другой день парад войск на Красной площади. Это событие вызвало душевный подъём. Из уст в уста передавались слова И.В. Сталина: «Никакой пощады немецким оккупантам!» В ночь с 9 на 10 ноября 169-й и 330-й стрелковые полки сосредоточились на левом фланге плацдарма и 10 ноября атаковали противника. «На пятачке страшная картина опустошения предстала перед нами. Шквалом вражеского огня были снесены все постройки Московской Дубровки, уничтожена вся растительность, перепахана земля. Ключок выжженной земли, сплошь покрытый осколками разорвавшегося металла, представлял собой лабиринт окопов и траншей, к котором было легко заблудиться. Поверх всех траншей, ходов сообщения, блиндажей в беспорядке лежало великое множество «ежей» — мотков и рогаток из колючей проволоки. Многими участками траншей давно никто не пользовался, они осыпались от ударов мин и снарядов, стали очень мелкими. Таким мы увидели плацдарм, который служил исходным рубежом наших активных действий.

В первых числах декабря на плацдарм стали прибывать части 10-й стрелковой дивизии. И в феврале и

в марте 1942 года не было дня, чтобы фашисты не атаковали наши позиции. «Кто на пяточке не бывал, тот горя не видал». «Кто под Дубровкой смерть миновал, тот во второй раз рождён». Такие поговорки в ту пору у многих были на устах.

С 11 марта на Невском пяточке остался только один 330-й стрелковый полк. В начале апреля фашисты 3—4 раза в день проводили разведку боем, и каждый раз на новом участке. В Архиве МО сохранились документы, в которых отражен ход боевых действий на Невском пяточке в апреле 1942 года. Они свидетельствуют о том, что с утра 25 апреля 1942 года весь пяточок и правый берег Невы подверглись мощным ударам артиллерии и авиации противника. Противник много раз пытался ликвидировать пяточок, предпринимал для этого различные способы. Он атаковал то днем, то ночью, то с артиллерийской подготовкой, то без неё, а иногда устраивал и психические атаки. Только за время с 12 октября 1942 года по 21 января 1943 года наши воины отразили почти 300 вражеских атак.

Небольшой клочок земли, отбитый у противника на левом берегу Невы, напротив Невской Дубровки, стал подлинным бастионом битвы за Ленинград. Он сыграл важнейшую роль в прорыве блокады и разгроме противника южнее Ладожского озера. Защитники Невского пяточка явили пример величайшей стойкости и мужества.

Уважаемые читатели!

В год празднования 65-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов нами выпущена 1-я часть Книги памяти. При поддержке общественных объединений, молодежи и школьников, а также при активном участии жителей нашего округа начала создаваться комната боевой славы. Её основу должна была составить музейная экспозиция, в которой представлены экспонаты, обнаруженные поисковым отрядом «Молодая гвардия». Первые экспонаты появились после вахты памяти 2010 года на Синявинских высотах Кировского района Ленинградской области. Официальная передача находок поисковиками состоялась 13 января 2011 года. Этот день и считается днем рождения нашего небольшого муниципального музея.

Экспозиция постоянно пополняется новыми находками: стальными шлемами, элементами вооружения и снаряжения с мест бывших боев, которые «Молодая гвардия» передает нам в период ежегодной вахты памяти.

Некоторые экспонаты переданы нам жителями округа. Чего только стоят такие экспонаты, переданные нам блокадниками как: кусочек столярного клея, которым был награжден за ударный труд рабочий завода «Арсенал» или чечевица, сохраненная с тех времен, или блокадные картонные спички. Эти напоминания о блокаде бережно хранятся во многих ленинградских семьях.

Работа по сбору фотодокументов и экспонатов ведётся постоянно. Это наш долг сохранить память о страшной войне и блокаде. И не только сохранить, но и рассказать об этом детям и молодёжи. Поэтому Муниципальный совет и Местная администрация постоянно приглашают ветеранов Великой Отечественной войны, блокадников и тружеников тыла для встреч с молодёжью и проведения «уроков мужества» со школьниками.

Приглашаем ветеранов и блокадников к сотрудничеству по патриотическому воспитанию молодёжи и школьников. Мы уверены: Вам есть о чём им рассказать!

Всеволод Беликов

*На выставке экспонатов,
переданных в комнату
боевой славы*

◀ Блокадницы Ж.Я. Киселёва и Г.Ф. Куликова на уроке Мужества

▲ Поисквики за работой

◀ Торжественное захоронение

▼ Фото объединения, 2007 год

Школьники
на уроке Мужества

Председатель Координационного совета поисковых объединений В.А. Юхневич передает экспонаты главе муниципального образования В.Ф. Беликову

Блокадник И.Б. Шапиро рассказывает школьникам о Дороге жизни

Содержание

АЛОВА Галина Ивановна	5
АСАФОВА Надежда Леонидовна	8
АТЛАСОВА Софья Яковлевна	14
БАТЕХИНА Валентина Федоровна.....	17
БЕЗЛЮДНАЯ Зоя Дмитриевна	20
БЕСПРОЗВАННЫХ Галина Ивановна	24
БРОВКИН Алексей Иванович	31
БУНИН Исая Израйлевич.....	48
ВАСИЛЬЕВА Нина Николаевна	50
ВАСИЛЬЕВА Ираида Алексеевна	53
ВАСИНА Лидия Пантелеймоновна.....	57
ВИНОГРАДОВА Зоя Алексеевна	63
ВЫНОСОВА Тамара Александровна	87
ГАЙДАМОВИЧ Татьяна Ивановна	89
ГРИГОРЬЕВ Борис Васильевич.....	91
ДРУГАНОВ Борис Николаевич	94
ДРУЖИНСКИЙ Алексей Владимирович.....	105
ИВАНОВА Нона Петровна	107
ИВКИНА Зинаида Петровна	109
ИДОБАЕВА Елена Игнатъевна	112
ИЛЬИНА Раиса Васильевна	115
ИЦХАКИНА Ванда Иосифовна	120
КАЛИНИН Александр Матвеевич	127
КОЗЛОВА Валентина Николаевна	136
КРИВОВ Валентин Гаврилович.....	138
КУЗНЕЦОВА Елизавета Николаевна.....	146
КУПЦОВА Тамара Петровна.....	150
ЛЮБИМОВ Игорь Сергеевич	155
МОИСЕЕВА Валентина Фёдоровна.....	161
НОВОСЁЛОВ Аркадий Яковлевич	165

ПАЛЬМОВСКАЯ Наталья Васильевна	172
РЕВЗИНА Инна Эльковна	175
РЕПИНА Инна Александровна	181
РОЗОВА Лея Руфимовна	184
САВЕЛЬЕВА Ада Васильевна	191
САВИЦКАЯ Ефимия Трифоновна	197
САЗЫКИНА Нина Павловна	205
СОКОЛОВА Рита Алексеевна	208
СОКОЛОВ Борис Александрович	208
СТЕПАНОВ Федор Кузьмич.....	211
ТАРАСОВ Юрий Леонидович.....	213
ТКАЧЕНКО Евгения Петровна	217
ФАДЕЕВ Владимир Иванович	221
ФРИБОРГ Вилхо Эдвардович	227
ШЕЛКОВА Людмила Никоновна.....	242
КУЗНЕЦОВ Фёдор Павлович	245

*Внутригородское муниципальное образование Санкт-Петербурга
муниципального округа Финляндский округ*

НИКТО НЕ ЗАБЫТ, НИЧТО НЕ ЗАБЫТО

Часть II. Город выжил, потому что жил...

При оформлении книги использовались материалы:
из личных архивов участников Великой Отечественной войны,
жителей блокадного Ленинграда и труженников тыла,
Чуйков В.И., Рябов В.С. Великая Отечественная. Фотоальбом.
Москва. «Планета». 1985.

ООО «Атика»

Дизайн обложки – Л.Л. Грабарь

Верстка – И.Н. Быков

Корректор – М.Л. Водолазова

Бумага мелованная.

Формат 70×100 1/16. Тираж 1000 экз.

Заказчик: Местная администрация муниципального образования
Финляндский округ.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ООО «Любавич».

Санкт-Петербург, Б. Сампсониевский пр., д. 60